

Специално

Софи Джордан

Во власти греха

Один из самых завидных холостяков Европы наконец-таки решил жениться...

Будучи внебрачной дочерью одной из самых сомнительных личностей Лондона, отчаянно независимая Грир Хадли располагала лишь одним преимуществом: огромным, добытым нечестным путем приданым.

Принц Севастьян Максими знал, в чем заключается его долг: он должен найти благовоспитанную молодую леди — с именем и значительным состоянием — жениться на ней в кратчайший срок и приступить к производству наследника.

Последнее, в чем нуждалась Грир, — это некий недостижимый принц, от горящих взглядов и непристойных предложений которого у нее поджигались пальцы ног. Сев же переживал, что низкое происхождение Григ не позволит той стать принцессой. И, тем не менее, одного поцелуя этой поразительной женщины хватило, чтобы понять: невысказанно, что в его объятиях будет другая женщина...

Софи Джордан
Во власти греха

Королевский дворец, Малдания.

Он жив.

Каблуки сапог чеканили холодный, точный ритм. Пару ярдов назад Севастьян перестал оставлять за собой след из грязи и крови, которые покрывали его с головы до ног. Грязь, кровь и что-то еще, что у него не хватало духу рассмотреть. Позже это будет являться ему в кошмарах. Выглядел он убого, потрепанная одежда ничем не напоминала некогда прекрасный мундир, но чувствовал себя Севастьян окрыленным, победителем.

По коридору резко раздавался стук его шагов о мраморный пол, тот самый пол, по которому раньше ступали поколения предков Сева. С его губ сорвался прерывистый вздох. Тот самый пол, по которому будут ходить его потомки. Теперь, когда война позади, он почти не сомневался, что у него будут наследники. Отныне все зависело от него. Тяжесть новой ответственности легла на плечи Севастьяна.

Его длинная тень тянулась до установленных вдоль коридора витражей. Он все еще часто дышал после бешеной скачки — так спешил первым рассказать королю, что все закончилось.

Сев кивнул капитану стражи, стоявшей на посту с обеих сторон массивной двустворчатой двери в королевскую опочивальню. Стражники поприветствовали его, резко щелкнув каблуками.

Перед тем как войти, он один раз постучал. Король сидел в кресле с высокой спинкой перед окном на всю стену. Оно выходило на долину, которую Севастьян, одержимый стремлением скорее добраться сюда, только что покинул. Вдалеке, где за покрытой снегом долиной высились горы, черный дым огромным столбом поднимался до самых небес.

Жесткие черты лица старика немедленно смягчились, как только он увидел, кто вошел. — Ты жив, — прошептал король дрогнувшим от волнения голосом. Глаза наполнились слезами.

Севастьян кивнул. Встав на колени перед своим королем, он низко склонил голову.

— Королевство отвоевано, Ваше Величество. Враг повержен. Марсан мертв, а остальные мятежники сдались.

Король, не сдержав порыва нежности, положил руку с шишковатыми пальцами на голову Севастьяна.

— Ты одержал победу. Я знал: ты победишь.

Севастьян оскалился, заметив, как его кровь капает на королевское одеяние. В последние годы он не испытывал той же уверенности. Знал лишь, что должен победить — или умереть.

Принц поднялся на ноги.

Правитель изможденно закрыл глаза, осознавая, что десятилетнее кровавое восстание наконец закончилось. И битва была не только за королевство, но и за Севастьяна. Он вырос во взрослого мужчину среди войны и смерти. Это все, что он знал.

Король удивительно крепко для человека с таким слабым здоровьем схватил Севастьяна за руку.

— Ты знаешь, что теперь должен сделать. И побыстрее. После стольких лет тьмы страна жаждет света. Ты должен дать народу этот луч надежды, обещание, что грядут лучшие дни.

У Сева сдавило горло.

— Я не подведу тебя, дедушка.

— Конечно, нет.

— Я осознаю свой долг. И исполню его.

Глава 1

Два месяца спустя...

— Вы мисс Хадли имеете в виду?

То, как дама произнесла слово «высокая», определенно указывало, что она собирается что-то добавить.

В ту самую минуту, когда сплетницы обсуждали пороки Грир, они заметили ее среди листьев. От такого оскорбления у них глаза на лоб вылезли. Грир потребовалась вся сила воли, чтобы удержаться и не показать язык. Им могло не нравиться, что она отирается среди их класса, но ей необходимо влиться в высшее общество. Во всяком случае, они нуждались в деньгах ее отца.

Да пропади все пропадом! Опять? Неужто снова она должна терпеть пренебрежение к своей персоне? И хотя Грир понимала, что ей следует развернуться и уйти, она застыла на месте, ноги будто приросли к паркету, пристальный взгляд устремился к двум фигурам стоящих впереди людей. Один из мужчин был невероятно высоким, другой — едва доставал ему до подбородка.

Он оказался большим, а не просто высоким. Превосходная ткань вечернего костюма плотно обтягивала широкие плечи. Грир не смогла заметить ни капли жира или следа набивки, отчего бестактно хмыкнула. Он был хорошо сложен: заметная линия талии, узкие и стройные бедра. Необычное телосложение среди светских джентльменов. Скорее он напоминал мужчин ее дома, мужчин, привыкших к тяжелой работе.

Станный, если сказать точнее. Этот заносчивый павлин, возможно, все свое время тратил на фехтование или еще какое-то бесполезное занятие, которое поддерживало его в хорошей форме. Наверняка он не способен на что-нибудь поистине мужественное или требующее усердия. Грир яростно накинулась на печенья, раздирая его на куски и усыпая пол крошками — попутно она оценивала, что еще может разглядеть в неподвижной фигуре Севастьяна. Чертов педант.

Вероятно, он даже лошадь не способен оседлать, и вряд ли у него достает навыков, чтобы попасть в цель из винтовки. Почему его мнение должно иметь значение? И почему оно доставляет такую боль? Мнение безликого человека, которого Грир, наверное, могла бы превзойти.

— Я здесь две недели, Малкольм, — голос Севастьяна прогремел в воздухе, слабый акцент утяжелял речь.

Грохочет он вполне мужественно, посчитала Грир. Она могла бы даже найти его акцент привлекательным, если бы все сказанное им не убедило ее, что он заносчивый хам.

— Ты обещал, что представишь мне подходящих кандидатов, и это все, что ты можешь предложить? Пару бастардов с недостойным отцом? Неужели девчонки даже образованы?

— Ну, ты сказал, что хочешь жениться на одной из самых богатых наследниц Англии и поскорее. А сейчас даже не Сезон¹, Сев. Половина Общества зимует в деревне. А девицы Хадли, возможно, лучшее из того, что есть.

— Вот же черт! — Севастьян пробежал сильной крупной ладонью по волосам, которые были длиннее, чем считалось модным. Возможно, такую прическу предпочитали на его родине. — Мне следовало сеть на тот корабль, плывущий в Америку. Я требую наследницу с безупречной родословной. Я не могу представлять не пойми кого, с неизвестно какими

корнями как будущую королеву Малдании. Да дедушка умрет на месте.

Грир сглотнула. Он король? Или же вскоре им станет? Она стоит в нескольких шагах от принца? В животе все вздыбилось.

— Даже сокровища Соломона не соблазнят меня на то, чтобы жениться на такой простушке. Наследница она или нет. Право же, Малкольм, ты меня сюда притащил. Есть здесь кто-то другой, кого можно рассмотреть? Если нет, так давай не будем попусту тратить время и откланяемся. Я приглашен на аудиенцию к королеве завтра утром. Возможно, она даст мне рекомендацию.

Грир вскипела.

«И в самом деле, не уйти ли вам прочь отсюда».

— Уверен, ты захочешь задержаться. Я заметил, что очаровательная леди Керкендейл поманила тебя. По всей видимости, ей доставало твоей компании на званом ужине, устроенном ею на прошлой неделе.

— Очевидно, так и есть. — Голос принца сделался сладострастным, и Грир готова была побиться об заклад, что и мысли его приняли тот же оттенок распутства. — Она устроила радушный прием.

Грир почувствовала, как скривились губы от мягкого тона принца. Леди Керкендейл была дамой замужней, но ему, вероятно, не доставало благородства, раз он уделяет внимание замужней леди. Негодяй.

— Вероятно, мы можем задержаться, — беспечно продолжил он. — Она может вновь развлечь нас так, что этот вечер не будет потрачен впустую.

— А вот и не впустую. Посмотри туда, это леди Либби. Я и подумать не мог, что она была приглашена на этот вечер. Ее отец граф с туго набитыми карманами. Он сделал состояние на строительстве железных дорог. Она есть в том списке, что я тебе дал, можешь посмотреть. Ты непременно должен познакомиться с ней.

— Намекаешь, что дочь графа определенно превосходит совершенно непригодных девиц Хадли?

Снова этот холодный бесчувственный тон, действующий Грир на нервы.

— Тот класс девиц, на которых ты можешь жениться, а не просто тащить их в постель, да? — усмехнулся Малкольм.

— Именно, — согласился принц.

Ну все!

До того, как она смогла себя остановить, Грир уже отодвинула несколько листьев папоротника и высоко подняла стакан. С благоговейным ужасом смотрела она, как рука наклоняет бокал с напитком высоко над темноволосой головой принца, наклоняет все больше и больше...

Она наблюдала за этим так, будто рука не принадлежала ей и стакан был чужим.

В миг, когда вода пролилась на голову принца, с его губ сорвалось восклицание на чужом языке — Грир не сомневалась, что он выругался, судя по свирепому тону возгласа.

Моргнув, Грир выдернула себя из состояния парализующего ступора.

— Искренне прошу простить меня, — произнесла она притворно слащавым тоном. — Неужели я пролила свой напиток прямо на вас? Я такая неуклюжая. — Она протянула ему свой скомканный носовой платок. — Здесь так много народа. Должно быть, меня толкнули.

Грир чуть не задохнулась, слушая собственное предположение о том, что опрокинула бокал случайно — да еще и через комнатное растение, не иначе — и прямо на голову

оскорбившего ее незнакомца.

Малкольм, его кузен с копной рыжих волос, смотрел на нее большими глазами. В его взгляде читалось больше, чем просто возмущенный ужас: он будто бы узнал ее. И Грир поняла, что это вполне возможно. Особенно если она опрокинула бокал на его чертов список. Последние две недели отец только и делал, что таскал их с сестрой по Лондону, щеголя некогда потерянными и обретенными ныне дочерьми перед стаей охочих до денег женихов голубых кровей.

— М-м, Сев, — начал Малькольм, но замолчал по взмаху руки Севастьяна.

И только брак с благородным джентльменом мог показать окружающим, что она больше, чем просто случайно рожденная, больше, чем ничто. Она станет уважаемой леди, и никто более не посмеет поливать ее грязью.

— Неуклюжая? — мужчина надменно выгнул темные брови. С минуту он рассматривал протянутый ему носовой платок, словно опасаясь, что тот грязный, потом вырвал его из ее руки и вытер затылок и шею.

Взгляд Грир оставался виноватым, глаза широко распахнутыми в притворной невинности, в то время как в венах на медленном огне кипела злость. Этот напыщенный болван своими словами вызвал самые плохие воспоминания обо всем том времени, когда дети в деревне насмеялись над ней.

— Приношу свои извинения, — солгала Грир приторным голосом.

— Не стоит, — резко ответил Севастьян, буравя ее холодным взглядом. — Высохну.

Она быстро кивнула.

— Несомненно. Никакого значительного ущерба.

Жалость какая. Он заслуживал чего похуже, а не просто опрокинутого на голову стакана воды.

Мужчина склонил голову на бок, разглядывая незнакомку чуть ли не с замешательством. Недостаток искренности в ее словах определенно не ускользнул от его внимания.

Грир осталась равнодушной к сему обстоятельству и скорее обрадовалась, что от него это не укрылось — ее губы расплылись в довольной улыбке. Приподняв юбки, она развернулась и ушла прочь. Даже если потом придется сожалеть о своем безрассудном поступке, сейчас ей было хорошо. Грир чувствовала, что поступила правильно.

До нее донесся властный требовательный голос принца, обращенный к кузену:

Обрушилась тяжелая тишина. А затем последовало:

— О.

Грир улыбнулась шире. В самом деле, «о». Пусть ему станет неудобно. Пусть бежит за ней, чтобы извиниться. Но, когда она услышала следующие слова, все самодовольство испарилось.

— Она всецело соответствует тому, что можно ожидать от женщины низкого происхождения.

Грир остановилась лишь на миг, терзаемая сомнением: может, стоит развернуться и высказать негодяю все, что думает о его персоне? Глубоко втягивая воздух, чтобы не сбить дыхание, она двинулась дальше, ускоряя шаг, не в силах больше слушать. Не в силах больше терпеть унижения.

Глава 2

— Чем она занималась, прячась за тем кустом? — С легкой гримасой на лице Севастьян насухо вытирал шею. Лимонная вода была чертовски холодной, отчего по коже до сих пор бегали мурашки.

Малкольм пожал плечами.

— Очевидно, подслушивала. Хорошо, что ты вычеркнул ее из списка возможных невест. Кажется, ты не произвел на нее впечатления.

— Она на меня тоже. — Сев бросил платок на стол. — Случайность. Да черта с два, маленькая лгунья.

Принц посмотрел вслед девушке, пробирающейся сквозь толпу. Ростом она была выше большинства женщин, и он легко следил взглядом за фигурой с забранными в высокую прическу темно-рыжими волосами. У него чуть не вырвалось, что она оказалась не такой, какой он ожидал, но тут же осознал, что вовсе ничего не ожидал, потому что не думал ни об одной из сестер Хадли. Разве что находил их весьма неподходящими кандидатками в жены.

Севастьян пожал плечами. А глаза-то у этой мисс Хадли прекрасные, даже когда горят злостью. Однако ему без разницы.

Прищурившись, он смотрел на ее стройную спину и удивленно произнес, отказываясь мириться с произошедшим:

— Маленькая чертовка окатила меня из стакана. — Низкого она происхождения или нет, но чтобы женщина позволила себе такое поведение? Да еще по отношению к нему? Никогда прежде даже и намек не было, что нечто подобное может произойти.

— Так и есть, — подтвердил Малкольм, и в тоне его угадывался готовый выплеснуться смех.

Севастьян метнул взгляд на кузена.

— Нарочно, — подчеркнул он. — Она нарочно вылила на меня воду.

— Справедливости ради, разве можно ее винить? Ты высказался весьма нелестно на ее счет.

— Полагаешь, она все слышала?

— Учитывая ее поступок...

— Чудесно. Давай предположим, что она подслушала все. — Севастьян пристально смотрел вслед удаляющейся женщине, словно у нее выросла вторая голова. — Тогда, насколько я помню, ничего из сказанного мной не было неправдой.

В памяти его возникло лицо Грир в те несколько минут, когда они смотрели друг на друга. Ничто в ней не указывало на то, что она леди кроткого воспитания: ни прямой взгляд, ни загорелая кожа, ни россыпь ярких веснушек и, определенно, ни ее манера говорить. Она говорила слишком прямо, в глазах горел вызов. В самом деле, никакой скромности, присущей леди.

Севастьян заскрипел зубами.

— Еще никто никогда не обливал меня водой.

— Хочешь сказать, что за десять лет войны тебе никогда не приходилось терпеть подобные выходки в свой адрес?

— То была война, Малкольм. Я знаю, что значит терпеть уколы штыков, уходить от пушечных залпов и пуль. А вот увертываться от стаканов с водой не входило в рутину

будней.

— Я не имею представления об опасностях на поле боя. — Малкольм смахнул прицепившуюся к рукаву нитку. — А также не понимаю, почему тебе стало так хорошо о них известно. Ты наследный принц. Тебя должны были оградить от сражений, а не отправлять на битвы.

Если кузен не мог понять, что ему было необходимо сплотить народ и повести армию на мятежников, решивших свергнуть монархов Малдании, тогда Севастьян не собирался это ему объяснять.

— Каждый делает то, что должен, — пробормотал он. — Идем, представь меня этой леди Либби.

Заложив руки за спину, Сев зашагал по комнате, не прекращая следить взглядом за отважной мисс Хадли.

— Прекрасно. Думаю, она может оказаться именно той, кого ты ищешь. Вполне мила и...

— Мне не хорошенькое личико нужно, Малкольм.

— Хорошо-хорошо. — Малкольм, изрядно удивленный, замотал головой. — Дело прежде всего.

Блуждающий взгляд Севастьяна наткнулся на леди Керкендейл, стоявшую у самой затененной ниши в дальнем конце зала. Она снова поманила его веером. Миловидность не являлась обязательным качеством для будущей жены, однако Сев находил это свойство весьма желанным в той, что будет делить с ним постель на менее постоянной основе.

Едва заметная улыбка изогнула контур его губ, Севастьян глазами пожирал полногрудую даму, наслаждаясь видом.

За его плечами была война, время, когда от него требовалось исполнять свой долг. Таким образом дед испытывал его, и Севастьян не мог разочаровать старика. Не после того, что тот уже потерял. Оба они потеряли: отец Севастьяна, его братья, дяди, различные кузены — все теперь мертвы. Убиты наемниками или же сложили головы на полях сражений.

Взгляд принца следовал за леди Керкендейл, неспешно миновавшей одну из ниш. Она несколько раз оглянулась поверх обнаженного плеча. Приглашение ясно светилось в ее глазах, она двигалась к порогу, ведущему в глубины дома.

Севастьян вспомнил хворого деда, что ждал его возвращения вместе с невестой — подходящей невестой, — и грудь неприятно сдавило от этой мысли. Полное надежды ожидание — единственное, что поддерживало в старике жизнь.

Сейчас не время для приятных бесед. И все же надежда на брак, воспринимаемая как еще один шаг защитить трон — Севастьян заявил свое право на то, что должно было принадлежать брату, — наполнили его беспомощной яростью.

Сев женится. Непременно женится. Это правильно. Необходимо. Он всегда делал то, что было правильно и необходимо. Ничто не могло сбить его с пути... Однако он не упускал возможности отступлений, что мог себе позволить.

Краем глаза Севастьян заметил мелькнувшее багряно-красное платье и вспышку темно-рыжих волос, обладательница которых произвела на него столь неприятное впечатление несколько мгновений назад. Он принудил себя смотреть вперед, следуя взглядом за леди Керкендейл — верного средства освободиться от неудовольствия и разочарования, от пустого гнева на жизнь, что не принадлежала ему.

«Наследный принц себе не служит, никогда». — Дед буквально выжег это в сознании

Севастьяна.

Мысль тяжелым камнем осела в нем, медленно двигаясь все ниже по телу.

— Давай немного отложим знакомство с леди Либби. Мне кое-что нужно сделать. Это не займет много времени.

Малкольм ухмыльнулся и проследил за взглядом Сева, устремленным на удаляющуюся леди Керкендейл.

— Конечно. Будем надеяться, что леди Либби не покинет нас рано.

Севастьян обернулся к кузену.

— Так позаботься, чтобы она задержалась. — Он одернул манжеты. — Я недолго. Позже представлюсь... и возможно даже побеседую с глазу на глаз с ее отцом, если она окажется именно такой, как ты говоришь. Помни, что я бы желал оказаться дома прежде, чем растает снег. Все это занятие уже слишком затянулось.

Тень пробежала по лицу Малкольма, и Севастьян почувствовал укол вины, осознавая, что дворец — Малдания — место, которое Малкольм никогда больше не посетит. Не имеет значения, как сильно он хочет туда вернуться.

Севастьян прогнал нахлынувшие сентиментальные мысли. Он не мог позволить себе чувствовать ответственность и за Малкольма тоже. У него и так достаточно причин для беспокойства — целая страна людей. Кроме того, завязав отношения с изгнанным кузенном, он уже сделал больше, чем дед мог стерпеть.

Гости расступались перед Севастьяном, пока он шел сквозь толпу. Сев никого не удостоил взглядом, покидая зал. Всегда одно и то же, он отлично знал, что все смотрят ему вслед. Обычное дело. Ведь он — наследный принц Малдании, к тому же привлекательный, если можно верить хихикающим женщинам, что лебезили перед ним.

Сев шагал по прямой линии, ковровая дорожка заглушала стук ботинок. Нужно надеяться, что короткое свидание с леди Керкендейл поможет и его... обеспокоенность пройдет. Возможно, эта краткая встреча позволит ему снова чувствовать и найти избавление от оков оцепенения.

Он помотал головой своим же неосуществимым размышлениям. Все это бестолковые мечты. Забавно даже, что он до сих пор позволяет себе мечтать.

«Принц не имеет права мечтать ни о чем для себя». — Еще одно утверждение деда.

Даже если Сев найдет успокоение в нежном теле объятой желанием женщины, мир его останется прежним. Севастьян — наследник престола Малдании, а значит он никогда не станет хозяином своей жизни. Никогда не сделает выбор из личной выгоды. Прежде всего — интересы страны. Долг и ответственность будут вставать перед ним на каждом шагу, и ему не сбежать.

Наконец, с трудом пройдя через зал, Грир надежно укрылась у другого ряда сервированных столов. Они были хорошо спрятаны от грубого принца, которого она окатила водой.

Неважно, что по его венам бежит королевская кровь, Грир считала этого человека хамом. Она не сожалела о том, что сделала. И нельзя сказать, что своей выходкой она уничтожила возможность заловить в свои сети принца. Вспоминая его суровое выражение, она понимала, что полагать такое просто смехотворно.

Он, очевидно, не рассматривал ее подходящей... да и она не желала его одобрения. Стоило только вспомнить невыносимый голос принца во время их с кузенном беседы,

звительный тон, сквозящий в ответе на лишь предположение, что она может стать его невестой, как руки ее сжались в кулаки, а ногти вонзились в кожу ладоней. Грир уже чуть ли не хотела, чтобы он вновь оказался перед ней, тогда она смогла бы запустить в него чем-то посущественнее стакана воды. Его высочество вполне заслужил.

Грир глубоко вдохнула и, когда в нос ударил аромат чрезмерно надушенных тел, осознала, как ей не достает просторов родного дома. Как нужен свежий лесной воздух. Покрытые зеленью холмы и горы, волнами возвышающиеся вокруг.

Она быстро напомнила себе, что не может вернуться в Уэльс. Там у нее ничего не осталось, кроме еще большего презрения. С папиной смерти прошло вот уже три года. А Тревис...

Так что она просто не может вернуться.

— Грир, и как много печенья ты собираешься съесть?

Услышав раздраженный голос сестры, Грир отбросила тревожные мысли и снова поклялась себе забыть о прошлом и сосредоточиться на будущем.

— Сбилась со счета на двенадцатом.

Незаметно подойдя ближе, Клео метнула испепеляющий взгляд на свою сводную сестру.

— Весьма занятно. — Она вырвала покрытое глазурью лакомство из пальцев Грир как раз в тот момент, когда та собиралась откусить еще кусочек.

— Позволь избавить тебя хотя бы от этого.

Грир застонала и попыталась отобрать его назад.

— Разве не ты была у столов вон там? — Клео жестом указала на противоположную сторону зала. — Помимо поглощения еды, ты ничем не собираешься заниматься сегодня?

— На том столе печенья закончились, — соврала она, пытаясь вернуть свое угощение.

Клео запихнула печенье себе в рот и шлепнула Грир по руке, когда та потянулась к столу за следующим.

— Хочу тебе напомнить, что у нас есть планы на сегодняшний вечер. Нам необходимо общаться и произвести впечатление на общество, — ворчливо проговорила Клео с набитым ртом.

Свет свечей отражался от ее каштановых локонов, отчего те блестели, как свежевспаханная почва.

— От таких мероприятий я могу с нетерпением ждать лишь одного: угощений. Не отказывай мне в единственной радости, — со вздохом произнесла Грир.

Вот уж о чем она точно не скучала, когда жила одна и заботилась о себе сама, — это приготовление пищи. Грир радовалась возможности отведать вкусные блюда в любое время, когда бы ей ни захотелось. И не нужно было выходить из дома, подстреливать куропатку, ощипывать ее, мыть и готовить. Поэтому Грир не упускала случая, чтобы полакомиться чем-нибудь.

— Мы договорились заниматься поисками женихов вместе, а пока я единственная участница в этой брачной охоте. Я не хочу, чтобы Джек вновь бранил тебя за необщительность.

Образ двух сплетничающих трещоток возник в мыслях Грир, но его быстро сменил облик грубияна — Севастьяна. Живот стянуло в узел. Даже имя, казалось, возвышает его на небывалую высоту над ее собственным. Будто происхождения, манер и внешнего вида не достаточно.

Если необходимость общения на таких мероприятиях толкает ее в компанию подобных людей, то она предпочла бы укрыться от этого. Но Грир знала, что Клео права: прячась, мужа не найдешь. Как она сможет обрести благополучие и респектабельность, которых столь жаждет, если не станет женой настоящего джентльмена?

Клео подняла голову, блестящее колечко волос скользнуло по плечу.

— Не ты ли читала мне ранее лекцию о том, что нам нужно надеть маску и найти поскорее мужей?

Грир нехотя повела плечом.

— Да, я так говорила... вот только наше положение становится просто ужасным, и приходится выносить все эти взгляды и шепотки. — Она вздохнула, мысли ее вновь унеслись к тому жуткому принцу. — Нас едва терпят здесь, Клео...

Клео взмахнула рукой.

— Другого мы и не ожидали. Ты случайно не встречала отца? Мужчину, который валяет дурака в комнате для игры в карты, говорит с ужасным акцентом и носит шарф жуткого сливового оттенка.

Грир содрогнулась — к сожалению, сестра точно описала их родителя.

Клео нежно сжала ее руку, прикосновение сквозь бархатные перчатки было теплым.

— Я предлагаю тебе поступить так, как ты советовала мне. Найди какого-нибудь благодарного лорда, нежно любящего свое поместье в деревне, и заставь его преклонить колена. И как только это произойдет, мы сможем попрощаться со всем, что нам так неприятно. — Она обвела рукой зал, указывая на все, окружавшее их.

— Ты права, конечно, права, — кивнула Грир. Она выпрямилась и окинула зал оценивающим взглядом. Несколько джентльменов смотрели на них с сестрой, словно на кусок конины высшего сорта на рынке. Грир отбросила неприятное ощущение. Разве сама она не смотрела на них так же?

— Давай-ка пройдем кружок по комнате, — предложила Клео.

Сестра взяла ее за руку. На этот раз во время прогулки по залу Грир не обращала внимания на группу дебютанток в платьях пастельных цветов с оборками, когда те продемонстрировали спины, давая понять, что не желают с знаться ни с кем из мисс Хадли. Грир отвернулась и высоко вздернула подбородок. Кого волнует, если кучка глупых девиц относится к ней с пренебрежением? В конце концов, она здесь не ради них. Как только она выйдет замуж за почтенного человека, все это в любом случае прекратится.

— А вот и младший внук герцогини, лорд Толливер. — Клео склонила голову, чтобы можно было говорить шепотом. — Джек сказал, чтобы мы уделили ему особое внимание. Пойдем продемонстрируем нашу покорность.

Ради сестры Грир приклеила улыбку к своему лицу — ни на что большее она не была способна. Клео и Грир знакомы не так давно, но как незаконнорожденные дочери Джека Хадли они нашли много общего. За короткий период, проведенный вместе, сестры наверстали упущенное время.

Будучи единственным ребенком в семье, Грир сильно разволновалась, узнав, что она не одна во всем мире. Тоже случилось и с Клео, но по другим причинам. Самая старшая из четырнадцати сводных братьев и сестер, Клео была нянюшкой и служанкой — все в одном. По иронии судьбы, от рождения она носила имя Клеопатра.

Грир посмотрела на внука герцогини, окруженного другими джентльменами. Она оглядывала его сверху вниз, спрашивая себя: не слишком ли рано справляться у него о

предпочтениях? Грир надеялась завлечь в сети мужа, который захотел бы жить в деревне, а не в городе. Она понимала, что это сужает выбор, но не привыкла к скоплениям людей, постоянному туману, отсутствию свежего воздуха. Ей приходилось идти в парк, если она хотела увидеть деревья.

— Идем, Грир. Сейчас неподходящее время, чтобы быть неразговорчивой. — Клео тянула ее за собой.

Они остановились неподалеку, ожидая, когда мужчины их заметят, но не подавая виду, что желают привлечь внимание.

Долго им ждать не пришлось. Взгляд виконта упал на них, в глазах засветилось узнавание. Несколькими вечерами ранее Грир с сестрой представили лорду Толливеру в опере. Его бабушка, вдовствующая герцогиня Болинбрук, устроила им встречу. Несомненно, он извещен о своем долге — служить жертвенным ягненком.

По словам Джека, герцогиня вполне готова к тому, что младший из ее внуков свяжет свою судьбу с одной из сестер Хадли. Самый старший внук, носивший титул герцога, оставался неприкосновенным. Герцогиня могла быть любезной достаточно для того, чтобы одарить обеих мисс Хадли своей благосклонностью и оказывать поддержку любой из них в замужестве с младшим внуком. В то же время она ясно понимала, что Грир и Клео — всего лишь незаконнорожденные с туго набитыми кошельками, ни одна из которых не была достаточно хороша для герцога Болинбрука. Однако обе они вполне подходили для виконта Толливера.

Лорд Толливер резво вышел из круга друзей и коротко поклонился, одарив каждую по очереди взглядом лучистых глаз.

— Очаровательные мисс Хадли. Нравится ли вам вечер?

— Мы чудесно проводим время, — соврала Клео обворожительным голосом.

Грир оценивающе посмотрела на младшую сводную сестру. В своем сверкающем голубом платье она действительно выглядела весьма мило, а внешне походила на Маргарит — еще одну из их сводных сестриц, с которой они познакомились буквально недавно. К счастью для Маргарит, она удачно вышла замуж, и ей не нужно обеспечивать свое замужество посредством махинаций отца.

— Надеюсь, вы не слишком утомились. — Виконт озорно погрозил пальцем. — Я припоминаю, что вы обе обещали мне вальс.

Учитывая, что этим вечером вальс должен прозвучать лишь трижды, приглашение лорда Толливера было очевидным знаком расположения. Клео улыбнулась и согласно кивнула, произнеся что-то остроумное и подходящее случаю.

У Грир, однако, не получилось даже выдавить улыбки.

Пристально глядя на виконта, она не смогла ничего увидеть за притворно светящимся взглядом: ни настоящего волнения, ни предвкушения. Ей никак не удавалось отделаться от мысли, что его поведение и внимание к ним, все это — лишь указ бабки, и что в действительности он не желает ухаживать ни за ней, ни за Клео. Есть ли у него вообще выбор? Разве он не просто великая жертва, призванная спасти семью от разорения? Мысль эта терзала Грир и испортила все виды на брак с ним. Виконт он или нет. Общественное признание или нет. Грир не хотела выйти замуж за человека, чтобы потом терпеть его пожизненную неприязнь.

— Я не забыла, лорд Толливер, — заверила его Клео.

— А вы, мисс Хадли?

Он с ожиданием посмотрел на Грир, обращение его было полно вежливости и скромности. Грир даже подумала, что лорд Толливер — человек добрый. Пока. Но годы спустя...

— Я надеюсь, вы оставили для меня вальс?

Грир едва заметно кивнула, отбросив мрачные образы и пытаясь не обращать внимания на то, как его друзья поглядывали на нее из образованного ими небольшого круга.

Они не скрывали пристальных взглядов, словно она вовсе не леди, а существо, предназначенное для насмешек и издевательств. И не только она, Клео тоже.

— Несомненно, — услышала Грир собственный ответ, подавляя знакомые чувства. Она больше не та девушка, что раньше. А здесь не Уэльс. Вздернув подбородок, она напомнила себе, что сейчас находится на пути к становлению истинной леди: — Я также не забыла об обещанном вальсе.

— Превосходно, — радостно кивнул виконт.

В эту минуту один из его друзей наклонился ближе к друзьям в группе. Прикрыв рот ладонью, он что-то тихо пробормотал, и мужчины залились смехом.

Грир не услышала, что именно послужило причиной такого веселья, но несколько щеголей обратили внимание на нее. Знакомый жар опалил щеки. Как же все это невыносимо!

Лорд Толливер нахмурился и послал своим друзьям осуждающий взгляд, который только доказывал, что смеялись над ней, и виконт знал, что Грир все пренебрегали, но, тем не менее, стиснул зубы и оказал ей почтение. Черт возьми! Это уже слишком. Неужели не существует способа найти подходящего мужа, избегая унижений?

— Прошу извинить меня, мне нужно на воздух. — Грир быстро развернулась и зашагала прочь прежде, чем Клео или лорд Толливер смогли возразить или, того хуже, настоять на том, чтобы сопровождать ее.

Грир протискивалась сквозь гущу людей, лицо ее пылало огнем. Добравшись до стеклянных дверей балкона, она увидела, что на улице идет дождь. Один из тех непрекращающихся морозящих дождей, перемежающихся мокрым снегом, которые, кажется, никогда не закончатся. Как нарочно!

Грир развернулась и обвела взглядом безнадежно запруженный людьми зал. Приподняв подол платья, она прокладывала себе путь назад сквозь толпу, старательно склонив голову, чтобы не видеть никого, разглядывающего или указывающего в ее сторону. Грир и так стерпела достаточно взглядов. Все, что ей нужно сейчас — это передышка, мгновение наедине с собой, место, где можно укрываться оставшийся вечер до тех пор, пока отец не решит, что с него достаточно игры в карты.

Завтра. Завтра она вновь начнет охоту на мужа. Со всей серьезностью. Но не сейчас, не этим вечером. Не после того, как повстречала того чертового принца, не после косых взглядов друзей виконта.

Грир замотала головой, чуть не рассмеявшись вслух от пришедших на ум вопросов:

«Нет ли здесь дворянина, предпочитающего простую жизнь в деревне? Того, кто искал бы богатую невесту низкого происхождения? Не мог бы он разместить объявление в «Таймс», чтобы я смогла его найти?»

Грир прошла мимо дамской комнаты и прошмыгнула в полный мерцающих теней коридор. Она неспешно зашагала вперед, и свечи, висевшие вдоль стен через каждый метр, то освещали ее, то вновь погружали в полную темноту.

Какая-нибудь из комнат в глубине дома наверняка пустует. Грир выбрала одну и, прежде чем повернуть ручку, прижалась к двери ухом. Когда она вошла, то поняла, что очутилась в спальне. В низком камине пылал жаркий огонь. Закрыв дверь, Грир потянулась к восхитительному теплу и собралась уже свернуться на кушетке, чтобы в полной мере насладиться только что обнаруженным пристанищем.

Однако, подойдя ближе, она обнаружила, что лежанка уже занята двумя фигурами, золотистыми от света огня в камине. Сердце Грир подскочило к горлу. Должно быть, она в ужасе вскрикнула.

Мужчина и женщина отпрянули друг от друга в противоположные стороны кушетки, словно от удара молнии.

Дама запищала, лихорадочно пытаясь трясущимися руками натянуть платье и прикрыть выставленную грудь. Грир узнала женщину сразу. Немногие могли похвастать таким внушительным бюстом.

— Леди Керкендейл, — пробормотала Грир.

Еще до того, как ее взгляд остановился на другом госте — человеке, ответственном за состояние платья леди Керкендейл, — Грир уже знала, кого она увидит.

При взгляде на вошедшую мужчина насмешливо изогнул темные брови. Ничто в лице не выражало смущения.

— Снова вы?

Грир тут же перестала робеть и в негодовании скрестила руки на груди.

— Да. Снова я.

— Это совсем не то, чем может показаться. — Леди Керкендейл, задыхаясь, закинула свою большую грудь обратно в лиф. — Севастьян, ну скажи что-нибудь, — прошипела дама своему спутнику.

Принц ничего не сказал, просто подтвердил ее слова холодным взглядом.

— О, я уверена, что не прервала ничего... непристойного. — Грир лгала, лишь бы избежать неловкого положения — ей совсем безразлично, какое грязное дело из-за нее прервалось. Она отступила от пары, успокаивающе махнув рукой.

— Я ничего не видела. Пожалуйста. Можете продолжать... то, что вы делали.

— Конечно вы ничего не видели. Мы ведь ничего и не «делали», — пронзительно вскрикнула леди Керкендейл. — Тут не на что смотреть. Ничего неприличного не произошло. — Она угрожающе ткнула пальцем в Грир. — А если вы посмеете распространяться о нашей встрече...

— Обещаю, никто ничего не узнает, — заверила Грир, продолжив отступление.

Принц засмеялся низким и глубоким смехом и покачал головой, будто поверить не мог, что оказался в таком положении. А может, что именно Грир их застала. Он не мог поверить, что она появилась здесь. Словно кто-то вроде нее никак не мог оказаться в одной комнате с ним.

— В самом деле, Севастьян, — упрекнула леди Керкендейл, торопливо приглаживая

волосы, — я не вижу тут ничего смешного.

Про себя Грир соглашалась с ее чувствами, но не хотела задерживаться, чтобы услышать ответ принца.

— Если вы простите меня, я вас оставлю... — Она заколебалась, и негодяй приподнял черные брови, в золотистых глазах плясали чертики.

— Простите, но как раз с уходом вы и не торопитесь.

Леди Керкендейл привела себя в порядок и пронзительно вскрикнула, так противно, словно свинья завизжала.

Грир открыла дверь и, стремясь убежать, поспешно вышла в зал — но замерла. Рука все еще оставалась на защелке. По коридору в ее сторону шел не кто иной, как лорд Керкендейл. И по выражению лица было ясно, что он очень сердит.

Он решительно распахивал каждую дверь, мимо которой проходил, и заглядывал внутрь.

Незаметно нырнув обратно в комнату, Грир как можно тише закрыла за собой дверь. Парочка едва пошевелилась с тех пор, как она вышла. Пораженные внезапным возвращением незваной гостьи, принц и леди Керкендейл смотрели на нее, хлопая глазами. Грир уперлась ладонями в дверь, сердце гулко стучало в груди.

— Там ваш муж, — прошептала она. — Идет сюда.

Леди Керкендейл прикрыла рот рукой, чтобы заглушить визг. Грир поморщилась, наблюдая, как женщина начала прыгать на месте, словно взбесившийся ребенок. Несмотря на непростое положение, в которое они попали, Грир не могла сдержать улыбку, наблюдая за этим смешным спектаклем.

Женщина подняла руку.

— Максими! Мы же не станем просто сидеть здесь! Что будем делать?

Принц скушающим взглядом обвел прекрасно обставленную спальню. Он излучал ледяное спокойствие и ничем не напоминал любовника, охваченного страхом разоблачения перед разгневанным мужем.

Севастьян остановил взгляд на большом шкафе из красного дерева и задумчиво посмотрел на резные дверцы.

Поднявшись с кушетки, принц невозмутимо подошел к Грир и взял ее за руку. От прикосновения по телу Грир начало медленно разливаться тепло.

— Пойдемте, — резко скомандовал он тоном человека, привыкшего к беспрекословному подчинению.

Грир не тронулась с места и упрямо помотала головой.

— Куда?

— Туда, где нас не смогут увидеть.

Ей стало смешно от официального тона Севастьяна.

— Вы имеете в виду, прятаться?

На его щеках заходили желваки.

— Я никогда не прячусь. Просто знаю, где можно затаиться на время, пока мы не сможем вернуться.

Грир закатила глаза.

— Называйте это как угодно. Почему я должна... «таиться»? Я не сделала ничего...

— Думаете, ваша репутация не пострадает, если вас здесь найдут? Когда Керкендейл поднимет шум и все домочадцы хлынут в эту комнату, полагаете, вы останетесь незапятнанной? Свет любит грязные истории. Ваше присутствие здесь выставят в самом

красочном цвете. Скандал коснется и вас.

Живот скрутило, кровь сначала прилила к лицу, а затем отхлынула. Грир не нужен еще один удар теперь, когда она пытается влиться в высшее общество. Ей нужно заработать высокий статус и респектабельность, чтобы ее здесь не презирали.

Не видя другого выхода, Грир перестала сопротивляться и послушно позволила Севастьяну вести себя.

— Скорее! — кричала леди Керкендейл, подгоняя их руками.

Принц открыл дверь и отбросил в сторону несколько нарядов, прежде чем разместиться в шкафу, что было затруднительно при таком высоком росте. Севастьян протянул руку Грир. Та пристально посмотрела на его длинные пальцы и широкую ладонь. Грир показалось, что минула целая вечность, прежде чем она вложила свою руку в его, хотя прошло всего лишь мгновение. Он затянул ее внутрь шкафа и поставил прямо перед собой. Когда Севастьян, скользя сильной рукой по ее телу, закрыл дверцу, они погрузились во тьму.

У Грир перехватило дыхание. Оттого, что она в крошечной темноте вынуждена находиться в непосредственной близости к этому незнакомцу — принцу, ни больше ни меньше, — ее нервы натянулись до предела. Слишком поздно Грир поняла, что должна была развернуться к Севастьяну спиной. Так гораздо лучше, чем сейчас — грудь к груди, сердце стучит рядом с сердцем.

Было темно, хоть глаз выколи, но она знала, что даже пара сантиметров не отделяет ее от самого ужасного, высокомерного человека, который когда-либо встречался ей на пути... и от такого мужчины. Массивного, крепкого, теплого *мужчины*...

Его дыхание касалось ее лба. Грир и сама девушка довольно высокая, но Севастьян был еще выше. Она плотно сжала губы, чтобы не издать ни звука. Нужно перетерпеть всего лишь несколько минут этой близости, и вскоре Грир освободится от принца.

Очевидно, они скрылись как раз вовремя, поскольку прошла лишь пара мгновений, прежде чем послышался быстро приближающийся голос лорда Керкендейла.

— Люсинда, что ты здесь делаешь?

Грир напрягла слух, стараясь уловить, какое объяснение даст леди.

— Тебя ожидала, супруг мой.

— Меня? Но мы не договаривались о встрече...

— Верно, но я знала, что ты заметишь мое отсутствие и будешь меня разыскивать... Ты не нашел эту охоту... захватывающей?

Последовало невыносимое молчание. Грир задержала дыхание и прислушалась, недоумевая, что же происходит по ту сторону двери. Лорд Керкендейл поверил жене? Или душил ее?

Ответ возник сам собой, когда раздался долгий, исполненный удовольствия мужской стон. Щеки Грир стали пунцовыми. Адское пекло! Этот идиот рогоносец действительно поверил, что жена запланировала для них свидание.

— Иди же сюда, ты, маленькая шалунья. Оседлай-ка меня.

Пораженная до глубины души, Грир сразу же зажмурилась, хотя и так не смогла бы ничего увидеть. В любом случае, это не поможет, ведь уши закрыты не были.

Стоны лорда Керкендейла чередовались с визгами его жены. Для Грир, которая провела много времени на ферме, этот шум напомнил визг убегающего поросенка.

Когда Грир слышала громкий стук, она заподозрила, что парочка теперь на кровати, и от их движений сильно грохотала спинка кровати.

— Вот так, моя прекрасная кобылка!

Громкий удар отозвался эхом в воздухе.

— Да! — кричала леди Керкендейл. — Отшлепай меня!

Грир прижала пальцы к губам, причем сама не поняла, что пыталась сдержать — стон или смех.

Принц глубоко вдохнул, и Грир, чуть ли не носом уткнувшись в его широкую грудь, замерла и прикусила кончик пальца. Она посчитала положение, в которое попала, забавным, но не только. От мужчины перед ней исходило тепло. Такая близость обескураживала, волновала.

Грир обхватила себя руками в надежде стать меньше, незаметнее — но у нее получилось лишь задеть принца. Она решила просто переждать свидание лорда и леди Керкендейл и сжалась в комок, стараясь не шевелиться.

Севастьян заворочался. Всего на секунду его грудь уперлась в ее скрещенные руки. Словно обжегшись, Грир выгнулась в стремлении избежать прикосновения, и тем самым нарушила равновесие, так что ей пришлось шагнуть назад, чтобы не упасть. В тесноте шкафа было хорошо слышен шорох. Грир съежилась, по коже побежали мурашки от страха, что их могли заметить.

Принц обнял ее и прижал к себе, словно опасаясь, что она снова начнет ерзать и зашумит.

Грир задышалась, пытаясь высвободиться из его рук. Только он не сдвинулся с места. Она стала пленницей в этих крепких руках.

Если будет бороться, то выдаст их присутствие Керкендейлу... тупик.

Грир вцепилась в красивый жакет Севастьяна и с удивлением отметила твердость бицепсов под своими пальцами.

Тревис не был настолько мускулист, он был совершенно обычным мужчиной. Она потрянула головой, словно желая освободиться от таких пустых мыслей. Зачем ей сравнивать двух этих мужчин? Оба не предназначались для нее, и оба дали понять, что она совершенно им не подходила.

Горячий румянец разлился по щекам, и Грир осторожно возобновила свои попытки освободиться от нежелательной близости.

Принц снова притянул ее к своей груди — в таких объятиях Грир ощутила себя скованной стальными обручами. Одну руку Севастьян прижал к затылку, при этом их лица оказались страшно близко. Принц коснулся щекой ее щеки. В месте соприкосновения кожу начало покалывать. У Грир заныло в животе. Их прерывистое дыхание смешалось.

Грир хотела потребовать, чтобы он отодвинулся, но ее сдерживал страх быть обнаруженными.

Принц дотронулся до чувствительной мочки ее уха, когда прошептал:

— Прекратите ерзать, не то нас заметят. Вы ведь не хотите объяснять, что же мы делаем в этом шкафу вдвоем?

Дрожа от страха, Грир резко кивнула. Она не решалась говорить в голос, боясь, что вырвется звонкий писк.

— Хорошая девочка, — пробормотал принц низким голосом, от которого у нее засосало под ложечкой.

Одна его рука лежала на ее голове, вторая упиралась в спину. Грир чувствовала через шелк платья, насколько горячи его пальцы. Все исчезло, кроме волнующего тепла. Все,

кроме Севастьяна... Перед ней начала вырисовываться его высокая фигура.

Она больше не слышала ни звука за пределами гардероба. Мир рухнул. Существовали только они — пленники в этом крошечном мире.

Губы принца все еще прижимались к ее уху, не шевелясь, но все еще касаясь. Все еще сводя с ума.

Она последний раз попыталась отступить.

Конечно, Севастьян видел, что она делает это осторожно, не осмеливаясь шуметь. Но только крепче сжал свою руку на ее волосах и сильнее надавил широкой ладонью на спину Грир.

От него исходила сила, что было необычно для такого щегольски одетого принца. Необычно для любого из разряженных лордов, которых Грир встречала в городе.

Прибыв в Лондон, она быстро поняла, что могла бы побороть любого из этих женоподобных денди. Как бывший организатор спортивных игр в огромном поместье, она привыкла к работе и каждодневным тренировкам. И все же твердое мужское тело рядом с Грир не принадлежало праздному дворянину.

Хорошо, что принц не пытался больше коснуться ее. Хотя постоять за себя она и сумела бы. Грир могла терпеть простую близость с ним. Пока он ведет себя тихо. Лишь держит ее, чтобы она не шевельнулась ненароком, в конце концов...

И тут Севастьян придвинулся ближе.

Грир зашипела сквозь зубы. Теплое дыхание защекотало ее ушко, и Севастьян опустил голову ниже. Приоткрытыми губами он легко скользнул к шее и прижался к нежной коже. Грир невольно застонала.

Что же вы делаете?

Вопрос сам собой возник в мыслях, но вслух произнести его она не могла. Не решалась на такой риск.

Она предпочла бы, чтобы он по-прежнему прижимался ртом к ее уху. Так гораздо лучше, чем чувственные прикосновения, следовавшие дальше. По коже побежали мурашки, напоминая, как беззащитна Грир перед красивым мужчиной. В этом красавце сочетались все качества, которые она так ненавидела. Из-за высокого происхождения принц относился к ней лишь с презрением. Но здесь и сейчас Грир упивалась чувственным натиском, словно Сев и не говорил о ней ничего унижительного. Следовательно, возникает закономерный вопрос: зачем же он тогда дразнит ее этой соблазнительной лаской?

Строго говоря, принц ее не целовал. Даже не предпринимал ничего более смелого. Тем не менее, негодование от того, что мягкие губы касались ее шеи, ни капельки не уменьшилось. И никак не удавалось унять дрожь. Но когда Грир почувствовала, как он легко, возбуждающе проводит зубами по ее коже, то отдернула голову и взглянула на затененное лицо Севастьяна. Единственное, что она смогла различить во мраке — мерцающие в темноте глаза, но Грир не сумела ничего прочесть в их непостижимых глубинах. И что важнее всего, у нее не получилось определить по взгляду Сева, о чем он думает.

Она дрожала в его руках как листочек, из последних сил цеплявшийся за веточку в шторм. Если бы Севастьян не держал ее, то Грир упала бы в обморок. Что с ней произошло? Вот так одиночество действует на женщину? Губит ее? Ломает? Заставляет отдаться первому же мужчине, который... Нет.

Грир мысленно дала себе подзатыльник. Наследный принц Малдании вовсе не обычный мужчина. Он отличался от всех. Даже разговаривал не так, как остальные, а будто завораживал своим мелодичным голосом. К сожалению, она не могла не откликнуться на него. Печально, зато правда. Потому нельзя позволить себе забыть, что он высокомерный сноб, который считает себя лучше ее.

Принц снова коснулся Грир. Пальцы ласково дотронулись щеки, и по ее телу пошла мелкая дрожь.

Горячее дыхание Сева донесло до Грир запах бренди, и по тому, что он выдохнул прямо ей в губы, она поняла, что он передвинулся. У нее внезапно пересохло во рту, но она осталась неподвижной, словно камень. Не хотела шевелиться и случайно задеть теплое тело принца. Он мог бы подумать, что ей нарочно хотелось прикоснуться к нему. Что ей нравятся *эти ласки*. Нравится *Севастьян*.

Недопустимо! У нее все-таки есть гордость!

После того, как презрительно он отзывался о ней, принимать его нежности было бы просто... жалко. Не говоря уже о том, что это совсем неуместно. Не то, чтобы ее так уж волновало его мнение, но Грир не хотела, чтобы принц думал, что она, словно похотливая кошка, отчаянно нуждается в его внимании.

Грир и раньше целовали мужчины. Разумеется, целовали. Но она не собиралась сблизиться с таким хамом, как этот, принц он или нет. Независимо от того, как он влиял на нее, как она дрожала от его прикосновений в тесноте шкафа, он вызвал воспоминания о тех случаях, которые ей лучше бы забыть. Она ведь крепкий орешек и научилась сопротивляться подобным нахам.

Тем не менее... если бы Севастьян сейчас решил ее поцеловать, то она не сумела бы воспротивиться. В этом темном убежище ей отчетливо вспомнилась грусть, волнение, вера в то, что она стоила того, чтобы мужчина закрыл глаза на обстоятельства ее рождения.

Грир тосковала по этим чувствам, даже если они были ложными. Желание, печаль и перенесенная боль позволили ей поверить в сказки. Что она встретит какого-нибудь провинциального джентльмена с домом в деревне, где не будет недоброжелателей. Только мир, гармония и респектабельность. Большого и не нужно. Лишь бы никто никогда не причинил ей боль снова.

Сейчас Грир сидела неподвижно, словно холодная и бесчувственная статуя. Но только внешне. Внутри у нее все трепетало, когда Севастьян вслепую касался ее лица, каждой черточки. Округлой щеки, подбородка — она всегда считала, что тот слишком квадратный. И рот чересчур полный, особенно нижняя губа.

Сев шевельнулся, наклоняясь все ниже и ниже. Когда он едва заметно задел уголок рта Грир, она поняла, что принц совсем близко к ее губам, легко касается лица, играет, исследует. В плену темноты с трудом верилось, что принц способен на такое нежное обращение. Что это тот самый строгий, хладнокровный грубиян тянется к ней, желая коснуться.

Больше не в силах противиться соблазну, Грир подняла лицо. Предательская тоска переполняла ее. Вот оно. Разрешение на поцелуй. Только поцелуя не последовало.

— Они ушли, — тихо и невозмутимо произнес Севастьян бесстрастным тоном, будто речь шла о погоде. Дыхание мягко скользнуло по коже Грир.

Грир прислушалась: из-за дверцы не доносилось ни звука. Но лучше не спешить. Она выждала еще минуту и поняла, что Севастьян прав. Грир не забывала, что все это время провела, можно сказать, в объятиях человека, который считал ее чуть выше плинтуса.

Принц снова заговорил, и его дыхание шевельнуло выбившиеся из шиньона обрамляющие лицо прядки.

— Конечно, если вы предпочитаете оставаться здесь, я совершенно уверен, что мы можем кое-чем занять друг друга...

Севастьян произнес это так безучастно. Как будто его совсем не заботило, примет она предложение или нет, и именно безразличие задело ее больше всего. Не само предложение и не то, что он имел в виду, а то, что ему все равно, какой ответ он получит.

— Отодвиньтесь от меня, негодяй!

Грир отпрянула от Севастьяна, развернулась и, немного повозившись с дверцей, вывалилась из шкафа. Она вскочила так резко, что бордовые юбки взметнулись, а когда оглянулась на выбирающегося из шкафа мужчину, изумленно открыла рот.

Учитывая размеры их убежища, Грир недоумевала, как они вообще поместились там вдвоем. Она сдула прядь каштановых волос, упавшую на глаза. Но та возвращалась на прежнее место и дико раздражала, поэтому Грир резко смахнула непослушную прядь, закрывавшую ее свирепый взгляд.

Пока принц своими кошачьими золотистыми глазами наблюдал за копошениями Грир, в его взгляде, прежде скучающем, появился легкий интерес.

— Так достаточно далеко? Признаться, ни одна женщина прежде никогда не просила меня убраться от нее подальше.

Высокомерный осел!

Глаза Сева, словно расплавленное золото, пылали ярко, как солнце. Такие удивительные золотистые глаза! Грир никогда не видела ничего подобного. Может, он сам дьявол во плоти?

Севастьян устремил на нее взволнованный взгляд. Даже когда она облила его лимонной водой, он так не... насторожился. В этот раз он закружил вокруг нее, как дикий кот. Хищник. Когда Грир поняла, что именно она пробудила повышенное внимание принца и зажгла в его глазах огонь, мелкая дрожь тревоги побежала по ее коже.

Грир глубоко вдохнула и с удивлением заметила, что в начале вечера корсет не был таким жестким. Сейчас одежда сдавливала, тело стало чувствительным, затекло, платье натирало. Щеки пылали от унижения. Она расстроено повела плечами, и пристальный взгляд Севастьяна упал на ее декольте. Скромный покрой платья был не более смел, чем у любой другой дамы на сегодняшнем вечере, но Грир уловила оценивающий взгляд Севастьяна на вырезе в форме сердечка, и ей стало не по себе. Она задрала подбородок и сложила руки перед собой.

— Так уж нужно было приставать ко мне, пока мы прятались?

Ленивая улыбка тронула греховные губы принца.

— Простите меня, — сказал он без намека на извинение, — когда ко мне прижимается женщина, то тело отзывается само собой. Такова человеческая природа.

Щеки Грир еще больше покраснелись при этих словах.

— Человеческая природа, — отчеканила Грир, — не дает вам права меня трогать. Не важно, принц вы или нет. Никто не смеет трогать меня! — закричала она.

Больше она не позволит подобного. Лишь под защитой брака. Никогда она не потеряет снова контроль, если красивый мужчина обнимет ее или шепнет на ухо обещания.

Не то чтобы мужчина, стоящий перед Грир, шептал такие слова. Или когда-нибудь шепнет. Напротив, он отзывался о ней весьма обидно — и за глаза, до встречи с ней, и в глаза, при знакомстве.

Принц пожал одним широким плечом, равнодушный к выходке Грир. И это возмутило ее еще больше. Неужели он ставит себя выше условностей, которые соблюдают все остальные представители высшего общества?

— Да вы вроде... не возражали, — заметил Севастьян и начал подступать к Грир, глядя так откровенно, что она засмушалась. — Я думал, что, возможно, вы хотели стать моим другом.

— Другом? — сощурилась Грир.

— А вас можно счесть весьма привлекательной, — растягивая слова, произнес Сев.

Она моргнула.

— И поэтому я удостоилась заигрывания? — поразила такому высокомерию Грир,

качнув головой. — Вы, может быть, немало удивитесь, но мне плевать на ваше мнение обо мне.

Севастьян продолжил, будто она ничего и не говорила:

— У ваших волос такой вызывающий оттенок, но мне это даже по душе, — сказал он, наклоня голову и рассматривая Грир. — А кожи слишком часто касались солнечные лучи, — объявил принц. — Неужели вы никогда не слышали о шляпках?

Грир оскорбили такие слова. Она выпрямила спину и ответила:

— А вы никогда не слышали о *манерах*? Или принцам не пристало проявлять любезность? Не припомню, чтобы я интересовалась вашим мнением по поводу своей внешности.

Севастьян, не обращая внимания на замечания Грир, сложил руки за спиной, и вновь вернулся жесткий, придирчивый принц. Ясно, что он всегда будет недоступным для незаконнорожденной, даже несмотря на его горящий взгляд. Они оба понимали, что такой союз невозможен.

Грир поворачивалась кругом, не желая оказаться спиной к Севастьяну. Он остановился и, не отводя своих золотистых глаз, спросил:

— Сколько вам лет?

Причем он задал вопрос с таким выражением, будто подозревал, что не услышит правды.

Грир помедлила с ответом.

— Хотя это и не ваше дело, двадцать восемь.

Севастьян моргнул.

— Немного староваты, да?

Она ахнула:

— Для чего? Чтобы жить?

— Для того, чтобы стать кому-то нужной.

— Нужной? То есть, нужной мужчине?

Сев кивнул.

— Говорите, старовата? Я была занята... не увивалась за мужчинами... чтобы подцепить жениха.

— Я вижу, — пробормотал принц. Он либо не заметил сарказма, либо нарочно не обратил на него внимания.

Уперев руки в бока, Грир требовательно осведомилась:

— А вам сколько лет?

— Не важно, сколько *мне* лет. Я мужчина.

— Нет, вы осел! — возразила она.

Грир вытянула руки по бокам, сжимая и разжимая кулаки. Никогда раньше ни один мужчина не раздражал ее настолько сильно. Даже когда она была ребенком и деревенские мальчишки пугали ее ящерицами и другими страшными тварями, от которых мурашки бежали по телу, она так не злилась.

Севастьян невозмутимо пожал плечами.

— Мне тоже двадцать восемь.

Грир заморгала. Он что, шутит?

— Хотите сказать, мы с вами одного возраста?

— Да, но, как я уже сказал, я — мужчина. — Он поднял широкую ладонь, когда она

хотела запротестовать. — Хоть и осел, как вы уже говорили. — Принц скривил губы в подобие улыбки. — Теперь напрашивается вопрос: кто старше? Когда вы родились?

Покачав головой, она ответила холодно и решительно:

— Я не скажу вам день своего рождения.

— Я могу выяснить сам, — сказал Севастьян с раздражающей самоуверенностью.

— Зачем вам это?

— Вы ведь выставили себя на ярмарке невест. Я имею право навести о вас справки.

Часть II

— Вы ведь выставили себя на ярмарке невест. Я имею право навести о вас справки.

Грир фыркнула, опустив руки.

— Хотите сказать, что рассматриваете меня в качестве возможной жены? О, небеса! Неужели звезды и на меня пролили свой свет? Разве можно быть счастливее?

Еле сдерживая смех, она склонила голову набок и прижала руку к груди, довольная своей издевкой. Успокаиваясь, Грир взглянула принцу прямо в глаза.

— Я слышала, о чем вы говорили, и знаю, какого вы обо мне мнения.

— Значит, напиток на моей голове не был случайностью. Так я и думал.

Насмешница слишком поздно поняла, что попала в ловушку. Она уперла руки в боки.

— Нет, не был. Насколько я помню, вы назвали меня выскочкой с недостойной родословной, так что вполне заслужили мое маленькое наказание. И многое другое.

Принц глубокомысленно кивнул и вновь окинул ее оценивающим взглядом, не проявляя ни малейшего раскаяния при упоминании о его обидных словах.

— Да, я сказал что-то в этом роде. И каждое слово — правда. Но для моей постели вы годитесь. От вас пахнет ванилью, и вы так очаровательно дрожите, когда я прикасаюсь к вам, но...

— Прекратите! — воскликнула Грир, закрывая уши руками, словно так могла оградиться от возмутительных слов. Весь ее запал мигом испарился, а лицо бросило в жар. Севастьян с такой легкостью, почти беспристрастностью, описывал, как она соблазнительна, что Грир охватил гнев.

— Но в качестве жены... — продолжил принц, словно она ничего и не говорила, — вы мне не подходите. Один только возраст уже настроит дедушку против вас.

— Пока выбираете жену, пожалуйста, называйте его дедулей — ухмыльнулась Грир и заработала сердитый взгляд, что доставило ей огромное удовлетворение. Одной ей, что ли, пребывать в замешательстве?

— Я не могу учитывать только *свои* предпочтения при выборе жены, — твердо и равнодушно сказал Сев. — У меня есть долг перед страной. — Он махнул рукой в сторону Грир. — Было бы глупо и опрометчиво рассматривать вашу кандидатуру. Мне должно посчастливиться зачать хотя бы одного наследника — большего я не потребу.

Грир снова уперлась руками в бока.

— Адское пекло! Есть ли предел вашему самомнению и высокомерию? Сейчас же не средневековье. Жены больше не приравняются к племенным кобылам, знаете ли.

— Но я же не просто жену ищу. Мне нужна принцесса. Будущая королева.

На это замечание Грир промолчала. В конце концов, что она знает о дворцовых порядках?

— Помимо возраста, у вас манеры и речь, неподобающие принцессе...

— Я вас отлично поняла. Но я вам не материал, из которого можно лепить себе жену. Не припомню, чтобы когда-либо претендовала на это место. — Она так негодовала, что, казалось, вот-вот из глаз посыплются искры. — Хорошо, что я вас не привлекаю, — сказала Грир, намеренно забыв слова о том, что для его постели она прекрасно подходила. — Вы тоже, знаете ли, не в моем вкусе. — Она сглотнула, ненавидя свой резко осипший голос.

Севастьян продолжил, не обращая внимания на ее реплику:

— Вы ведь на самом деле ничего не сможете сделать как будущая королева Малдании, несмотря на наличие определенной... грубой привлекательности.

Принц снова наклонил голову, и темный локон волос упал ему на лоб, придавая вид повесы.

У Грир забурлила кровь. Неважно, что наговорил его высочество и как по-хамски себя вел — принц так загадочно, неотразимо красив. Но внешний вид ничего не меняет. Как, впрочем, и ее бурлящая кровь, и самообладание. Севастьян остается невыносимым грубияном, и она не будет больше терпеть его выходок.

— Поэтому давайте обсудим, насколько вы решительны в вопросе брака. Вы не примете предложения другого рода?

Грир осмотрелась вокруг в поисках чего-нибудь, что можно использовать как оружие.

— Вы отвратительны! Неужели нет конца вашей...

— Честности? — подсказал принц, нагло приподняв бровь.

— Нет, — парировала она, — убогости. Вы не можете сделать неприличное предложение и гордиться честностью. — Она покачала головой. — Так не бывает.

— Я просто заметил, что вы довольно привлекательны, и я не прочь насладиться вашим обществом подольше.

С все еще пылающим лицом Грир подхватила юбки и направилась к двери, решительно настроенная никогда не встречаться с Его Чертовым Высочеством. Ей по-настоящему жаль женщину, которая выйдет за него замуж. Грир не могла представить, что каждый день их союза будет выслушивать нравоучения о своих недостатках. Лучше сразу спрыгнуть со скалы.

— Я еще не разрешал вам удаляться.

Грир остановилась и взглянула через плечо на красивого негодяя. Ей никак не удавалось отделаться от мысли: как же несправедливо, что столь неприятный человек мог быть заключен в такую привлекательную оболочку. Он хорошо скрывал свою натуру.

— И почему же, извольте пояснить?

— Вы же не хотите столкнуться с лордом и леди Керкендейл? Или чтобы они заметили, как вы выходите отсюда? — Севастьян опустился на кровать и вытянул длинные ноги перед собой, наблюдая за ней своими хищными львиными глазами.

И тут он широко улыбнулся. У Грир перехватило дыхание от внезапности этой улыбки. Строгий и хмурый, он представлял собой то еще зрелище. А уж с таким жизнерадостным выражением на лице, как сейчас... Грир определенно попала в беду.

Она сердито посмотрела на принца. Его улыбка стала шире, обнажая ослепительно белые зубы. Видимо, угрюмый вид Грир не произвел на него впечатления. Она сомневалась,

что хоть чем-то может произвести на него впечатление.

Грир откашлялась и вздернула подбородок.

— Вряд ли они задержались...

— Они подходят друг другу как супруги, — сказал Севастьян. От его переливчатого акцента у нее по коже побежали мурашки. — У них нет причин торопиться возвращаться в бальный зал. И, зная леди Керкендейл, не сомневаюсь, она отвлечет мужа по дороге.

Хотя Грир и ненавидела его логику, эта парочка действительно выглядела довольно влюбленной несколько минут назад. Не стоит обращать внимания на их распутный нрав.

Грир скрестила перед собой руки и уставилась на... *принца*. В голове все время вертелась мысль, что она рядом с королевской особой. В одной комнате. К тому же он, казалось, совершенно равнодушно делал ей непристойные предложения. Что-то сжалось в груди. Он, вероятно, всегда так поступал с просушками, подобными Грир.

Мог ли кто представить, что Грир будет легче в брюках скакать верхом на лошади в горах, чем разобраться в такой ситуации? В прежние времена она проводила несколько вечеров в неделю в местной таверне, попивая эль с парнями, которые принимали ее за своего. Просто за парня низкого происхождения. Будучи организатором спортивных игр, она проводила совсем мало времени в платьях и еще меньше — в бальных нарядах.

Грир сглотнула. Этот отвратительный принц был прав. Из нее бы получилась жалкая королева. Но огорчаться тут совсем нечему, потому что королевой Грир уж точно не стремилась стать. Она мечтала лишь о браке с джентльменом. И зная, какой тяжелой может быть жизнь, хотела обрести уверенность в защите от самых страшных житейских бурь. Ничего больше.

Откинувшись на локтях, Сев продолжал наблюдать за ней, больше не сделавшей ни шага.

— Думаю, вы меня поняли.

— Вы обеспокоены, что вас обнаружат со скромной крестьянкой вроде меня, правильно? — не смогла удержаться от колкости Грир. Он — принц. Она — незаконнорожденная, оставшаяся без средств к существованию. Двое совершенно несовместимых людей.

Принц склонил голову, и отблеск от пламени в камине позолотил темную прядь. Грир снова сглотнула, пообещав себе, что его внешность больше никогда не вскружит ей голову.

— Не особенно, — ответил Севастьян, — в конце концов, *моя* репутация не пострадает, если нас увидят вместе. — Уголки его рта соблазнительно вытянулись. — Простите. Люди большие сплетники.

Да он издевается над ней! Она впиалась пальцами в ладони, ногти врезались в нежную кожу. Грир с минуту смотрела на него, нахохлившись.

— Хотите сказать, я одна буду опозорена, если нас с вами застанут наедине в спальне?

— Естественно.

— Но на вас такое событие никак не отразится.

— Не обязательно так возмущаться. — Он кивнул один раз. — Таковы уж порядки, как в вашей стране, так и в моей.

«Да, — мрачно подумала Грир. — Таковы порядки». Она пострадает от скандала, а Севастьян станет еще более популярным в глазах общества. Мужчины будут им восхищаться, а женщины примут за лихого повесу.

Если она считала теперешние шепотки о ней ужасными, то они не пойдут ни в какое

сравнение с тем, что начнут говорить, если ее обнаружат в такой близости с чертовым наследным принцем Малдании! Грир закусила губу, испуганно поглядывая на дверь.

Принц, конечно, не спасет ее честь, предложив жениться. Во рту стало горько. Она не заблуждалась и понимала, что он не сочтет нужным спасти ее от гибели. Она ведь незаконнорожденная. К тому же слишком старая. Слишком веснушчатая и загорелая.

— Тогда мне не стоит задерживаться здесь, — наконец ответила Грир, — так как с каждой минутой мне все опаснее оставаться с вами.

Она повернулась к двери, уверенная, что в этот раз ему ее не остановить. Но он и не попытался. Принц не проронил ни слова, когда Грир выбегала из комнаты.

Да и зачем ему что-то говорить?

Она поспешно шла по коридору, обеими руками стискивая юбку и погружившись в грустные думы. Грир напоминала себе, что она для Севастьяна пустое место. Никто. Так же, как и он для нее.

Сев смотрел на закрытую дверь, за которой скрылась мисс Грир Хадли, словно за ней по пятам неслись по меньшей мере адские гончие. Он изумленно поскреб подбородок.

Грир, Грир. *Грир*.

Ее имя постоянно крутилось у него в голове. Что это за имя, в конце концов? Он почти воочию увидел, как дед морщится при его произношении. Оно такое... *простецкое*. Не такое, как, скажем, Елизавета. Или Катерина. Вот королевские имена. Имена всех прежних королей Малдании.

Севастьян поймал свое расплывчатое отражение в зеркале и поморщился. Почему он вообще думает о ее имени?

Сев снова уставился на дверь, вспоминая шелест юбки, когда Грир выбегала из комнаты. А почему ей не бежать от него? Ведь он повел себя очень грубо. Но делать нечего. Она совершенно не подходит ему, независимо от того, насколько его заинтересовала. Лучшее, что он мог сделать — дать ей уйти.

Принц поднялся с кровати и принялся расхаживать по комнате, выжидая еще несколько минут, чтобы Грир нашла дорогу обратно в зал, пока ее не хватились. Если бы Севастьян вышел вслед за ней, то поставил бы пятно на ее репутации.

Он говорил правду: болтливые языки не причинят ему вреда. Хотя он и не сказал, что желает сделать Грир жертвой для сплетен злопыхателей. Сев прекрасно представлял себе, что, будучи незаконнорожденной, она уже получила свою долю осуждения общества.

По его поведению не скажешь, но у него еще есть сердце. Пусть от него осталась небольшая обуглившаяся часть после последних десяти лет войны... когда Севастьяну приходилось наблюдать, как вокруг него умирали члены семьи и товарищи, а страна истощалась и засыхала, словно виноградная лоза от гнили.

Ему нужно сделать хорошую партию. Вот так все просто. О его *желаниях* речь не идет, он *обязан* жениться на достойной девушке.

Незванный образ мисс Хадли вновь возник в мыслях. Сев увидел ее раскрасневшиеся щеки, когда она споткнулась у шкафа, и широко улыбнулся. Она была полностью права в своих обвинениях. Он не должен был прижиматься к ней так тесно. Не должен был, но все же прижимался. Не мог удержаться.

От нее пахло свежими дикими ветрами и зелеными холмами. Она напомнила ему о доме, холмах и горах Малдании. А кожа у Грир мягкая, как шелк. От воспоминаний пальцы судорожно дернулись.

Улыбка исчезла с губ, когда Сев вспомнил дальше. Она дала ему отпор. Правда, он не был с ней галантным кавалером, но ведь принц привык, что из-за короны женщины обычно сами бросались ему на шею.

Севастьян тряхнул головой, словно пытаясь избавиться от мыслей о Грир. В нем говорило неудовлетворенное желание, и все. Мисс Хадли беспокоила его оттого, что свидание с леди Керкендейл было прервано. Его просто мучила похоть. Не более.

В Грир нет ничего, что могло бы привлечь Севастьяна. Она не принадлежала к его типу женщин. Загорелая кожа, язвительный язык и в особенности несчастные обстоятельства рождения — все это делало ее женщиной, недостойной внимания принца. По крайней мере, ее кандидатура *не должна* даже рассматриваться. Некоторые нуждающиеся в средствах

английские дворяне могут счесть ее приемлемой, но только не будущий король Малдании.

И тем не менее все его внимание было приковано к ней.

Она как раз из тех женщин, которых он использовал в качестве любовниц и держал в одном из приморских поместий семьи, на безопасном расстоянии от королевского двора. *Если бы* Севастьян искал здесь любовницу, *если бы* Грир захотела рассмотреть подобное предложение...

Сев знает, в чем заключаются его обязанности. И он не подведет. Найдет идеальную невесту, которая заполнит казну и детскую. Женщину, которая снова вдохнет жизнь в его родину. Потребности сердца или тела самого Севастьяна рассмотрению даже не подлежат.

***

— Ну что ж, послушаем. Как прошел вечер? Можете сообщить что-нибудь интересное?

Грир прикрыла зевком рукой и уставилась мутными глазами на отца — человека, о котором узнала совсем недавно.

За окном забрезжил рассвет, проникая сквозь занавески экипажа. Теперь она поняла, почему высшие слои общества спали весь день напролет: они просто не попадали в постель до восхода солнца.

Джек не выглядел особо уставшим, судя по ясному выжидающему взгляду. Нет, на самом деле он выглядел бодрым после ночи, проведенной с аристократами, к рядам которых жаждал быть причисленным. Грир скорчила гримасу. Причем жаждал так сильно, что решил вдруг признать своих незаконных отпрысков.

Грир взглянула на сводную сестру. Если любая из них сможет получить доступ в этот блистательный мир через брак, то они будут чего-то стоить в его глазах.

Она не была глупа и не питала иллюзий насчет сентиментальности старика, сидящего напротив. По сути, он купил ее присутствие в своей жизни. Отца не сразили внезапно нахлынувшие нежные чувства к дочерям, которых он никогда не знал. Она и не ожидала теплых отношений. С ее стороны тоже не было нежных чувств. Грир прекрасно сможет прожить и без его любви. У нее был отец — человек, за которого мать вышла замуж после того, как Джек Хадли ее бросил. Этого человека она называла папой. Он, как мог, утешал и защищал Грир от жестокого мира, готового наказать ребенка за незаконнорожденность.

Муж матери научил ее кататься верхом, удить рыбу и стрелять. Он никогда не считал ее дочерью другого мужчины. Он считал ее родной.

Грир почувствовала острую боль в груди при воспоминании о папе. Его не стало уже почти три года назад, но ей по-прежнему его не хватало. Грир не сомневалась, что, будь он жив, она не сидела бы сейчас в карете с Джеком Хадли, втянутая в замыслы выдать ее замуж за какого-нибудь аристократа и убежденная в том, что так можно отлично решить все ее трудности.

— Ну? — спросил Джек. — Расскажите мне, кого вы очаровывали этим вечером? — Он потер толстые руки, словно решил, что Грир уже заманила в свои силки какого-нибудь аристократа.

Грир повернулась к Клео, услышав ее вздох. Та умудрилась выдать для сестры усталую улыбку и резко откинулась на сидении экипажа, ожидая, что Грир возьмет на себя

инициативу, как обычно и происходило, когда они оставались с отцом втроем.

Последний месяц, который они прожили с Джеком, был наполнен целым вихрем нескончаемых раутов и балов, примерками у модистки и вечерами в опере. Сестры едва успевали переводить дух между мероприятиями.

Джек тоже, по-видимому, ожидал от Грир ответа. Он произнес ее имя с особым ударением:

— Грир, разве тебе нечего сообщить мне о сегодняшнем вечере?

Грир умела читать между строк. Как старшая сестра она должна выйти замуж первой.

— Вечер прошел неплохо, — солгала она.

— Неплохо? — Джек поморщился, словно она сказала ему что-то неприятное.

— Да. Прошел... хорошо, — поправилась Грир.

— Хорошо? — нахмурился Джек, выплевывая слова: — Просто хорошо? Звучит не очень обнадеживающе. Ты не покорила сегодня ни одного сердца? Я думал, ты хочешь заполучить себе мужа, девочка моя. Вечер прошел *хорошо*, но не похоже, что тебе сделали предложение.

Грир беспомощно посмотрела на сестру. Клео приподняла бровь, как бы говоря: ты действительно провела большую часть вечера, прячась за папоротником.

Облизав губы, Грир наконец ответила:

— Это не так просто, как ты думаешь. Большинство представителей высшего света наше происхождение совсем не впечатляет.

Джек махнул толстой мясистой лапой:

— Ерунда. Я увеличил размер приданного за ваши головы.

«Ваши головы». Словно они какие-то грязные преступники.

— Поскольку ваша сестра Маргарит вышла замуж за моего партнера, я удержал ее долю в пользу вас обеих. Думаю, так будет лучше. Поверьте мне, есть много хороших претендентов. Просто ведите себя любезно, и за следующие две недели вы получите предложение.

Джек безжалостно прищурился, отчего Грир вспомнила о том, кем он когда-то был. Он сколотил свое состояние преступным путем и на несчастьях других.

— До тех пор, пока вы не станете любезными, до тех пор, пока вам это не станет настолько же нужным, как и мне...

— Я буду любезной, — ответила Грир, чувствуя странную пустоту внутри от горького осознания того, что она действительно совсем мало старалась, чтобы привлечь мужа. Если Джек верил в то, что говорил, значит ей просто нужно вести себя *любезно*, и вскоре кто-нибудь сделает ей предложение. Отец просто наизнанку вывернулся, предлагая огромную сумму мужчине, который женится на ней. Так унижительно смотреть на свое положение с такой точки зрения.

Грир снова взглянула на сестру и прочла во взгляде Клео такое же разочарование. Они жертвовали любой надеждой, любой мечтой, что кто-то женится на них... ради *них самих*. Из привязанности... из любви.

Невольно образ принца Севастьяна возник в мыслях. По крайней мере, он посчитал ее привлекательной. Даже если его манеры были совершенно оскорбительными, принц ничем не пытался скрыть, что Грир пробудила в нем желание. Могла ли она ожидать такого от будущего супруга?

Она вздохнула, закрыла глаза и начала потихоньку потирать веки, пытаясь унять

головную боль.

Награда, тем не менее, предстояла достойная: почет, безопасность, уют домашнего очага, да и крыша над головой. Причем сестры считали это именно наградой, а не воспринимали как должное. Пожив на грани нищеты и голода, Грир и Клео обе знали, как важно в жизни всего этого добиться.

— Я буду более приветливой в следующий раз, — искренне пообещала Грир. Она согласилась на затею отца и всерьез решила воплотить ее, чтобы не сводить концы с концами.

— Очень хорошо. Я ожидаю увидеть улучшение, — кивнул Джек. — Завтра мы уезжаем.

— Завтра? — Клео выпрямилась, вдруг помрачнев. — Куда?

Джек гордо выпятил грудь.

— Вдовствующая герцогиня Болинбрук любезно пригласила нас на неделю в свое загородное поместье. Нас и еще несколько именитых гостей. Это большая честь. Немногие в высшем свете удостоились чести получить приглашение на прием в Пембертон-мэнор.

Загородный прием. Там не будет никакого спасения на этот раз. Грир слотнула. Она не сможет прятаться за домашними растениями или в своей комнате целую неделю.

Мелкая дрожь пробежала по телу, прежде чем Грир снова обрела решимость. Все к лучшему. Она далеко не трусиха и раз уж выбрала этот путь, то не должна теперь сворачивать.

Джек указал пальцем на каждую из сестер.

— Я ожидаю, что вы заманите в ловушку самого молодого внука, виконта. Но пока мы будем там, неплохо бы уделить побольше внимания и герцогу.

— Ты говорил, что вдовствующая герцогиня предупредила, чтобы его не трогали, — напомнила Клео.

Экипаж остановился напротив дома Джека Хадли в Мэйфере, неприлично большого и чудовищного, который прекрасно воплощал все амбиции хозяина.

Джек пожал плечами:

— Так схитрите. Он молодой и здоровый мужчина. — Отец снова ткнул пальцем на каждую из дочерей. — Он может так же легко влюбиться в одну из вас, как и любой другой юнец. Вы милевиднее, чем те ведьмы из высшего общества с лошадиными мордами.

Грум открыл дверцу, и только тогда отец выбрался из кареты. Дочерям он выйти не помог, а сразу зашагал вверх по лестнице в дом.

Взявшись за руки, Грир с сестрой бок о бок поднимались по ступенькам.

— Там соберется небольшая компания, — заметила Клео так, что Грир не поняла точно, кого сестра пыталась успокоить: себя или ее. — Никакой безумной толпы, как на остальных праздничных балах или вечерах.

— Точно, — согласилась Грир.

— И мы всю неделю будем вдали от городской суеты.

Грир улыбалась все время, пока шла в свою спальню. Мысли о свежем воздухе, деревьях и свободных ветрах подняли настроение. Не придется ехать на прогулку в Гайд-парк на одной из тихих кобыл отца. Грир сядет на коня и поскачет наперегонки с ветром. Легкий ветерок будет дуть в лицо. Она почувствует, как из волос будут выпадать шпильки.

Вошла заспанная горничная и помогла Грир сменить платье на negligé. Когда девушка предложила помочь с волосами, Грир, не привыкшая к такому усердию, отослала ее прочь.

Сидя за туалетным столиком, она вытаскивала каждую шпильку, одну за другой, пока

масса темно-рыжих волос не рассыпалась по плечам. Несколько завитков, что короче остальных, обрамляли лицо. Она провела пальцами по волосам, через густые пряди массируя усталую голову.

Взяв щетку, Грир расчесала волосы, пока те не стали потрескивать и едва заметно сверкать в слабом свете огня в камине. Она остановилась, глядя на свое отражение. Даже в тусклом свете коричневые веснушки на носу выделялись ясно, как днем.

— Не *такая уж* я загорелая, — пробормотала она своему отражению, словно обращаясь к одной из болтливых сплетниц, которые называли ее смуглой. А все из-за того, что дамы высшего света предпочитали бледность, как у покойников. Грир же нравился свой цвет кожи. — И не *старая*.

Она положила щетку и забралась в мягкую кровать, удивляясь, почему мысли о некоем принце все еще мучают ее. Щеки бросало то в жар, то в холод, когда она думала о нем. В голове отрывочно замелькали воспоминания о минутах, проведенных в шкафу.

Начало даже казаться, что он здесь, рядом с ней, снова шепчет свои насмешки, слишком смело касается ее руками, чересчур мозолистыми для благородного принца.

Грир никогда так не откликалась на ласки Тревиса. Перевернувшись на бок, она задумалась о бывшем работодателе, стараясь избегать унижительных воспоминаний, которые обычно сопровождали мысли о нем.

Он был ее лучшим другом с детства, удобным и постоянным, даже заступался за нее перед теми, кто запугивал Грир. Она думала, что они проведут остаток жизни вместе. Его поцелуи были приятны... но, видимо, не возникало желания. Истинного желания. Грир теперь это стало ясно. Теперь она узнала.

После того, что почувствовала сегодня вечером в шкафу, она поняла, что ошибалась. И ужаснулась, когда до нее дошло, что принц, по сути, даже не поцеловал ее. Никогда прежде в животе не порхали бабочки, никогда настолько не перехватывало дыхание.

Щеки вспыхнули, когда Грир представила себе, каким мог быть поцелуй принца Севастьяна. Она свернулась клубочком, подтянув ноги к груди, и дала волю воображению.

Она закрыла глаза и представила лицо Севастьяна так близко, как было недавно. Только в воображении его рот плотно прижимался к ее рту, губы двигались, ласкали... Распахнув глаза, Грир тяжело и часто задышала. Она не имела права развлекаться такими фантазиями. Только не об этом мужчине, ведь он считал ее недостойной кандидаткой в жены и подходящей разве что для интимного свидания. Широко раскрытыми глазами, она осмотрела свою спальню. Похоже, ночь сегодня затянется.

Мокрый снег начал падать крупными хлопьями и оседать на оконных стеклах. Грир переложил подушки поудобнее. Подсунув руку под щеку, она наблюдала за белым снегопадом, стараясь не думать ни о ком и ни о чем, особенно о мимолетной улыбке принца Севастьяна.

Загородное поместье вдовствующей герцогини уютно располагалось среди ухоженных лужаек. Большое озеро, подобно манящему ковру бархатной синевы, текло перед величественным строением из серого камня. Грир представила себе гусей, весной скользящих по зеркальной поверхности воды.

Поднимаясь по ступенькам вслед за дворецким в фойе, свод которого походил на неф² кафедрального собора, Грир затаила дыхание и постаралась прогнать мысли о том, что она здесь самозванка. Дворецкий вел их в гостиную. Из-за высоких потрескавшихся двойных дверей прорывалась режущая ухо мелодия, извергаемая фортепьяно. Слуга распахнул двери и сопроводил их к собравшейся компании.

Было очевидно, что семейство Хадли прибыло последним. Некоторые гости пили чай, как и сама герцогиня, которая восседала на величественном стуле-троне перед камином, властвуя, словно паша над собранием. Дворецкий сухо представил прибывших гостей, после чего знатная дама махнула рукой, указывая пухлыми пальцами в кольца на стулья.

Джек устремился вперед, подобно штормовому ветру, и резко поприветствовал герцогиню, не обратив внимания на то, каким мягким и спокойным тоном говорили другие. Тем временем юная леди продолжала мучить фортепьяно, стуча по клавишам.

Грир и Клео переглянулись, когда заметили усмешки, что заслужил их отец от полудюжины гостей, развалившихся в креслах и на диванах, расставленных по всей комнате. Богаты Хадли или бедны, приглашали их сюда или нет — значения не имело. Все равно гости герцогини относились к ним с пренебрежением.

Грир нацепила вежливую улыбку и старалась не ощущать себя дворняжкой, прошмыгнувшей в дом в поисках укрытия от грозы. Она часть здешнего общества так же, как и все остальные. Она приглашена в этот дом.

Непонятно почему, но в голове тут же возник образ принца Севастьяна. Он, несомненно, был бы не согласен с ее заключениями. По его мнению, Грир всего лишь простачка и занимает положение ниже собравшейся здесь благородной компании. Осознание этого ужалило больше, чем должно бы. Она подавила стон разочарования оттого, что образ принца снова нашел путь в ее мысли.

Пытаясь изгнать воспоминания о нем, Грир подняла подбородок и осведомилась о здоровье герцогини.

Дама ответила и улыбнулась. Грир попыталась заметить фальшь в ломком изгибе ее мертвенно-бледных губ, ту самую неискренность, с которой она сталкивалась на каждом шагу в этом светском обществе, но скоро остановила свое любопытство. Подобные затеи бессмысленны. Естественно, улыбка была притворством. Герцогиня отнюдь не желала, чтобы внук ее женился на Клео или Грир. Она хотела лишь получить состояние Джека и тем самым спасти свою семью.

Чтобы оценить весь ужас положения вдовы, много времени не требовалось. Все свидетельства представлены прямо здесь, вокруг Грир. Обои сильно выцвели — на это явно указывали несколько квадратов более яркой и чистой бумаги в местах, где некогда висели картины. «Их продали, чтобы добыть столь необходимые средства, — предположила Грир. Взгляд ее переметнулся на горничных, присутствующих в зале. — Вероятно, для выплаты жалования слугам, которые нужны для поддержания этого мавзолея».

Были и другие признаки. Мебель в гостиной, некогда прекраснейшего качества, стала обветшалой и поблекшей. После того, как Грир прожила месяц с отцом в окружении великолепных предметов мебели и самого богатого интерьера, она легко подмечала состояние обстановки других домов.

Герцогиня щелкнула по манжете, и подошел виконт, поднявшись с кушетки на другом конце комнаты, где он вел приватный разговор с милой брюнеткой. Девушка жадно следовала глазами за ним, пока он шел к своей бабушке и кланялся Грир и Клео. Полный друг юной леди, что сидел от нее с другой стороны, утешая, похлопал ее по руке и угрюмо уставился на Грир.

Грир задумчиво сдвинула брови. Влюблена ли в виконта эта девушка? Влюблен ли он в нее? Чудесно. Еще один повод чувствовать себя неудобно.

Несмотря ни на что, виконт исполнил свою партию восхитительно. Он улыбнулся и с безупречной грацией склонился над руками сестер Хадли. Его по-мальчишески привлекательный облик не выдавал ничего. Лорд Толливер не подал ни единого знака, говорившего, что сердце его занято другой. Джентльмен до глубины души. В отличие от некоего принца, воспоминания о котором, казалось, никак не оставят Грир.

Она склонила голову на бок и ободряюще вдохнула, отругав себя за мысли о наглом мерзавце. Всю дорогу до поместья герцогини его лицо и язвительные слова посещали ее голову чаще, чем отсутствовали в ней. Неужели он никогда не покинет ее дум? Чудно, в самом деле.

Проклятье! Она чуть не вообразила, будто один из двух джентльменов, входящих в залу, напоминает принца.

Грир моргнула и посмотрела снова на приближающегося человека. Джентльмен не напоминает его. *Это он и есть!*

Он здесь. Ее принц здесь. Нет! Не «ее» принц. Она с трудом сглотнула, проклиная себя за эту оговорку. Он вовсе не ее.

Паника нарастала в груди, сжимая горло. Как можно забыть о нем, когда он посещает те же приемы, что и Грир? Он будет здесь, все время мозоля ей глаза. Больше недели. Она будет видеть его за столом, постоянно слышать его голос, куда бы ни повернулась.

Севастьян наткнулся взглядом на Грир, и янтарные глаза округлились от узнавания. Нечто похожее на изумление вспыхнуло в них и тут же погасло. Четко очерченные губы сомкнулись в тонкую линию.

Грир фыркнула и вздернула подбородок, пытаясь выглядеть невозмутимой. Она холодно смотрела на него, сквозь него и держалась, подражая этому суровому и бесчувственному монарху. Грир вела себя так, словно и вовсе с ним не знакома. А ведь и в самом деле по-настоящему они не познакомились. Один вечер вместе едва ли можно считать знакомством.

Сестра легко коснулась ее локтя, и Грир принудила себя вновь обратить внимание на виконта и прислушаться к тому, что он говорит:

— ...удовольствие видеть вас здесь. Когда вчера вы не прибыли вместе с другими гостями, мы боялись, что непогода не позволит вам присоединиться к нашему обществу. Погода просто никудаышная. Должен сказать откровенно, все присутствующие здесь джентльмены вздохнули с облегчением оттого, что две столь прелестные леди все же удостоили нас своим визитом.

— Это так любезно с вашей стороны, милорд, — пробормотала Грир.

Виконт прижал ладонь к своему сердцу:

— Я лишь говорю правду.

— Несомненно, несомненно! — воскликнул пожилой мужчина и, стукнув тростью об пол, окинул обеих сестер похотливым взглядом.

Лорд Толливер согласно кивнул.

— Маркиз был весьма недоволен недостатком женского общества.

— Вот теперь это будет настоящий загородный прием. — Старик ухмыльнулся шире, показывая за недостающими зубами влажный, обложенный налетом язык, который, казалось, с трудом помещается во рту.

Клео умудрилась произнести вежливый ответ, Грир же смогла лишь съежиться от вида этого человека. Она точно не собиралась рассматривать его в качестве кандидата в супруги. Виконт был в тысячу раз привлекательнее.

— Ну же, милая, — маркиз указал скрюченным пальцем на Грир, — Иди, присядь рядышком.

Грир в ответ выдавила улыбку, рассматривая маленький диванчик, на котором он сидел, с безграничным отвращением. Никогда прежде она не чувствовала себя настолько неуместной и задумалась, как же тут поступить.

Она ощутила пристальный взгляд принца на своей спине. Он будто прожигал платье, клеймил ее, обличал в ней самозванку. Прежде эта истина никогда не беспокоила Грир так, как сейчас. Она — самозванка, что борется за место в мире, в котором не желают ее. Придя к такому выводу, Грир поджала губы. Мир, в котором ее до сих пор никто не хочет принять.

— Прекратите уже ваш флирт, Квиббли, — пожурела герцогиня, — Неужто вы не видите, что пугаете девушку?

Страх? Нет, не совсем. Неприязнь — так вернее можно описать отношение Грир к старику.

Грир улыбнулась, но улыбка вышла нервной и натянутой. К счастью, в эту минуту Джек отвлек всеобщее внимание обличительной тирадой, повествующей об их опасном путешествии по заметенным снегом дорогам.

Отец не преувеличивал. Клео слегла, ее бил озноб, отчего отъезд отложили на день. В тот самый день и случилась буря. Дороги сделались почти непроходимыми, но Джека это не остановило. Ничто не могло удержать его от посещения домашнего приема в поместье герцогини.

Грир и Клео устроились на удобном диване, тут же молчаливая горничная подала им чай. Грир осторожно отпила, слушая, как отец описывает два часа, что они провели, увязнув в снегу, в то время как он сам, кучер и конюх старались вытащить их из сугроба.

— Прямо-таки приключение, — услышала Грир тихий голос рядом с собой.

Она метнула резкий взгляд влево.

Подойдя украдкой, словно дикий кот, принц занял место совсем близко к ней, и встал по-солдатски прямо, заложив руки за спину. Грир выпрямилась и отвела взгляд. Принц, однако, продолжал говорить, и от его голоса, раздающегося прямо у нее над головой, по коже побежали мурашки.

— Какое везение, что мы имеем удовольствие лицезреть вас здесь с нами в целостности и сохранности.

Грир скользнула по нему глазами, стараясь понять, уж не дразнит ли он ее, и не в силах скрыть своего потрясения, что он снизошел до того, чтобы заговорить с ней, и не побоялся, что их могут услышать. Поднеся чашку к губам, она тихо сказала:

— Вы точно хотите, чтобы все видели, как вы говорите со мной, ваше высочество?

Янтарные глаза вспыхнули, когда Севастьян посмотрел на нее.

— Не вижу в этом никакого вреда.

— Как великодушно с вашей стороны.

— О, ваше высочество, вы встречали мисс Хадли?

Виконт, очевидно, заметил их обмен фразами. Он смотрел то на одного, то на другого.

Грир уже открыла рот, чтобы опровергнуть знакомство с принцем, но тот заговорил первым:

— Да. В Лондоне.

— Ну конечно же.

Виконт энергично закивал. Он действительно был мил и весьма охотно принял роль жертвенного ягненка. Или это вовсе не роль? Пока Грир маленькими глотками пила чай, взгляд лорда Толливера уплывал мимо нее, ускользая куда-то за ее плечо.

Грир проследила: взор его был обращен на девушку, с которой, как она заметила, он ранее беседовал. Поймав на себе ее взгляд, девушка быстро отвела глаза, на щеках выступили нежные розовые пятна. Но Грир успела увидеть, что она тоже смотрела на виконта.

Грир стало неловко, она заерзала и отвернулась, делая вид, что ее занимает, как отец потчует комнату рассказами об их приключениях. Только она не смогла надолго задержать на нем внимание. Не смогла, потому что чувствовала пристальный взгляд принца, стоявшего не более чем в паре шагов от нее. Жар расходился по лицу, пока она не посмотрела на него еще раз.

Севастьян взирал на Грир с уже привычным равнодушием. Почему он вообще утруждает себя и обращает на нее внимание?

Она резко отвернулась и вновь посмотрела на отца.

Несколько минут спустя вдова прервала словесный поток ее родителя:

— Подумать только! Как ужасно. Возможно, ваши дочери желают заглянуть в свои комнаты и немного отдохнуть перед обедом?

Грир кивнула, старясь не переусердствовать в выказывании согласия на предложение герцогини. Рядом поднялась и Клео. Из дальнего угла комнаты, будто по волшебству, возникла горничная, чтобы сопроводить их.

Покидая залу, Грир ощущала неотрывный взгляд, буравящий ей спину. Не требовалось больших усилий, чтобы догадаться, кто столь настойчиво смотрит ей вслед. Все тот же самый человек, что взирал на нее так холодно и считал ее годной лишь для «приятных» свиданий, но никак не подходящей для того, чтобы вращаться в кругах благородного общества.

В этот раз Грир смогла удержаться и не обернулась.

***

Обед был занятием утомительным, Грир приходилось следить буквально за всем, что она делала. Даже после отдыха в своей спальне, столь сильное сосредоточение на том, как она сидит, как ест и держится на протяжении всего званого обеда, закончилось тем, что плечи ее одеревенели от напряжения.

За обедом присутствовал герцог. Очевидно, он провел весь день в лесах на охоте вместе со своими псами. Грир ему завидовала. Охота определенно доставляла радости больше, нежели то, чем выпало заниматься ей: дремать или терпеть компанию благородных дам, предпочитающих обсуждать иллюстрации последних веяний моды или же городские сплетни. Тем не менее, она сумеет вынести все эти испытания. Должна суметь. Ведь конечная цель того стоит.

Как занимающему самое высокое положение среди присутствующих, принцу отвели почетное место во главе стола. Герцог сел подле него. Обрывки беседы, долетавшие до Грир, доказывали, что темы разговоров на другом конце стола намного интереснее того, о чем говорили вокруг нее.

Грир сидела возле мисс Персии Трамгуди, той самой молодой леди, которая пожирала виконта глазами. Все попытки Грир вести с ней беседу сводились к натянутым ответам. Это было все равно, что говорить со стеной. И непонятно, связана ли неразговорчивость мисс Трамгуди с застенчивостью или же она так проявляла свое презрение.

Грир снова бросила жадный взор во главу стола. Причем сама себя она уверяла, что смотрит в ту сторону вовсе не из-за принца, как всегда привлекательного и величественного во всем черном, а лишь оттого, что там как раз обсуждали достоинства охоты с луком.

Одной ногой она отбивала яростное стаккато под столом. С таким трудом удавалось неподвижно усидеть на стуле и оставаться безмолвной, в то время как в нескольких шагах от нее обсуждали тему, которая ей действительно интересна. Но что она могла поделать? Кричать через весь стол?

Грир закусил губу и принялась возить ложкой в луковом супе, напоминая себе, что никто не желает услышать ее мнения относительно охоты. Присутствующие просто придут в ужас, узнав, что она кое-что смыслит в области, столь неподходящей для леди.

Рядом громко чавкал отец. Несколько гостей с неприязнью посмотрели в его сторону. Грир почувствовала, как растет пропасть между ней и всеми этими изнеженными аристократами.

«Тебе нужно лишь найти и женить на себе сельского джентльмена — и больше не придется терпеть унижения. С титулом, добавленным к твоему имени, ты будешь свободна и сможешь быть собой. Никто более не посмеет над тобой насмеяться».

Грир обратила свой взор на виконта, сидящего поодаль. Свет от свечей отбрасывал тени на его мальчишеское круглое личико. Интересно, он моложе ее? Эта мысль нервной дрожью прошла по телу. Неприятное ощущение угнездилось внизу живота. Снова вспомнился принц и его слова, когда он назвал ее старухой. В тот раз Грир почувствовала себя настоящей каргой.

Страхнув нахлынувшую задумчивость, Грир вновь обратила внимание на виконта и посмотрела в его сторону, борясь с искушением посмотреть чуть дальше: туда, где сидел принц. Расстояние, разделявшее их за столом, служило достаточным напоминанием о той дистанции, что лежала между ними в жизни. Его высочеству нечего делать в ее голове.

Грир, сосредоточившейся теперь на виконте, стало любопытно, нравится ли ему охота и что он подумает о жене, которая ее любит? Что подумает о жене, если она станет избегать приемов и прогулок по магазинам на Бонд-стрит и скорее предпочтет вспугивать куропадок?

Стоит выяснить его мнение. В конце концов, она здесь для того, чтобы рассматривать свои варианты.

— А вы, лорд Толливер, тоже любите охоту? — спросила Грир, повысив голос, чтобы

виконт смог ее услышать, и слегка кивнула в направлении герцога и принца. Они вели беседу, ни разу не взглянув на присутствующих за столом гостей, и совсем не беспокоились, что те слышали их разговор.

Этим вечером ее словно не существовало для принца. Он совсем не смотрел на нее, как прежде, разве что направлял свой надменный взор в тот конец стола, где она сидела.

Лорд Толливер с грустной улыбкой взглянул на брата.

— Я достаточно сносно стреляю и потратил немало времени в юности на собачьей охоте. Как я мог не охотиться, когда рос рядом с братом? — Виконт отхлебнул немного супа с ложки. — Однако, признаться, я едва ли могу претендовать на звание такого же опытного охотника, как мой брат. В основном я провожу время в своей библиотеке, уткнувшись носом в книгу. Прогулки и природа не особенно привлекают меня. — Он усмехнулся: — Должно быть, я кажусь вам невероятно скучным.

Грир улыбнулась и солгала:

— Конечно же, нет.

Не то чтобы ей не нравились хорошие книги, но, с другой стороны, заявлять, что ты не любишь бывать на воздухе... Это вовсе не то, что она искала в спутнике жизни. Однако должен ли будущий супруг охотиться и ездить верхом так же много, как и она, чтобы относиться снисходительно к ее увлеченности этими занятием?

Персия проворковала:

— Я тоже люблю читать. В основном романы.

Виконт улыбнулся:

— Возможно, подобные заявления не достойны мужчины, но я довольно большой поклонник миссис Радклиф³.

Девушка радостно захлопала в ладоши, отчего ее каштановые кудри, обрамлявшие личико, пустились в пляс.

— Ах! Я обожаю ее произведения!

Грир сдержалась, чтобы не скорчить гримасу. Ее предпочтения сводились в основном к чтению исторических книг и биографий.

Она отправила еще одну ложку острого бульона себе в рот. Не в силах остановиться, Грир потянулась глазами через весь стол и столкнулась с взглядом принца. Лицо охватило жар. Знал ли Севастьян о том, сколько раз за сегодняшний вечер она смотрела на него?

Его загадочный взор не говорил ничего. Принц внимательно рассматривал ее поверх краев своего бокала с красным вином. Грир крепко сжала ложку, сопротивляясь искушению запустить ею через стол прямо его высочеству в лоб.

Да что же с ней творится, почему он так на нее влияет!

Тем вечером после ужина все общество собралось в гостиной. Грир заняла место на диване рядом с Клео. Леди Либби поспешила исполнить указание герцогини и села за фортепьяно. Играла она хорошо, и вскоре музыка стала легким фоном для беседы в зале.

На сестер Хадли никто не обращал особого внимания. Единственным исключением являлся виконт: покорный долгу он любезно разделял их компанию, когда все остальные, казалось, не замечают девушек.

Клео посмотрела на Грир, улыбнулась и слегка пожала плечом.

— Утром поедешь кататься верхом? — спросила она, когда виконт отошел поговорить с маркизом, лордом Квиббли.

— Может быть. Или я могу взять пример с тебя и проспять до обеда, — подразнивая сказала Грир.

Клео выразительно моргнула большими глазами:

— Ты? Никогда. Скорее конец света наступит.

Грир улыбнулась. Она всегда рано вставала и редко упускала удобный случай покататься верхом. Даже в такую неподходящую погоду она была рада вырваться на свежий воздух.

Любовь Клео спать допоздна можно легко понять, ведь раньше она не могла себе позволить такую роскошь: требовалось следить за детьми — братьями и сестрами, которых нужно было одевать и кормить, — и выполнять целую уйму других обязанностей по хозяйству.

— Определенно, тебе так и стоит поступить, — сказала Клео со всей серьезностью. — Так чудесно просыпаться, когда комнату заливают солнечный свет. Намного лучше, чем подниматься вкромешной темноте и, спотыкаясь, рыскать в поисках своих туфель под навесами кровати по коморке, которую приходится делить еще с пятерыми.

— Звучит заманчиво, захотелось даже самой попробовать, — усмехнулась Грир, — хотя бы разок.

— Так попробуй, — кивнула Клео. — Искренне рекомендую. — И решительно добавила: — Я поклялась, что никогда не вернусь к прежней жизни, когда мне доводилось до восхода солнца выполнять кучу работы, на которую у другого ушел бы весь день.

Грир согласно кивнула, надеясь, что Клео желает для себя не только возможности спать вдоволь. Жизнь в роскоши и праздности не гарантирует счастья, а Клео заслуживает большего. Она заслуживает любви.

«А ты разве не заслуживаешь?»

Грир подавила тихий внутренний голос. Она понимала, что вопрос состоит не в том, чего она заслуживает, а в том, на что может рассчитывать. Кроме состояния у нее нет ничего, что позволило бы ей рекомендовать себя этим аристократам. Отсюда становилось понятным и то, почему они уделяли ей так мало внимания.

Грир нельзя назвать красавицей. Ей не достает изящности, молодости и происхождения. Клео же молода, мила и очаровательна и может рассчитывать на брак по любви, чего Грир сестре и желала. Что же касалось ее самой, тут она не питала пустых надежд.

Краем глаза Грир следила за принцем Севастьяном. Он стоял по стойке смирно, по-военному заложив руку за спину; такая поза почему-то казалась для него естественной, и

Грир заинтересовалась, почему. Неужели он никогда не расслабляется? Никогда не позволяет себе и минуты отдыха? А в одиночестве держится столь же напряженно?

Пальцы, лежащие на шелковых юбках, дернулись, когда Грир захотелось поддаться искушению и взъерошить принцу волосы, ослабить галстук, чтобы он стал больше похож на... человека.

Его высочество стоял рядом с герцогом возле каминной полки. Естественно, двое мужчин самого высокого среди присутствующих положения тянулись друг другу. Позади них в большом камине потрескивал огонь, отбрасывая красные отблески на ноги в черных брюках.

Герцог Болинбрук окинул залу скупающим взглядом. Однако взор его не коснулся ни Грир, ни Клео, словно их здесь и не было. Грир проследила, как герцог остановил свой взгляд на леди Либби и стал с интересом ее рассматривать. Очевидно, она привлекла внимание не только принца. Девушка была красива и изыскана, а как она играла! — идеальная жена для такого человека, как герцог. Или принц.

Леди Либби закончила, и следующей за инструмент попросили сесть Клео. Грир с гордостью слушала сестру — она играла очень хорошо. Даже в семье, полной детей, мать Клео установила фортепьяно в маленьком коттедже, чтобы все ее дочери смогли научиться играть. Хотя Грир подумала, что ничего удивительного здесь нет, чего еще ожидать от женщины, которая назвала старшую дочь Клеопатрой. Она возлагала большие надежды на дочерей... надежды, которые могут принести плоды, во всяком случае, если говорить о Клео.

Взгляд герцога последовал за гибкой фигурой леди Либби — та садилась между Персией и внучкой лорда Квибли, пухленькой розовощекой Мариэль. Различие между двумя девушками явно бросалось в глаза. Облаченная в шифоновое платье персикового цвета леди Либби выглядела мечтой. Грир не удержалась и бросила взгляд на принца — может быть он, как и герцог, тоже смотрит на леди Либби, разинув рот.

Однако он не смотрел на нее. Вернее, он вообще ни на кого не смотрел. Склонив голову набок, Грир с любопытством разглядывала Севастьяна, гадая, какие мысли вертятся в его голове. Опустив веки, он пристально уставился на горящий в камине огонь. Казалось, что красно-рыжее пламя его загипнотизировало. Сейчас принц выглядел не заносчивым, а просто напряженным и обеспокоенным, и Грир стало интересно, что же могло его мучить? Многолетняя война в его стране закончилась. Ему поклонялись, и на любом приеме, в любом доме считали самым желанным гостем. Он мог выбрать любую невесту. Ему следовало бы быть беззаботным, а не мрачным и задумчивым.

Клео закончила играть и настала очередь мисс Персии Трамгуди занять место за фортепьяно. Она играла божественно. Какое бы сильное неприятное впечатление не вызвала эта девушка у Грир или, скорее, как бы сильно Персия не выказывала свою неприязнь к ней, мелодия привела в восторг всех в зале, и Грир не стала исключением.

Мужчин игра особенно очаровала. Грир отважилась еще раз украдкой посмотреть в сторону камин и с удовлетворением отметила, что не все были околдованы Персией. Принц по-прежнему смотрел в огонь, словно ничего вокруг его не занимало и даже такая красавица, как Персия Трамгуди, не стоила внимания.

Решив, что потратила достаточно времени на созерцание человека, который совершенно точно не удостоит ее и беглой мыслью, Грир поспешно отвела взгляд и велела себе не смотреть больше в его сторону. Не хотелось быть застуканной пожирающей Севастьяна глазами. Его высочество может еще подумать, что она желает принять то непристойное

предложение, которое он ей однажды сделал.

Наблюдать за Персией — испытание довольно тяжкое. Она знала, как завоевать публику.

Игра передавалась всем телом. Исполнение было полным чувственности. Все неотрывно наблюдали за движением плеч, за тем, как Персия склонялась над клавишами, открывая взору ложбинку между грудями. Лорд Толливер смотрел на мисс Трамгуди с открытым ртом. Грир даже показалось, что она заметила собравшуюся в уголке его рта слюну. Если лорд Толливер и не был без ума от Персии прежде, то теперь она всецело его очаровала.

Несмотря на намерение сдерживаться, Грир сделала вид, что ее крайне интересует собственный манжет, и украдкой посмотрела на принца Севастьяна из-под опущенных ресниц: он тоже околдован представлением Персии?

И с облегчением вздохнула. Хоть сейчас взгляд его и не устремлен в огонь, а обращен на присутствующих в гостиной, смотрел принц спокойно, без малейшего возбуждения от вида Персии. Ни ее искусство игры, ни манера исполнения не трогали Севастьяна. На лице его было обычное бесстрастное выражение без намека на улыбку.

Наклонив голову пониже, Грир ухмыльнулась, медленно и удовлетворенно, — лишь однажды она видела, как принц улыбался, причем именно ей, Грир. От такого открытия она ощутила прилив женской силы.

Однако радость тут же угасла от другого воспоминания. И Грир нахмурилась, вспомнив, что смеялся Севастьян в то время, как делал ей предложение, достойное разве что падшей девки, а не леди.

— Мисс Хадли, вы меня слышите? Сейчас ваша очередь.

Грир вздрогнула, когда в бок уткнулся острый локоть Клео.

— Может быть, она оглохла? — глупо захихикала Мариэль.

Герцогиня ожидающе взирала на Грир со своего мягкого кресла. Приподняв одну бровь, она указывала на место за фортепьяно.

Звук последнего аккорда Персии смолк, и Грир почувствовала себя загнанной в угол добычей.

— Да, мисс Хадли. Я с удовольствием послушаю вас. — С легким шорохом юбок Персия поднялась.

Грир моргнула и, обведя глазами залу, поняла, что находится в центре внимания. Вот уж чего меньше всего хотелось. Затаив дыхание, с тошнотой, скрутившей живот, она смотрела, как Персия освободила место за фортепьяно и плавно пошла по комнате. Как ей только удастся так покачивать бедрами?

Все взгляды были обращены на Грир, но лишь один она чувствовала остро, будто лезвие ножа. И она знала, чей это взгляд, знала, что это принц наблюдает за ней.

— Й-я-а? — выговорила Грир и, презирая себя за дрожь в голосе, продолжила, на этот раз ровнее: — Вы хотите, чтобы я сыграла? — Грир указала рукой на себя, приложив ладонь к корсажу своего платья.

— Да, мисс Хадли. Теперь ваш черед, — подтвердила герцогиня и махнула рукой с тяжелыми перстнями в сторону фортепьяно. — Сегодня такой приятный вечер. У нас случился домашний импровизированный концерт. Давайте же его продолжим.

— Действительно. Концерт выше всех похвал, однако... — Грир облизала вдруг пересохшие губы.

Клео послала ей взгляд, полный сочувствия, потому что хорошо знала, что Грир не умеет играть. По правде сказать, до приезда в Лондон она и вовсе никогда не видела фортепьяно.

Грир откашлялась, чтобы закончить:

— О, я не очень хорошо играю, понимаете...

Персия хлопнула в ладоши:

— Ах, я уверена, что вы весьма искусный исполнитель. Пожалуйста, не отказывайте нам.

— Я могу сыграть! — вызвалась Мариэль, привставая.

— Все хорошо Мариэль, не нужно. Мы уже слышали ваше исполнение. Теперь хотим услышать игру мисс Хадли.

Надув губки, внучка маркиза села обратно.

Виконт дружелюбно улыбнулся Грир.

— Могу я переверачивать страницы для вас, мисс Хадли? Я буду счастлив услужить вам, если позволите.

От отчаяния лицо Грир охватило жар. Даже Джек смотрел на нее с сочувствием. Он, несомненно, знал, что играть она не умеет. Искусством игры на фортепьяно должна обладать любая хорошо воспитанная леди, а Грир ею не является.

Она вновь облизала губы и призналась:

— Честно говоря, я не умею играть.

— О! — Персия моргнула с выражением поддельного удивления, поднесла тонкую руку к губам, прикрывая ладошкой рот. Можно подумать, Грир только что призналась в убийстве.

Грир в упор посмотрела на нее, ни на мгновение не одураченная лживым удивлением Персии. Мисс Трамгуди догадывалась, что Грир понятия не имеет, как играть на инструменте, который являлся обычным предметом мебели в богатых домах светского общества. Жар пополз по шее. Неужели настолько очевидно, что она самозванка среди присутствующих? Простолюдинка, изображающая из себя леди?

Персия опустила руку:

— Я и помыслить не могла, только полагала, что вы... ну... — она умолкла, и повисла тишина. Минута безмолвия, в которую Грир почувствовала, как между ней и остальными в гостиной вновь разверзлась адская пропасть.

Единственный человек, на кого она и хотела, и в то же время не желала смотреть, так как боялась увидеть отразившееся на лице презрение к ее низкому происхождению, стоял молча. Она не решалась взглянуть на него снова, чтобы обнаружить в его глазах уверенность в собственной правоте на ее счет. Ей не место здесь. Кухарки герцогини и то лучше подходили на роль леди, нежели Грир.

— Она может петь, — неожиданно сказал Джек. — Как ангел! — добавил он, обратив раздумывавшееся обеспокоенное лицо к герцогине.

Грир, мотая головой, взглянула на отца с безмолвной мольбой. Он же посмотрел на нее искренним, обнадеживающим взглядом, и тут она поняла: Джек считает, что помогает ей.

Однажды отец застал ее в библиотеке, когда Грир листала книгу и напевала старую валлийскую балладу. У нее был приличный голос. Джек сказал тогда, что такую песню, бывало, пела ее мать, и в тот раз после отцовского замечания Грир умолкла. Она не хотела, чтобы ее хоть в чем-то сравнивали с матерью, слабохарактерной женщиной, сумевшей влюбиться в Джека Хадли. Что касается Грир, то, по ее мнению, замужество с человеком,

которого она считала своим настоящим отцом — единственный за всю жизнь достойный поступок матери.

Грир на нее не похожа. Она сильнее и определенно выйдет замуж. Непременно станет достойной леди.

— Спойте для нас, — распорядилась герцогиня.

— О, на самом деле я не очень...

— Довольно, к чему такая скромность, мисс Хадли? — герцогиня начала выказывать недовольство.

Грир поняла, что проиграла и вздохнула:

— Ну, хорошо.

Поднявшись, она подошла к фортепьяно, напомнила себе, что у нее неплохой голос и стыдно ей не будет. Да и вряд ли кто-нибудь здесь сможет понять слова. Все же они на валлийском.

Грир запела и втайне порадовалась, что в комнате полной аристократов исполняет пошлую песенку о пышногрудой доярке.

Во время всей песни, пока слова зарождались в груди и вырывались наружу, чтобы скорбно повиснуть в воздухе гостиной, принц внимательно наблюдал за мисс Хадли непроницаемым взглядом янтарных глаз. Грир же старалась не глядеть на него или хотя бы обводить взглядом всю комнату, но это оказалось сложно, когда он смотрел на нее так, словно понимал каждое слово. Словно мог заглянуть в нее и прочесть мысли.

Когда Грир умолкла, на мгновение в комнате воцарилась тишина, после которой последовали аплодисменты.

— Что это был за язык? Гэльский? — громко спросила Персия, чтобы ее услышали за аплодисментами, когда Грир шла обратно на свое место.

— Валлийский, — ответила она.

— Надо же, какой он... грубый.

— Просто захватывающе! — воскликнула Клео. — У меня до сих пор мурашки бегут.

— Вы очаровательно пели, мисс Хадли, с таким чувством, — сказал виконт. — Расскажите нам, о чем эта песня.

Некоторые в гостиной поддержали просьбу виконта. Но не Персия. Щеки ее вспыхнули от прозвучавшей из его уст похвалы.

— Ах, я уверена, что это была баллада о любви, — настойчиво заявила Клео.

— Безусловно, — солгала Грир, опустив взгляд. — Любовная песня.

— Как оригинально, — вставила Персия натянуто. — Песни простолюдинов всегда такие завораживающие. Спасибо вам за доставленное удовольствие. Такие баллады мы слышим не каждый день.

Грир покраснела. Тонко завуалированное оскорбление Персии достигло своей цели.

А возможно и не такое уж завуалированное. После замечания Персии в гостиной повисло тяжелое молчание. Никто, за исключением самой Персии, не смотрел на Грир. Лорда Толливера, казалось, внезапно очаровал узор на ковре. Смысл сказанного был ясен: Грир — простолюдинка.

— Вы были великолепны, мисс Хадли, — низкий глубокий голос разорвал густую тишину.

Взор Грир устремился к его обладателю и остановился на мужчине возле камина.

Взгляды всех присутствующих обратились к обычно безучастному принцу. Все

установились на него, явно удивленные тем, что он высказал столь высокую похвалу ее исполнению. Безусловно, больше всех удивилась сама Грир.

Севастьян действительно так думает? Выражение, мелькнувшее на его лице, едва заметно говорило, что ей удалось произвести на него впечатление. А если бы ее пение не тронуло принца, зачем бы он тогда заговорил? Трудно представить, что он мог пожелать избавить Грир от насмешательств Персии. Почему его должно заботить, как другие о ней отзываются?

Лицо принца по-прежнему казалось высеченным из камня: широкий жесткий подбородок, словно вышедший из-под резца каменотеса, и лишь глаза лучились мягким светом.

— Ваше выступление для меня было самым ярким событием вечера, — добавил Севастьян, резко кивнув головой.

По коже Грир побежали мурашки, а тяжесть в груди ослабла.

Захотелось улыбнуться, но она сдержалась.

— Благодарю вас.

— Полностью согласен! — воскликнул Джек. — Я же говорил вам, что она прекрасно поет.

— В самом деле, баллада просто восхитительная. Похожие песни пела мне няня, когда я была еще девочкой. Она тоже была из Уэльса. — Герцогиня начала подниматься, и виконт поспешил ей помочь. — Вы мне о ней напомнили.

Тревога забила в животе Грир. Ведь герцогиня же не поняла смысл песни, нет?

— И, подобно моей милой няне, вы почти убаюкали меня. — Она остановилась перед Грир и сонно улыбнулась. — Благодарю вас за прекрасное завершение вечера, — добавила герцогиня и нежно прикоснулась к щеке Грир.

Когда хозяйка дома удалилась, остальные гости тоже начали подниматься.

Принц покинул залу, не сказав ни слова и не взглянув на Грир, которая смотрела на его удаляющуюся широкую спину и все спрашивала себя: почему он все-таки выступил в ее защиту?

Джек Хадли, герцог и лорд Толливер направились в библиотеку сыграть партию в карты.

— Вот она, моя девочка. — Джек одобрительно сжал плечо дочери, когда проходил мимо.

Грир должно было быть все равно, но от простого жеста она почувствовала приятное тепло удовольствия. Словно Джек действительно заботился о ней, как отец заботиться о своих детях.

Персия одарила ее уничижающим взглядом и умчалась из комнаты, несомненно, расстроенная тем, что Грир не провалилась сегодня с треском. И все благодаря принцу Севастьяну.

Мариэль взяла маркиза под локоть и повела его из гостиной. Проходя мимо Грир, он щелкнул коленями, однако на этом не остановился и обвел ее глазами, полными похотливого блеска. Грир с содроганием оторвала свой взгляд от лорда Квиббли.

— Ты идешь? — позвала Клео.

Грир кивнула.

Клео взяла ее под руку и усмехнулась:

— Ты замечательно спела. Даже принц так сказал.

— Да, сказал. Как думаешь, почему?

— Потому что ты изумительная. Это же очевидно.

Грив одала сестру полным сомнения взглядом.

— Он не производит на меня впечатления человека, который будет хвалить кого-то за весьма скромные достижения.

Клео сжала ее руку:

— Может быть, ты ему понравилась.

— Вряд ли, — фыркнула Грив.

— Ну и какая разница? Вечер прошел весьма удачно. Лорд Толливер определенно смотрел на тебя с одобрением.

— Пожалуй, — пробормотала Грив.

И все благодаря принцу. Из-за него она теперь будет ломать голову до поздней ночи.

Грир не могла уснуть. За окном уныло завывал ветер — идеальная колыбельная, способная убаюкать любого. И только Грир лежала без сна и могла думать лишь о низком голосе принца и его словах «Вы были великолепны, мисс Хадли».

Лицо вспыхнуло жаром. Бросив попытки уснуть, она откинула одеяло, надела халат и затянула на талии пояс. Грир проходила по пустым коридорам; ночью в доме было тихо, как на кладбище.

Она остановилась у дверей библиотеки и прислушалась, желая убедиться, что джентльмены уже закончили играть в карты и удалились ко сну. До нее не доносилось ни звука, и Грир вошла в безмолвную комнату взять что-нибудь почитать. В камине все еще ярко пылал огонь. Полено прогорело, послышался треск, и полетели искры. Должно быть, игроки разошлись совсем недавно.

Огонь манил своим теплом, и Грир подошла к камину поближе. Она вытянула вперед руки и вздохнула от удовольствия, чувствуя, как ладони согреваются.

— Осторожно. Вы встали слишком близко.

Грир вскрикнула и подскочила, прижимая руку к бешено колотящемуся сердцу.

Прямо позади нее на кушетке полусидел-полулежал принц. Он развалился в непринужденной позе, вытянув скрещенные ноги, и выглядел таким... привлекательным, вовсе не похожим на себя прежнего: вечно натянутого и напряженного.

— Я не видела вас, — сдавленно проговорила Грир. На шее бешено забились жилки.

Севастьян собрал бумаги, лежащие у него на груди. Другая часть документов была разбросана на маленьком столике розового дерева справа от кушетки. А несколько валялись рядом на ковре. Очевидно, Грир прервала чтение принца.

Она никогда не видела его таким. Сейчас он сидел без пиджака и шейного платка. Во рту у Грир пересохло от вида гладкой плоти, проглядывающей из ослабленного ворота рубашки. Севастьян выглядел как обычный человек, невероятно привлекательный мужчина, который внезапно перестал быть таким недостижимым.

— 3-3-здравствуйте, — добавила Грир, глупо себя чувствуя и не зная, что сказать. С губ слетел неровный вздох.

— Здравствуйте, — ответил принц низким густым голосом.

Севастьян убрал бумаги с груди и положил их на столик.

— Вы пришли спеть для меня, мисс Хадли? Может быть, желаете удостоить меня сольным выступлением?

Непонятно отчего, но у Грир все задрожало внутри. Услышав вопрос, она осознала, что они совсем одни в комнате.

— Нет. Я хотела выбрать книгу для чтения. А чем заняты вы?

Он указал на бумаги:

— Просматриваю письма из дома.

Она подошла ближе, придерживая распахивающийся подол negligee.

— Так много?

Принц провел рукой по волосам, отчего иссиня-черные пряди пришли в полный беспорядок.

— Я получаю столько писем каждую неделю. И завтра проведу добрую половину дня,

отвечая на них.

Грир удивленно вскинула бровь:

— В самом деле?

— Мой дед нездоров, и потому многие дела требуют моего внимания. Я слишком задержался здесь.

На краткий миг лицо принца сделалось расстроенным, но тут же маска спокойствия заняла свое обычное место.

Грир задумчиво нахмурилась, она увидела Севастьяна в новом свете. Очевидно, жизнь наследника престола не состояла лишь из праздности и наслаждений, как она полагала.

— Не буду более отвлекать вас. — Грир обняла себя, вдруг почувствовав холод. —
Доброй ночи.

Она успела отойти лишь на шаг, прежде чем Севастьян остановил ее:

— Прощу вас, останьтесь. Вы же пришли за книгой, так выбирайте.

Он указал рукой на множество томов, выстроившихся на полках.

— Хорошо, благодарю вас.

Грир повернулась к полкам, склонила голову на бок и попыталась сосредоточиться на названиях на корешках. Однако в голове вертелись лишь мысли о принце, сидящем в нескольких шагах от нее, о том, что на ней надет только халат, о том, каким привлекательным, расслабленным и приземленным он сейчас выглядит.

И о том, что они сейчас совсем одни.

Наконец она схватила с полки книгу и развернулась, готовая убежать в тихую гавань своей спальни.

— Что вы нашли?

Грир моргнула и остановилась.

— Что?

— Книга. Какую вы выбрали?

— М-м. — Грир посмотрела на книгу, повертела ее в руках, чтобы прочесть название. Внутри все опустилось, когда она прочла: — «Полный справочник по скотоводству».

Принц фыркнул.

Лицо Грир вспыхнуло.

— Звучит захватывающе, — пробормотал Севастьян. — От такой книги невозможно оторваться. Когда закончите, непременно дайте и мне почитать.

Грир не сразу поняла, что он подшучивает над ней. Уголок его губ был приподнят. Он действительно может шутить?

Она подавила смешок и похлопала по толстому тому:

— Ничто так не помогает уснуть, как чтение о животноводстве.

— У вас проблемы со сном, мисс Хадли?

Вопрос привел ее в замешательство.

— Ветер... — запинаясь начала она и указала на окно, — сегодня очень сильный.

Уж лучше такое объяснение, чем правда. Вовсе ни к чему признаваться Севастьяну, что мысли о нем не давали уснуть.

Прежде, чем успела осознать, что делает, Грир услышала свой голос:

— Вам действительно понравилось, как я пела?

Принц вскинул голову и посмотрел на нее.

— Напрашиваетесь на комплементы? Я ведь уже дал вам свою оценку.

— Да, но вы так сказали потому, что вам стало жаль меня или действительно посчитали, что я хорошо выступила?

Принц улыбнулся ее вопросу.

— Возможно... и то и другое.

— Хм-м, — неуверенно пробормотала она, не зная, как понимать его ответ. — Что ж, спокойной вам ночи.

— Песня, что вы пели, — снова остановил ее Севастьян, — о чем она?

Грир улыбнулась. И, не успев как следует обдумать, разумна ли такая честность, призналась:

— Это была история о пышногрудой дюрке с... так сказать, большим аппетитом.

На этот раз принц искренне рассмеялся. Грир переполнили чувства от того, что ей удалось его рассмешить.

— Маленькая нахалка. Полагаю, мне не следует так уж забавляться над тем, что вы развлекали нас пошлой песенкой.

— Нет, не следует, — поддержала она. — Мне не часто случается развлекать представителей высшего света непристойными песнями. Особенно принцев.

Грир тут же пожалела о своих словах, хоть и старалась произнести их игриво. Смех Севастьяна затих, и перед ней предстал прежний невозмутимый наследник престола.

Он снова посмотрел на грудку бумаг, словно те напоминали ему о том, кто он и кто она.

— Доброй ночи, мисс Хадли. У меня еще много дел.

Грир поняла, что может идти, коротко поклонилась и прошла мимо кушетки.

Позже Грир забралась в постель, открыла книгу и принялась читать, сомневаясь, что вообще сможет сегодня уснуть.

Следующим вечером после ужина дамы удалились в гостиную, а джентльмены расположились за сигарами и бренди в библиотеке.

Персия, посчитавшая своим долгом воротить нос от Грир с Клео, собрала леди Либби и Мариэль возле себя и повела их на кушетку у камина.

Клео зашептала сестре на ухо:

— Говорят, что леди Либби наследница огромного состояния, почти такого же большого, как у нас.

Грир изогнула бровь и присмотрелась к прекрасной молодой женщине. В свете огня ее локоны отливали изумительным золотым цветом. Ей бы не составило никакого труда получить предложение даже без состояния. Титул и красота уже обеспечат ей хорошую партию.

— Не сомневаюсь.

— И все же с нашим не сравнится. По крайней мере, так я слышала. Она тут не ради виконта.

— Нет? Ради герцога, что ли?

— Ну, возможно. Представляю, как он, должно быть, хочет добиться ее руки. — Клео снова наклонилась и, понизив голос, добавила: — Она заготовила свой крючок для рыбки покрупнее. Говорят, принц уже побеседовал с ее отцом. Они просидели в библиотеке большую часть вечера. Только вдвоем.

Сердце Грир ухнуло куда-то в живот. Она прерывисто вздохнула и поднялась на ноги, не понимая, почему ее должны задевать подобные новости. Неужели она думает, что несколько взглядов и напыщенных слов от его высочества означали, что он на самом деле мог заинтересоваться ею как кандидаткой в невесты? Он уже дал понять, что она годится лишь для развлечения. А вот леди Либби будет для него идеальной парой. Именно за такой невестой принц и отправился в Англию. У нее есть все: богатство, образование, молодость и знатное происхождение.

Грир подошла к вдове и пролепетала:

— Боюсь, я все еще не оправилась от утомительной поездки, ваша милость.

— Конечно-конечно, — закудаhtала хозяйка. — Если верить вашему батюшке, путешествие на север было настоящим испытанием. Не удивительно, что вы так устали.

— Я останусь еще ненадолго, — сказала Клео, опускаясь на софу рядом с вдовой.

Грир пробормотала всем пожелание спокойной ночи, подобрала юбки и покинула комнату. Поднимаясь по ступенькам, она поглаживала пальцами шелк насыщенного зеленого цвета. Модистка настаивала, чтобы Грир носила глубокие, сочные краски — эти смелые цвета подчеркивали тон ее кожи. Но сегодня вечером среди остальных молодых леди в нарядах светлых и пастельных оттенков она чувствовала себя не в своей тарелке.

Все словно кричало о том, что Грир иная. Стареющая охотница за женихом, обладательница прискорбно загорелой кожи и ужасных темно-рыжих волос, которые едва

удерживались шпильками. Она презирала это чувство собственной... никчемности. Прежде Грир никогда не думала, что с ней что-то не так, и не обращала внимания на язвительные замечания соседней в свой адрес.

Она искренне нравилась себе и не хотела меняться. Даже замужество ничего не изменит: она останется собой. Найдет джентльмена, не возражающего против женитьбы на женщине, обходящей стороной вышивку и акварели.

Принц таким человеком никогда не будет.

Грир замедлила шаги, когда приблизилась к кабинету. Из приоткрытых дверей грохотал мужской смех, и она не смогла удержаться и одним глазком заглянула в святая святых мужчин.

Говоря себе, что это обычное любопытство и что она не ищет никого конкретно, Грир прошла взглядом по полудюжине собравшихся господ, расположившихся в задымленной комнате. Принц стоял около камина. Несмотря на свой угрюмый, не улыбкающий характер, он казался расслабленным, и в мужском обществе как будто даже и не скучал.

Скрипучий голос отца невозможно было не узнать. Грир поискала его взглядом и нашла в тот самый миг, когда и он заметил ее. Она отпрянула и поспешила по коридору, но не успела далеко уйти, как услышала свое имя.

Глубоко вздохнув, она повернулась к Джеку.

Он подошел и, трясаясь от злости, заговорил:

— Грир? Ты что творишь? Куда собралась? Почему ты не с остальными дамами?

— Я устала, — тяжело вздохнула она.

Глаза Джека зажглись недобрый огоньком.

— Устала? Сможешь поспать позже. Ты согласилась...

— Да, — прервала она. — Ни к чему напоминать мне. Я должна охмурить внука вдовы или любого другого достойного джентльмена, — сказала Грир вялым голосом, по которому было ясно, что ей действительно стало нехорошо. — Я могу и завтра этим заняться. В любом случае джентльменов до утра я уже не увижу. В гостиной остались одни лишь дамы.

Джек дико жестикулировал.

— Ты должна быть там с Клео и втираться в доверие к вдове. Суметь так ее обаять, чтобы она подтолкнула своего внука сделать предложение!

— Не беспокойся, — отчеканила Грир, чувствуя, как лицо заливают румянец. — Получу я предложение. Какой-нибудь милый лорд, отчаянно нуждающийся в средствах, не откажется от приданого, что ты сулишь. Кто я, что я или как себя веду особо не будет его волновать. В противном случае нас и к воротам бы не подпустили.

Джек потер руки от волнения, не замечая ее горького тона.

— Как же замечательно! Мы в самом деле на загородном приеме с наследным принцем Малдании! Никогда не думал, что настанет такой день. — Отец окинул Грир оценивающим взглядом. — Покажи свои лучшие качества. Таким важным индюкам одного жирного приданого будет мало. Прибегни к своим женским хитростям. Ты же дочь своей матери. В умении соблазнять у тебя должны быть кое-какие навыки.

На лице Грир снова вспыхнул румянец. Слова Джека не должны были ранить ее — слишком толстой стала шкура, — однако ранили.

— Не говори о моей матери.

Он пожал плечами:

— Имею право. В конце концов, мы же с ней были...

— Еще одно слово на эту тему, и я уйду.

Об отношениях матери с Джеком Хадли Грир почти ничего не знала и предпочла бы, чтобы так и оставалось. Достаточно было того, что они зачали ее. Она хотела бы придерживаться версии папы и верить его рассказам о матери, а не выслушивать грязные истории Джека.

Джек выпятил грудь и одернул жилет.

— Тебе пора свыкнуться с этой мыслью, если на самом деле хочешь заполучить стоящего жениха.

— И получу!

— Тогда будь ответственнее и прекрати так упираться. — Отец оглядел Грир сверху вниз. — Помимо моего состояния, преимуществ у тебя не так много.

— Как и у тебя, — парировала она. — Ты ешь суп, как свинья в корыте.

Какое-то мгновение казалось, что Джек ее разорвет, но затем его обветренное лицо расколола ухмылка.

— Да, у меня немало недостатков. Быть может, как раз в них и проявляется наше родство. Сами по себе мы неполноценные. — Не говоря больше ни слова, он развернулся и оставил дочь стоять в коридоре.

Неполноценная. Слово валуном упало в душу. Да, возможно, именно так принц и смотрит на нее. В эту минуту Грир хотела никогда не встречать своего отца. Никогда не узнавать, какой он. Неведение, с которым она жила большую часть жизни, было во много раз лучше действительности.

Но тут перед мысленным взором предстал Тревис, и Грир поняла, что она сейчас тут, потому что ей пришлось уехать. В Уэльсе для нее больше ничего не осталось. После всего она не могла продолжать работать у Тревиса распорядителем игр.

Теперь Грир взяла судьбу в свои руки.

Повернувшись, она побежала по коридору подальше от отца, подальше от библиотеки и низких мужских голосов.

Она сама выкует свою судьбу, как и когда захочет. А не потому, что от нее чего-то требовал Джек Хадли.

Сев вышел из тени, задумчиво глядя вслед убегающей по коридору мисс Хадли. Его возмутило, что ее отец вел себя так грязно и грубо, словно самый низший торговец рыбой. И все же мисс Хадли бесстрашно вела себя с ним. Даже достойно. Царственно, будто королева.

Севастьян вздрогнул и потряс головой, отгоняя последнюю мысль. Он видал королев. Знал несколько, включая собственную мать и бабушку. Мисс Грир Хадли не имела с ними ничего общего. Не было в ней ни капли утонченности и изящности. Она никогда не будет почтительно относиться к своему мужу. Никогда не будет разговаривать неторопливо и с нежными интонациями, очаровывая слушателей.

Севастьян продолжит свои поиски, пока не найдет такую женщину. Он обещал дедушке. Будет искать, пока не преуспеет и не найдет подходящую девушку, будущую королеву Малдании. Вот главная забота: кто станет будущей королевой. Искать же ту, с которой он захочет связать свое тело и душу перед Богом, принц и позволить себе не мог. Он сомневался, что последняя вообще существует.

Даже осознавая эту истину, веря в нее всеми фибрами души, Сев обнаружил, что вышел из затененного угла прочь от библиотеки, полной мужчин, ищущих его общества.

И твердым решительным шагом направился вслед за мисс Хадли.

Вскоре после бегства от отца Грир поняла, что потерялась в бесконечном лабиринте коридоров. С рассеянной от пережитых негодований головой, она особо не запомнила, который проход вел в ее спальню.

Закусив губу, Грир рассматривала каждую дверь. Кажется, ее спальня находится в конце коридора по правую сторону. Да, точно. Выбрав дверь, которая показалась знакомой, Грир приоткрыла ее и заглянула внутрь.

Ошиблась. Это не ее спальня.

Вообще-то это даже не жилая комната. На вошедшую гостью смотрело несколько инструментов, расположенных между мебелью с выцветшей и потертой тканью.

Лунный свет заливал комнату, пробиваясь между раздвинутых штор. Грир ступила под жемчужные лучи. Шаги заглушал ковер. В комнате висела благоговейная тишина, словно позабытые инструменты жили в ожидании того, что придет Грир и сотворит с ними музыку. Словно они много лет ждали кого-то, кто снова позаботится о них.

Задумчивая улыбка тронула губы. Грир двинулась вглубь обездоленной комнаты, позволив пальцам пробежаться по струнам прекрасной арфы. Почти в каждой семье в Уэльсе была арфа. А папа обожал музыку. Он часами сидел у камина и играл для своей приемной дочки на арфе или волынке.

Улыбка дрогнула, когда нахлынули мысли о папе. Грир скучала по нему. Особенно в такие вечера — когда сталкивалась с Джеком Хадли и вопиющей действительностью, напоминающей о том, что Джек никогда не будет для нее таким отцом. Заботливым и ласковым. Настоящего папу она потеряла и никогда не обретет снова.

В горле образовался ком от понимания, что такая безусловная любовь больше никогда не встретится. Грир изо всех сил пыталась проглотить комок, но безуспешно.

Не поднимая инструмент, она с прикрытыми из-за всплеска чувств глазами сыграла пару аккордов на арфе.

«Папа, если бы ты по-прежнему был здесь, со мной ничего бы не случилось. Я была бы в безопасности дома с тобой и не искала бы так отчаянно признания и респектабельности, поскольку любовь, которую ты дарил мне, всегда значила много больше. Я все могла выдержать, когда у меня был ты».

Грир не могла прогнать грустные мысли. И пусть сейчас уже бесполезно о чем-то жалеть и чего-то хотеть, она позволила себе минуту слабости. Пока. Завтра она снова будет сильной и забудет, что в глубине души жаждала чего-то столь эфемерного, как любовь.

За спиной раздались шаги. Грир обернулась, ожидая, что это Джек вернулся, чтобы снова критиковать ее.

Однако увидела вовсе не Джека. Нет, хуже.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Она втянула в себя воздух и заморгала от жжения в глазах, надеясь, что посетитель не заметит, насколько трудно ей сдержать слезы.

— Что вы делаете? — требовательно спросила она. — Следите за мной? Вам больше не

о ком волноваться? — Грир сморгнула, пытаясь избавиться от рези в глазах. — Никто больше не добивается вашего внимания? Вы же чертов принц, в конце концов. Вас не должны застать за разговором со мной.

Принц ничего не отвечал, только смотрел.

В груди все сжалось, когда Грир взглянула на его лицо: черты были до боли прекрасными во мраке комнаты, даже с таким привычным напряженным и задумчивым выражением.

Она резко рассмеялась и покачала головой:

— Чего вы хотите?

Принц лишь продолжал смотреть.

Грир взирала на него, отчаянно недоумевая, отчего он не говорит... почему он вообще здесь. А если пришел, чтобы оскорбить ее другим непристойным предложением? Полезное напоминание о том, что Севастьян считал ее женщиной, для которой уединение с мужчиной — дело привычное. Или он пришел снова смущать ее своими добрыми взглядами — как в тот раз, когда похвалил ее пение?

Принц достал из своего черного жилета носовой платок и уверенно протянул Грир. Она с обидой уставилась на белоснежный лоскут.

— Это еще что?

— Кажется... что-то блеснуло в ваших глазах, — невнятно пояснил Севастьян, словно ему неудобно было указывать, что он заметил ее близкое к слезам состояние.

— Вам показалось, — отрезала Грир.

Но, тем не менее, выхватила ткань из его рук, стараясь не задеть его пальцев. Потом отвернулась и приложила платок к глазам.

Спустя минуту она глянула через плечо, напряженно ожидая и боясь, что принц станет расспрашивать, из-за чего она так расстроилась. Изливать его высочеству свою душу сейчас хотелось меньше всего на свете. Тем более, ему наверняка будет все равно.

Грир опустила взгляд на мягкий лоскуток в своих руках и снова с любопытством посмотрела на Севастьяна. Что ж, возможно, ему и не все равно. Все же он любезно протянул ей платок. И такой поступок не сочетался со сложившимся о принце мнением.

Нахмурившись, Грир направилась обратно к дверям.

— Много людей с удовольствием валялись бы у ваших ног. Вы впустую тратите свою высочайшую компанию на меня, — сказала она и протянула ему платок.

Взяв его, Севастьян пожал плечами и лениво ответил:

— Остается только терпеть их подхалимство.

От такого тона Грир сжала зубы.

— Так что, вы ищете кого-то, кто не станет перед вами лебезить? Вот зачем преследуете меня? Хотите общаться с кем-то, кто осмелится осуждать ваш нрав?

— И какой же у меня нрав?

В золотистых кошачьих глазах Севастьяна плясало нечто опасное сродни веселью, когда он встал перед Грир. Близко. Чертовски близко.

— Просветите меня.

До Грир донесся его запах. Ни от кого другого так не пахло. Не то чтобы она принюхивалась к мужчинам, но к некоторым стояла довольно близко. Принц пах чистотой, свежестью и... и мужественностью. А это что за аромат? Слабый запах бренди дразнил ее нос. Разве может принц так пахнуть?

Грир сглотнула, внезапно потеряв способность говорить. Такая близость пугала. Язык совсем не слушался, когда она пыталась произнести слова.

— Ну-ка, вы утверждаете, что обладаете достаточной смелостью, чтобы осуждать меня?

Севастьян сверху вниз окинул ее взглядом. Соблазнительный тягучий акцент прошелся нежным бархатом по коже Грир. А голос действовал словно афродизиак, перед которым невозможно устоять. Грир поспешно отступила на шаг. Нужно держаться подальше, иначе она будет такой, какой принц ее и считал: вообще не леди, а распутной девкой.

— Именно! Вы грубиян... и сноб! — парировала Грир и воинственно задрала подбородок. Не такая уж простая задача, когда собеседник так возвышается над ней. — И я не выставляю себя душой перед вами только потому, что вы родились с золотой ложкой во рту!

Быть может, суждения Грир и несправедливы, но Севастьян оказался прекрасной мишенью для выплескивания ярости и отчаяния, затопивших ее, когда она ступила в эту комнату. Он никогда не ведал, что значит быть потерянным и одиноким... или отвергнутым из-за обстоятельств рождения. Наоборот, ему происхождение давало огромные преимущества.

— Почему, мисс Хадли? Почему вы так категорично не хотите выказывать мне должного почтения, подобно другим? — переспросил Севастьян.

От неотрывного зоркого взгляда Грир стало не по себе.

— Не считая гнусностей обо мне, которые я подслушала в нашу первую встречу?

Напоминать о непристойном предложении почему-то не хотелось. Когда они вдвоем в пустой комнате, куда вряд ли кто войдет... поднимать такую тему казалось плохой идеей. Словно она нарочно хотела ему напомнить, что он в тот раз счел ее привлекательной, и взять его руки в свои...

— Почему вы приняли мои слова так близко к сердцу? Вы ведь и есть незаконнорожденная. Дочь человека с весьма сомнительной репутацией. — Даже когда Сев говорил, выражение его лица оставалось холодным и бесстрастным... словно его ничуть не задевали оскорбления. — Сама судьба против, вы совершенно не подходите.

— Ну а вы? — не сумев скрыть душившую ее злость, бросила Грир в ответ. Она глубоко вздохнула, отчего грудь заметно поднялась и опустилась. — Вы всего лишь нищий принц страны, утонувшей в долгах!

Снисходительное выражение лица у Севастьяна как ветром сдуло. В глазах появилась сталь, но Грир уже закусила удила.

— О, в самом деле! Я слышала, что о вас говорят. Сплетни текут в обоих направлениях. Как до вас дошли слухи обо мне, так и я слышала шепотки о вас. Ваши гордость и высокомерие ничуть не оправдывают отчаянного положения, но вы продолжаете строить из себя надменного принца...

— Я принц — со всеми обязанностями и ответственностью, которые прилагаются к титулу, — возразил он. — Я ничего не строю, мисс Хадли.

Натянutosть его формального обращения должна была подготовить ее к неожиданной смене его настроения, но все равно она не смогла держать язык за зубами.

Внезапно Севастьян стал причиной всего происходящего, всех несправедливостей ее мира.

— Принц затерянного королевства, — выпалила она. И даже понимая, что следующие ее слова жестоко ранят, все же продолжила, ведь он тоже не был особо добр к ней. — Я

знаю, что вы угробили половину мужчин в стране из-за своей войны.

Он изменился в лице. Каменная маска дала трещину, и Грир поняла, что зашла слишком далеко.

Принц схватил ее за руку и дернул на себя, их лица оказались слишком близко.

— Эта война никогда не была моей. Не я развязал ее. Я и до мужчины-то не дорос, когда она началась, но мне пришлось столкнуться с суровой действительностью. Я, безусловно, не желал стольких жертв, но в итоге положил конец раздору. Берегитесь, вы говорите о том, в чем ничего не смыслите, — прошипел Севастьян.

Грир опустила взгляд туда, где он обхватил ее руку.

— Может, в вашей стране дамы находят очаровательной первобытную грубость, возможно, даже восхитительная леди Либби будет наслаждаться подобным обращением. Почему бы вам не убрать руки от меня и не поискать ее?

Он ничего не ответил. Лишь смотрел, не ослабляя крепкой хватки.

Грудь поднималась и опускалась от глубоких вдохов, когда Грир прерывисто задыхалась. Она не могла вспомнить, чтобы прежде так же сильно злилась. Однако нужно признать, что злилась она не только из-за принца. Грир просто разочаровалась, когда поняла, насколько жалок весь этот спектакль с поиском мужа... единственного мужчины, который, если ей вдруг повезет, захочет на ней жениться... Затея, которая вначале вызывала надежду, теперь стала довольно неприятной задачей.

Грир потрясла головой. Просто вечер тянется слишком долго. И удержать себя в руках становится все труднее.

Она посмотрела на руку Севастьяна на своем плече. Он проследил за ее взглядом и, снова обратив взор на лицо Грир, сказал:

— Возможно, леди Либби из тех дам, что не будут возводить напраслину на человека, которого не знают.

— Возможно, — ответила Грир, но убеждать его, что она более благовоспитанна, чем элегантная леди Либби, не собиралась. Облаченная в шелк и атлас, Грир чувствовала себя в гостиной вдовы так же неуместно, как слон на светском приеме.

Секунды тянулись бесконечно, а спорщики все неотрывно пожирали друг друга глазами. Грир даже показалось, что слышит шум крови в ушах.

Так остро ощущалась ладонь принца, отпечаток каждого пальца на руке. Осознание близости, лишаящая спокойствия интимность ситуации обрушились на Грир. Она обвела взглядом пустую музыкальную комнату с одинокими инструментами.

И тут словно пробудилась, ожила. Каждой частичкой своего тела.

Грир уже очень давно не чувствовала в себе столько жизни.

Взгляд соскользнул на прекрасно очерченные губы Сева. Само искушение во плоти. Мужские губы не должны выглядеть так красиво. Сейчас принц Севастьян пленял Грир так же, как принцы из сказок, что она любила в девичестве. На мгновение она позволила себе забыть, что как раз этот принц лишен героических качеств, сопутствующих подобной наружности, и считает ее неподходящей только потому, что никто из знатных не хотел с ней якшаться.

Глубоко вздохнув, Грир позволила себе забыть о его суждениях. Позволила себе выйти из оцепенения и шагнуть в жизнь.

Прежде чем здравый смысл вернулся, прежде чем успела подумать достаточно, чтобы остановиться, Грир приподнялась на цыпочки и обвила рукой шею Севастьяна, наслаждаясь

ощущением шелковистых волос под пальцами.

Вот оно. Мгновение сладости жизни перед холодным браком по расчету и вечным одиночеством.

Грир успела увидеть, как расширились глаза принца, прежде чем прижалась к его губам своими. Сердце так отчаянно колотилось, что стало страшно, как бы оно не разорвалось в груди. И наверняка разорвется, если она начнет думать о своих действиях и позволит страху овладеть собой.

Веки затрепетали и опустились — больше Грир ничего не видела.

С закрытыми глазами она только *чувствовала*. Отдалась ощущениям, пробудившемуся в крови желанию.

Грир и раньше целовалась, но то было так давно. В миг же, когда вкусила губы принца, она поняла, что этот поцелуй словно лекарство вывел ее из оцепенения.

Несколько мгновений принц не шевелился, просто замер, и она уже испугалась, что он откажет, оттолкнет ее.

Но тут Севастьян обвил вокруг нее руки и вернул поцелуй, разомкнув ее губы своими. Под таким нажимом Грир открыла рот с небольшим придыханием. Он поймал этот звук и впитал в себя. Она теснее, крепче прижалась к нему, каждой клеточкой стремясь быть ближе.

Дрожь прошла по телу Севастьяна, когда Грир неуверенно попробовала его своим языком, а потом запустила руки ему в волосы, притягивая вниз к себе, в то время как он тянул ее вверх. В ответ Севастьян, повторяя за ней, пустил в ход свой язык, чем вызвал ее стон.

Принц своими большими руками водил по ее спине и крепко, отчаянно прижимал к себе. Когда он обнимал ее, то большим пальцем задел ноющую грудь, и тело Грир словно запылало изнутри.

В поцелуе принца не было ни капли нежности или щегольства. Грир чувствовала, что растворяется в нем. По собственному желанию и под магией искушенных губ. Она глубже запустила пальцы в его волосы и, вцепившись в пряди, наклонила его голову сначала в одну сторону, потом в другую. Она так набросилась на его рот, что больше не узнавала себя — эту незнакомку, утратившую самообладание, берущую, хватающую то, что желала, словно свою собственность. Словно *принц* принадлежал ей.

Сев застонал ей в рот, и Грир затрепетала.

Она наслаждалась лихорадочными движениями его губ на своих, глубоким проникновением языка в свой рот. В объятьях Севастьяна она почувствовала себя желанной, что пробудило в ней ощущение вседозволенности. В ту минуту она и думать не думала, что недостойна всего этого — недостойна принца.

Казалось, такое невозможно, но поцелуй углубился. Они зашатались вместе, цепляясь друг за друга, и остановились, только когда врезались в фортепиано.

Севастьян прикусил ее нижнюю губу, затем втянул саднящую плоть в рот и, словно изголодавшийся, еще теснее прижался губами к Грир.

Но все равно она была недостаточно близко. Ее тело запело, ожило и пробудилось, будто прежде она ничего не чувствовала. Теперь же значение имело только одно: необычное ощущение этой минуты.

Грир хотела погрузиться в опьяняющее тепло, позволить жару проникнуть в свое тело.

Ничто не могло испортить этот миг.

Ничто и никто, кроме Севастьяна.

Когда она прошла губами по его подбородку, целуя колючую кожу, у нее над ухом прогрохотал голос принца:

— Ну и ну, мисс Хадли, я и не подозревал, что за маской приличия скрывается такая чертовка. Может, вы пересмотрели мое предложение?

Грир замерла, осмысливая его слова, вспомнила, где находилась и с кем... кто она и кто он.

Огонь в крови потух. Звонящее оживление в теле сошло на нет, пока снова не осталось ничего, кроме холодной, оцепеневшей оболочки.

Пыла Севастьяна, однако, ничто не умерило. Принц со спины перевел руку на грудь Грир. Такое прикосновение отрезвило ее, и она откликнулась подобно любой благовоспитанной женщине. Как должно любой незамужней леди, не начинавшей страстного поцелуя...

Звон пощечины, которую она ему залепила, разлетелся по всей глухой комнате. Принц отдернул руки.

Грир неловко попятилась, не отрывая от него взгляда, когда он потрогал ноющую щеку.

— Это что было? — возмутился принц.

— Вы... вы... — Давясь словами негодования, она замахала между ними рукой.

— Ответил на ваш поцелуй? — закончил он.

— Нет! — отрицала она. — Вы дотронулись до моей... — Грир сглотнула, не в силах произнести, не в силах признать, что едва не сдалась этому негодю. — Вы дотронулись до меня. *Неприлично.*

— И вы не ожидали ничего подобного, когда *набросились* на меня с поцелуями? Я думал, что это только начало.

— Так что, значит, *я сама* виновата? — взвилась она, а внутренний голос прошептал: «Да, ты. Ты обрушилась на него с поцелуями, как изголодавшаяся по мужчине блудница. Он все верно сказал». Лицо запылало от стыда.

— Едва ли вы стали жертвой моего внимания.

В полумраке комнаты Севастьян пожал плечами.

— Я воспринял ваш порыв, как любой здоровый мужчина, и не ожидал, что мое «прикосновение» не понравится кому-то, кто первый с таким пылом набросился на меня с поцелуем.

Униженная Грир прикрыла глаза. Даже возразить нечем. Она вела себя, как развратница, а потом еще и ударила принца, когда он ответил взаимностью.

Грир открыла было рот, чтобы извиниться. За все: за поцелуй, за пощечину. Больше всего на свете Грир ненавидела признавать свои ошибки. Слабость, что тут скажешь, ведь она знала, что далека от совершенства. Папа не единожды упрекал ее за излишнее упрямство. Да, она слишком упрямая.

Только она упустила возможность произнести эти трудные слова.

Севастьян отступил подальше, словно она была чем-то гадким. Наверное, такой он ее и посчитал: распутной девкой или хуже. Ужасная догадка осенила Грир. А что если он счел ее отчаянной дебютанткой, надеющейся скомпрометировать себя и таким образом поймать принца?

Горячая желчь подступила к горлу. Севастьян ведь мог сложить такое мнение и

заподозрить, что она приготовила ему ловушку. Во рту образовался горький привкус при этой мысли. Дьявол! Грир не знала, куда деть руки, чтобы выглядеть достойно, не знала, как убедить принца, что она вовсе не дикая, темпераментная соблазнительница, а степенная, приличная женщина без всяких намерений относительно его персоны.

Она проследила за его движениями, когда Севастьян вытер широкую ладонь о жакет, словно пожалел, что прикасался к Грир.

— Думаю, пока мы здесь, нам следует избегать друг друга, — заявил он.

Его слова причинили острую боль. Абсурд, конечно. Грир была полностью с ним согласна. Их встречи ни к чему хорошему никогда не приводили. Она не нравилась ему, а он ей — помимо краткого помутнения рассудка пару мгновений назад, когда она бросилась в его объятия. В ту минуту Севастьян стал для нее спасением. Оцепенение дало трещину. И все от одного поцелуя. Грир ухватилась за возможность чувствовать снова, позволить ощущениям затопить себя и просто забыться в объятиях привлекательного мужчины.

Она резко кивнула. Поладить им не удастся. Каждый раз, как они оказывались в одной комнате, летели искры, целый сноп искр. Такое случалось у нее только с принцем.

Грир перестала кивать и наконец обрела голос:

— Не могу не согласиться. Очевидно, вы здесь, чтобы ухаживать за...

— Не за вами, — сердито перебил принц.

— Знаю, — сжав зубы, процедила Грир. — Мне бы и не хотелось, чтобы вы ухаживали за мной, можете не сомневаться.

По взгляду Севастьяна ясно читалось, что он ей не поверил. И она призналась себе, что, вероятно, сама себе тоже не верит. Какая девочка не мечтает стать принцессой? Еще девчонкой-сорванцом Грир каждую ночь перед сном любила помечтать о жизни в замке с конюшней на сотню лошадей.

Она подбоченилась.

— Только то, что я поцеловала вас, не означает, что вы мне *нравитесь*. Вы стали долгожданным развлечением этих малоприятных нескольких дней.

— Развлечением? — Принц скрестил руки на груди, явно недовольный таким определением.

Грир понравился его вид. Приятно для разнообразия задеть принца.

Губы дрогнули, когда она оглядела его с ног до головы — не пропустила ни сантиметра прекрасной мужественной фигуры. Маловероятно, что кто-нибудь прежде называл его высочество развлечением. Вероятно, женщины смотрели на него и видели сияние солнца от его мужественного облика. Грир порадовалась, что сумела пробить брешь в раздутой до небывалых размеров гордости принца.

— Именно. Будьте уверены, что такое больше не повторится. Подобный опыт не совсем то, на что я надеялась, — солгала она, задрав подбородок.

Севастьян оглядел ее своими золотистыми кошачьими глазами, будто не знал, что и думать. Грир, еле сдерживаясь, чтобы не улыбнуться, подумала, что вряд ли принцу приходилось прежде встречаться с женщинами подобными ей.

Сев выпрямился.

— Что ж, счастлив это слышать. Мне бы не хотелось, чтобы вы думали, что случившееся между нами что-либо значит.

— О, я и не думаю, — уверила она как можно небрежнее.

Принц долго смотрел на Грир, пытаясь в тени разглядеть лицо, в то время как она сама

была на взводе, подобно стреле, готовой вот-вот выстрелить из лука. Наконец Севастьян оторвал взгляд, отвернулся и, не оглядываясь, пошел к двери.

Грир подождала несколько минут, стараясь умерить дыхание и вернуть самообладание, прежде чем покинуть комнату. Потом, ступая как можно тише, пошла по коридору к своим покоям. От нее в ночи вытянулась длинная тень.

— Где ты был, старина? — спросил Малкольм.

Сев в один глоток прикончил свой бренди, затем жестом указал ожидающему лакею наполнить бокал и еле слышно выругался при виде своей дрожащей руки.

— Нигде.

— Что ж, в этом «нигде» ты пропадал довольно долго.

Сев пожал плечами.

— Гулял. Прочищал мысли.

— От каких же мыслей тебе понадобилось прочищать голову? Весь мир у твоих ног, бери — не хочу. Ты победил в войне, у тебя на выбор самые богатые наследницы. Жизнь, кузен, во всяком случае, для тебя, прекрасна.

Действительно, нельзя не согласиться с этим утверждением. Впервые за многие годы в Малдании мир. Севастьян выжил, а у его королевства дела шли на лад. Он обязан оставить годы войны, боли, потерь и неопределенности позади. Обязан.

Малкольм глядел на него в ожидании ответа.

— Мне всего лишь нужен был глоток воздуха, — снова расплывчато ответил Сев.

— А-а. — Малкольм улыбнулся, словно внезапно понял. — А этот воздух случайно не оказался в компании некоей леди Либби?

Сев поморщился. Прекрасная леди Либби даже близко не была в его мыслях, что нехорошо, поскольку она возглавляла список предполагаемых невест и стала причиной, по которой он вообще тут оказался. Он уже заручился искренним одобрением ее отца на брак.

Кажется, кузен принял гримасу Севастьяна за вину.

— О, я заметил.

Малкольм замигал в преувеличенной манере, и Сев совершенно уверился, что кузен вообще ничего не *замечал*. Исподтишка поглядев на других джентльменов, Малкольм наклонился и сказал:

— Ну, она привлекательная девушка, тут не поспоришь. Не могу обвинить тебя в том, что ты ускользнул с ней. А ее папенька советовал тебе познакомиться с ней поближе? — добавил он со смешком.

Сев прикончил порцию выпивки.

— Я был не с ней.

Только потом он спохватился, что слишком выделил «с ней».

— Вот как? — Брови Малкольма взметнулись вверх. — Не с ней? А с кем тогда?

Сев лишь хмыкнул и опрокинул очередную порцию бренди. Он не собирался признаваться, что отвлекся на старшую мисс Хадли, иначе Малкольм подумает, будто между ними что-то назревает. Но ни о чем подобном, конечно же, не может быть и речи.

Она, правда, поцеловала его со всей страстью и умением опытной куртизанки, но тот поцелуй ничего не значил. Щека до сих пор горела при воспоминании о том, как Грир Хадли выказала свое мнение об их поцелуе... о *нем*. Севастьяна нельзя отнести к тем, кто гоняется за юбками, и если мисс Хадли не интересна легкая интрижка, так тому и быть. Все

равно ничего привлекательного в ней нет.

Как вообще может возникнуть желание к особе, которая оскорбила его и страну, в борьбе за которую он провел полжизни? Мисс Хадли не принадлежала к типу женщин, которые ему обычно нравились. Слишком дерзкая. Слишком высокая, загорелая до черноты и веснушчатая, словно какая-то батрачка.

Тут в памяти всплыли яркие глаза, обольстительные, сияющие в темноте музыкальной комнаты, с томным взглядом из-под полуопущенных век, и горло вдруг пересохло. Естественно, Севастьян откликнулся на Грир: теплую, готовую на все женщину. Он ведь всего лишь пылкий мужчина. Однако ничего привлекательного в этой мисс Хадли он, конечно же, не нашел. Вообще ничего.

Но, тем не менее, ее образ засел у него в голове, а вкус поцелуя горел на губах.

Под прищуренным взглядом Малкольма Сев поставил недопитый бокал.

— Думаю, мне пора ложиться спать. Хотелось бы встать пораньше для утренней верховой прогулки.

— В такую погоду?

Сев фыркнул, вспомнив о бесконечных ночах в палатке, когда снаружи бушевали ледяные ветра, а далекие пушечные залпы заменяли колыбельную.

— Английская зима не сравнится с зимой в Малдании. Неужто ты забыл?

Взгляд Малкольма затуманился.

— Возможно. Я был мальчишкой, когда нас отправили в изгнание.

Сев кивнул и сжал плечо кузену, жалея, что наступил ему на больной мозоль.

— Ты знаешь, что волен вернуться домой. Дедушка не винит тебя за преступления отца.

— Теперь это неважно. Мать больше ни ногой не ступит на землю Малдании, а я не могу оставить ее здесь. К тому же столько воды утекло. Теперь я англичанин. Слава Всевышнему, они обожают титулы. Может, я и без средств, зато меня часто приглашают в лучшие дома и на праздники. С голоду не умру.

Севастьян похлопал кузена по спине.

— Не сомневаюсь.

— Наверное, женюсь на какой-нибудь наследнице. Мать говорит, что самое время. — Малкольм оценивающим взглядом пробежался по комнате и остановился на Джеке Хадли. — Одна из девчонок Хадли подойдет как нельзя лучше. Да хоть та фурия с веснушками, что пролила на тебя воду. — Он хохотнул. — Спорим, под одеялом она задаст жару. С такой не заскучаешь.

Сев сжал руки в кулаки.

— Не лезь к ней, — приказал он.

Малкольм внимательно посмотрел на кузена.

— Что? Тебе она не пара, но мне вполне подойдет. Может, она с благодарностью воспримет мое расположение. Ведь тут ей пришлось несладко.

— Она моя, — вырвалось у Севастьяна.

Он не ожидал от себя таких слов. Не понимал, как его тянет к ней, пока не произнес их.

И все же, глядя в потрясенное лицо кузена, принц обнаружил, что не сожалеет.

— Твоя?

Следовало бы взять свои слова обратно. Объяснить, что имелось в виду другое.

— Ты меня слышал.

Знание того, что Малкольм — или любой другой — тянет к Грир руки, наполнило Сева

смертельной яростью.

Он не сожалел о сказанном, но все-таки не должен был говорить такое. Не должен чувствовать подобное.

Сдержанно кивнув, Севастьян пожелал спокойной ночи и покинул комнату, пока не сказал еще чего-нибудь лишнего.

Глядя через раздвинутые шторы на занимавшийся туманный рассвет, Грир торопливо натягивала амазонку — модный бархатный ансамбль бордового цвета, отделанный лиловым мехом. На мгновение она остановилась, чтобы посмотреть на отражение в зеркале, и закатила глаза.

Она вспомнила, как жила в маленьком домике под соломенной крышей еще месяц назад, и теперешний ее вид в подобной одежде показался смешным. Нахлынула острая тоска по той скромной обители и простой жизни. Грир поспешно прогнала сентиментальные чувства и напредила себе, почему уехала: в жизни появились непредвиденные сложности.

Бессмысленно скучать по своим брюкам. Они остались там... вместе со всем остальным.

Решительно задрав подбородок, Грир намотала заплетенные в косу волосы вокруг головы и наспех заколола непослушную копну, не переживая, что ветер уничтожит ее усилия. Судя по завываниям за венецианскими окнами, прическа недолго будет аккуратной. Однако такая мелочь Грир не останавливала: слишком уж манила возможность в одиночку проехаться по сельским просторам. Так что не стоит очень уж стараться над прической и тем более звать горничную, чтобы в такой ранний час та позаботилась о ее волосах.

Подумав о том, что предстоит выскользнуть из дома, пока никто не проснулся, Грир грустно усмехнулась: как сильно она отличалась от остальных гостей. Она знала, что аристократы раньше полудня не поднимались.

Перед мысленным взором предстал образ принца под роскошными покрывалами, со спутанными вокруг ног простынями. А ноги у него удивительно мускулистые, она заметила это даже за штанами. Такого она не ожидала от щегольски одетого наследника престола.

Грир съежилась и прогнала слишком часто посещавший ее образ принца. Сегодня она не будет омрачать свои мысли и бросать тень на долгожданную поездку. Достаточно и вчерашних переживаний, доставленных его высочеством.

Поднявшись с изящной табуретки перед туалетным столиком, она тихонько выскользнула из комнаты.

Сев неся на лошади по сельским просторам. Он потерял счет времени. Ветер хлестал по щекам и трепал волосы. Предрассветное небо мягко окрасилось в серый цвет — значит, еще очень рано. Мир вокруг тихо дышал, и принц упивался этими ощущениями.

Он чувствовал себя живым, и это само по себе уже было удивительно, ведь чуть больше года назад он сражался на поле боя, промокший от крови своего брата и уверенный, что падет следующим.

Севастьян прогнал мрачные воспоминания того дня, когда мир круто перевернулся и он, второй по старшинству, перестал быть «про запас», а стал наследником королевства.

Сюда Севастьян приехал ради Грегора, так что смерть брата не была напрасна. И не только ради Грегора, но и ради каждого своего соотечественника, павшего смертью храбрых на поле сражения. Сев в неоплатном долгу перед ними и потому должен перетерпеть и привезти домой невесту, которая поможет вдохнуть жизнь в Малданию. Личные предпочтения не имели значения вообще.

По необъяснимой причине в мыслях возник образ мисс Хадли. Нахмурившись, Сев

пригнулся и прищорил коня. Они с жеребцом гнали, пока не запыхались и не задышали тяжело. Когда скакун взмылился, принц ослабил узду.

На вершине холма он остановил уставшее животное и потрепал его по шее.

— Хороший мальчик, — пробормотал Сев. — Ты даже на таком холоде умудрился вспотеть.

Севастьян расслабился и залюбовался живописным пейзажем. Снег укутал густой лес в долине. Из-за белой вуали выглядывали бледно-зеленые листья и коричневые ветки иссушенных зимой кустиков.

Теперь, после многолетних зимних ночевок в палатке, Сев стал весьма невосприимчив к холоду. В это время года под ослепительно белым одеялом вокруг дворца ничего не было видно. Даже древесную кору с трудом можно было отыскать.

Севастьян задумался о своем деде. В его возрасте тот тяжело переносил непогоду, даже в уютной постели во дворце. Зимой всегда приходилось труднее всего. У него болело все, и с каждым годом становилось все хуже. Старик долго держался, протянул всю войну, но нельзя ожидать, что так будет длиться вечно.

Внук покидал Малданию с намерением принести деду мир. Успокоить, что не только войне конец и страна выздоравливает, но и что род Максими не прервется и следующее поколение займет трон.

Поэтому нужно как можно скорее закрыть вопрос с поиском подходящей невесты. Севастьян надеялся вернуться домой до наступления весны с женой, уже округлившейся будущим наследником.

И все же он не подходил к этому делу с той поспешностью, с какой следовало бы. Сев разочарованно вздохнул, столкнувшись с горькой правдой: он еле плелся. Пришло время вплотную заняться вопросом супружества и как можно скорее его закрыть. Полный решимости принц развернул коня, но помедлил, заметив вдалеке вспышку движения. Он остановился и стал всматриваться вдаль. Лошадь и всадник неслись по холмам, укрытым островками снега.

В первую секунду Севастьян удивился, что кто-то еще поднялся так рано, но затем у него сердце екнуло.

Всадник оказался женщиной. Даже с такого расстояния он узнал гриву медных волос, свободно развевающихся на ветру. Сев не отрывал взгляд от далекой фигуры, бешено несущейся по полю. Он знал, что ни одна другая женщина не потрудится встать в такую рань, чтобы в одиночку прокатиться верхом.

Следующая секунда ему потребовалась для того, чтобы осознать, насколько быстро мисс Хадли скачет. Он ахнул. Видимо, она утратила контроль над животным, поскольку лошадь, на которой она ехала, даже не была приучена для верховых прогулок. Глупая женщина!

Севастьян отодвинул свои претензии к ее интеллекту. Не время рассматривать опрометчивые поступки невоспитанной бабы.

С воплем он вонзил шпоры в бока коня и послал его вниз по склону, большие влажные комки снега и грязи летели из-под копыт.

Проклятье, она скакала слишком быстро! И у нее была внушительная фора. Принц потерял Грир из виду, когда она нырнула в чащу. Он последовал в том направлении и внутренне съезжился, представив, как отдирает мисс Хадли от какого-нибудь древнего дуба и везет ее труп назад к дому. Эта мысль подстегнула Севастьяна, он понесся сломя голову и

вскоре вновь увидел всадницу. Она мелькала между деревьев ярким бордовым пятном.

Волосы трепались на скорости, подобно бешено развевающемуся флагу.

Сев кричал ей, но крик тонул в завываниях ветра. Суровые порывы били в лицо и глаза, размывая силуэт Грир.

От ледяного ветра жгло глаза. Принц быстро заморгал и прижался к шее своего верхового. Подковы жеребца стучали по земле, и влажные брызги снега и грязи летели на бедра, когда Севастьян несся вниз по спуску. Наконец он поравнялся с ней.

Вот тогда-то мисс Хадли и увидела его.

Глаза ее удивленно распахнулись на выразительном лице. В тот миг Сев заметил, как выделились темные веснушки на бледной коже ее носа. Грир открыла рот и прокричала что-то, но за воем ветра и грохотом копыт нельзя было ничего разобрать.

Она крепко сжимала поводья руками в перчатках, и Севастьян быстро догадался, что не сможет вырвать их из ее хватки. Несомненно, мисс Хадли сейчас слишком испугана, чтобы выпустить этот спасательный круг.

Оставался только один выход, хотя и невероятно опасный. Но выбора не оставалось.

Выпустив собственные поводья, Севастьян спрыгнул с коня к мисс Хадли и схватил ее, не забыв обернуть вокруг несчастной руки. Ему удалось перевернуться в воздухе и принять на себя основную часть удара от падения.

Сев сильно ушибся о заснеженную землю. Оглушенный, он лежал, едва отмечая удаляющийся стук копыт, сотрясавший почву.

От резкого удара в плечо Севастьян поднял голову от земли в поисках обидчика — и уставился прямо в пунцовое от ярости лицо мисс Хадли.

— Дьявол! — Она сдула несколько темно-рыжих прядей, болтавшихся перед глазами. — Что с вами? Спятели? Вам нравится сбрасывать женщин с лошади?

Принц таращился, как Грир убрала с лица беспорядочно свисавшие волосы и воззрилась на него сверху вниз, и внезапно ощутил каждый мягкий сантиметр лежащего на нем тела. Во рту вдруг пересохло.

— Вам повезло, что вы не сломали себе шею — *мне* шею! — горячо поправилась она.

Со стоном Севастьян опустил голову назад на землю, не обращая внимания на ледяную влагу. Шляпу он потерял во время бешеной скачки.

— Это такая благодарность за спасение?

— Спасение? От чего?

Мисс Хадли и вправду такая недалекая? Или у нее в голове что-то отшибло при падении?

— Ваша лошадь понесла.

— С чего вы взяли?

Севастьян снова поднял голову, чтобы посмотреть на Грир.

— Я увидел, как вы неуправляемо неслись...

Она с отвращением фыркнула и слезла с него, как с чего-то заразного.

— Только не говорите, что вы настолько отсталый, что прежде никогда не видели женщину верхом на лошади?

Сев приподнялся на локтях.

— Разумеется, я никогда не видел, чтобы женщина ехала в *дамском* седле на такой безрассудной скорости.

Грир самодовольно улыбнулась и подбоченилась.

— Вы еще не видели, как я езжу по-мужски. Смею сказать, что произвела бы на вас впечатление.

Высокомерная девчонка. Севастьян старался не улыбнуться на ее показную враждебность и напомнил себе, что чуть не сломал им шеи из заблуждения, но это было разумное заблуждение.

Улыбка мисс Хадли немного уменьшилась, когда он поднялся и стал возвышаться над ней.

— Вы... ездите с широко расставленными ногами?

Просто неслыханно! Ни одна приличная леди не стала бы делать ничего подобного.

После кивка Грир он надул щеки и выпустил воздух. Неужели нет конца ее удивительно непристойным поступкам?

— Терпеть не могу амазонку — она сковывает движения, — беспечно ответила Грир. — Обычно я езжу по-мужски. В этот раз пришлось уступить, дабы не оскорбить чувства герцогини, — добавила она и покрутилась, демонстрируя приличный вид своей амазонки.

Севастьян осмотрительно старался не заострять внимание на том, как ткань амазонки обтягивает фигуру мисс Хадли. И так, стоило только на миг представить ее в брюках, как кровь в жилах закипела. Сев рассердился. Поскольку уложить ее в постель он не мог, а уж *жениться* тем более — влечение к такой неприемлемой женщине становилось настоящей помехой.

— Да вы в самом деле девчонка-сорванец.

Ее разруганные от ветра щеки покраснели еще больше.

— Потому что обхожу ограничения, наложенные мужчинами на дам из высшего общества? — возмутилась Грир и чуть притопнула ногой, словно для нее это был большой вопрос. — Потому что радуюсь жизни, а не торчу в четырех стенах за просмотром страниц модных журналов и не сижу за пальцами?

С рычанием, которое, по предположению Севастьяна, означало разочарование, она закружилась на месте, разглядывая сельские просторы.

— Адское пекло! Из-за вас наши верховые, вероятно, уже вернулись в конюшню.

— И снова я изо всех сил пытаюсь понять, в чем тут моя вина.

Ни слова больше не сказав и не взглянув на принца, Грир оставила его и широкими уверенными шагами начала удаляться.

Несколько мгновений принц стоял столбом, наблюдая ее отступление. Без сомнения, она самая исключительная женщина из всех, с которыми он когда-либо сталкивался. Она не трепетала перед ним и не сдавалась. Большинство дам глупо хихикали в его присутствии, благоговей либо перед титулом, либо перед внушительной фигурой. Он возвышался над большинством джентльменов с их лилейно-белыми руками и рыхлыми, тучными телами. Годы в строю наделили Севастьяна мускулистым телосложением. Он привык, что вселяет прекрасному полу восторг к себе или, по крайней мере, почтение.

Со вздохом он последовал за этой мегерой и догнал в мгновение ока. Сапоги мягко хрустели по снегу, предупреждая Грир о его присутствии.

Она подозрительно посмотрела на него, когда они зашагали бок о бок:

— Вы действительно думали, что спасаете меня?

Севастьян проворчал:

— Как оказалось, усилие потрачено впустую. Я пришел к выводу, что вы не из тех женщин, которых может понадобиться спасти.

Ее губы дернулись в улыбке.

— Нет, не из тех. Я уже много лет сама по себе.

Принц нахмурился.

— Как это? Вы же не сирота. Ваш отец...

— Едва ли он мне отец, — перебила Грир. — Мы воссоединились лишь недавно. Мать скончалась, когда я была еще крошкой. Я ничего не помню о ней. Меня воспитывал... отчим.

Севастьян почувствовал, с какой печалью она произнесла последние слова, с каким трудом ей далось слово «отчим», и понял, что этот человек был ей настоящим отцом.

— Сочувствую, — прошептал он. — Мне знакома боль от потери дорогого человека. Моего брата забрала война. Он был всем для меня и нашего народа. — Сев сглотнул ком в горле. — Он стал бы во много раз лучшим королем, чем я.

Грир приостановилась и странно посмотрела на Севастьяна, прежде чем возобновить шаги. Потом помотала головой.

— Что? — требовательно спросил Сев и коснулся ее руки, чтобы снова развернуть к себе.

Она повела головой, смахивая спутавшиеся темно-рыжие волосы, и попыталась поймать завитки, которые ветер бросал ей в лицо.

— Не ожидала, что вы скромник, — ответила Грир, убирая прядь с губ.

— О.

Сев расправил плечи. Ледяной ветер хлестал по лицу, но не мог сравниться с необъяснимым холодком, который принц ощутил, услышав, что мисс Хадли считала его каким-то бесчувственным чудовищем.

— Что же, вы не знаете меня по-настоящему.

— Полагаю, так и есть, — согласно кивнула Грир. — Но и вы обо мне ничего не знаете.

Сев не смог удержаться. Он протянул руку и заправил ей за ухо несколько выбившихся прядей, льнувших к обветренной щеке.

— Думаю, что начинаю узнавать.

Мисс Хадли вздернула бровь:

— В самом деле? Несколько минутных встреч, при которых мы постоянно препирались, сблизили нас?

Она скрестила руки перед собой — попыталась воздвигнуть барьеры, предположил Севастьян. Ее голос ослабел, когда она спросила:

— Хотите сказать, что не знали меня, когда назвали «простушкой»? Когда говорили, что я гожусь в содержанки, но не в жены?

Принц вздрогнул.

— С моей стороны это было ужасно.

Грир фыркнула:

— Но вы со мной так и не согласились. Все же мне кажется, это ближе всего к извинениям, которых я когда-нибудь добьюсь от вас. — Невероятно, но ее бровь взлетела еще выше. — Вы сожалеете о том, что я вас подслушала, а не о том, что говорили по-настоящему неприятные слова у меня за спиной. Мне лично. Слово в ваших глазах я не больше смиренной рабыни, недостойной вашей «почетной» компании.

С гневом Грир гордо отвернулась и пошла прочь, сметая подолом снег.

Принц догнал ее в несколько длинных шагов, схватил за руку и развернул кругом.

— Отчего вы так воинственно настроены? Я пытаюсь загладить вину.

Слова изумили его самого. Пытается загладить вину? Перед женщиной, которая должна быть недостойна его внимания?

— Почему? — Она пыталась выкрутить руку, но принц не отпускал. — Почему вас должно волновать...

— Потому что... — Он остановился от звука своего голоса, громкого и резкого. — Потому что, — продолжил Севастьян, уже немного смилив тон, — думаю, вы единственная необыкновенная женщина из всех, кого я знал.

Лицо принца пылало от заявления, словно он вовсе не собирался произносить этих слов.

Грир подозрительно смотрела на него, будто сомневалась, похвалил ли он ее сейчас.

— Необыкновенная?

Правда прозвучала. Севастьян и сам не был уверен, похвала ли это. Он лишь знал, что сказал правду.

— Необыкновенная, — повторил Сев. — И мне должно быть неловко за то, что вы... — он заколебался, подбирая слово, — недолюбливаете меня из-за моего поведения в нашу первую встречу.

Грир увлажнила губы. Он весь напрягся, наблюдая за движением розового язычка.

— Вас волнует, нравитесь вы мне или нет?

Севастьян кивнул, удивляясь, когда же ступил на эту опасную территорию? Он действительно пытался понравиться мисс Хадли. Зачем? Для чего? Хотел, чтобы они подружились? Выглядело неправдоподобно. Прежде он никогда не водил дружбы с женщиной.

— Почему? — прищурилась на него Грир. — Почему вас должно волновать, нравитесь ли вы мне?

Сев сейчас мог думать только об одном: о грозном предупреждении кузену, когда заявил права на мисс Хадли и назвал ее своей.

С этой единственной мыслью, пылающей в голове, Сев склонился к лицу Грир, двигаясь медленно, подобно охотнику, что подкрадывается к добыче.

— Я боюсь, что если не нравлюсь вам сейчас, то уже никогда не сумею понравиться.

Широко распахнув глаза, Грир смотрела, как принц склоняет голову все ниже, и не сомневалась, что спит наяву. Он приблизил свой рот. Дыхание остановилось, когда к ней прижались холодные суховатые губы.

Никакой это не сон.

Грир не шелохнулась, просто замерла от потрясения и страха, что если пошевелится, то обнимет принца за шею и крепче прижмет к себе. Надо что-то делать. Слишком уж многие распускали с ней. И как показал прошлый вечер, самой себе доверять нельзя.

Когда принц отстранился и посмотрел на нее, у Грир сжалось сердце: насколько прекрасно его лицо. Вблизи стало заметно, что кончики его ресниц намного светлее остальных волос.

Сев медленно изогнул губы в обольстительной улыбке, от которой у Грир подкосились ноги.

— Как же я рад, что могу проделывать подобное.

— Можете... что?

Такое чувство, будто голова набита ватой.

— Целовать вас.

Слова текли густым сиропом и были такими же неприлично роскошными.

— О. — Грир заморгала и мечтательно пробормотала: — Да. Целовать. Можете продолжить... еще немного.

— Отлично. Хотя вы должны знать, что получится гораздо лучше, если и вы будете двигать ртом.

Принц снова стал наклоняться, Грир почувствовала на губах его дыхание.

— И раздвинете губы. Хоть немного. Помните?

Грир закрыла глаза, загипнотизированная низким бархатным голосом, легкими касаниями губ, и вздохнула навстречу его дыханию, такому теплomu и сладкому.

С первым неуверенным движением губ мысли пустились вскачь, спутались, и Грир уже не могла вспомнить, почему это неправильно... почему не должна так себя вести. А ведь накануне вечером все понимала.

Мысли выветрились из головы, когда принц углубил поцелуй, и пришлось раскрыть рот шире. Едва Сев пустил в ход свой язык, как Грир задрожала и подняла руки к его плечам. Она сжала твердые мышцы под красивой тканью и сдалась на милость его губ, возвращая поцелуй. Слияние уст было горячим, словно они идеально подходили друг другу, как две половинки давно утерянной мозаики.

Грир крепко обняла Севастьяна и со всей страстью прижала ближе. Севастьян удовлетворенно застонал, засунул руки ей под плащ и, поглаживая ладонью спину, притянул к себе.

Он укутал их в свою плотную накидку, и Грир тут же окружило тепло его тела. Царство зимы вокруг исчезло. Остался лишь он. Крепкое напряженное тело, теплые руки, губы. Восхитительные губы со слабым вкусом кофе с цикорием.

Принц атаковал ртом, исследовал, пробовал, играл языком, пока Грир не почувствовала томление внизу живота.

Они цеплялись друг за друга, все углубляя поцелуй. Грир принялась бродить руками по

телу Севастьяна, упиваясь невероятной силой в каждом сантиметре.

Она застонала, изнемогая, а принц стал гладить ниже и, обхватив ее за попу, прижал к себе еще теснее. Грир ощутила, как что-то выпирает под тканью брюк Севастьяна. Она уже не юная неопытная девица и понимала, что это означает: он хотел ее.

Стоило бы ужаснуться, ведь она наедине с молодым здоровым мужчиной в весьма недвусмысленном положении, которое ведет к одному — тому, что стоит приберечь для мужа.

А Грир совсем не волновалась. В ту минуту ей было совершенно все равно.

Всю жизнь она из кожи вон лезла, пытаясь поступать верно, как ей казалось, совершать хорошие и правильные поступки. Она отчаянно пыталась заслужить одобрение и признание. Даже когда никто этого от нее не ждал. Даже когда все видели перед собой лишь мужеподобную незаконнорожденную дочь распорядителя игр. Но потом Грир осознала, что тот внутренний голос ни разу не сослужил ей доброй службы. Так зачем к нему прислушиваться, если ей все равно никогда не заслужить признания?

На вкус Сев просто восхитителен. А его поцелуй такой глубокий и приятный — ничего похожего на грубые и слюнявые поцелуи Тревиса. Грир пребывала в блаженстве и не хотела, чтобы все заканчивалось.

«Этот мужчина точно будет знать, как сделать твой первый раз совершенным».

До изумления неприличная мысль непрошено пришла в голову, отчего щеки загорелись сильнее, а тело заболело и запылало в таких местах, которые прежде никогда Грир не беспокоили, и она не подозревала, что такое возможно. В его руках она была словно глина.

Принц вдруг застыл, и Грир отрешенно подумала, а не прочитал ли он ее возмутительных мыслей. Только то, что он поцеловал ее, еще не значит, что он хотел пойти дальше.

Севастьян прервал поцелуй и, подняв голову, стал вглядываться куда-то за ее плечо. Она попыталась высвободиться из объятий, но лишь оказалась прижатой еще теснее.

Грир тихонько прочистила горло, подозревая, что голос выйдет писком из онемевших после поцелуя губ:

— Пожалуйста, отпустите меня.

Принц лишь крепче обнял ее и нахмурился, продолжая изучать горизонт.

— Вы это слышали?

Грир прислушалась и сначала ничего кроме ветра не услышала, но затем смогла различить голоса. Очень слабые. Словно шепот ветра.

— Да.

Только теперь принц выпустил ее и, схватив за руку, повел вперед. Вместе они взобрались на небольшой холм. Грир осмелилась взглянуть Севастьяну в лицо, но тот смотрел вперед, не выражая никаких эмоций. Жалеет, что потерял самообладание? Конечно, жалеет. Здесь он подыскивает себе невесту. Возможно, ей станет весьма достойная и уважаемая леди Либби. Дочь богатого графа, она идеально соответствовала королевским требованиям. А с мисс Хадли принц, несомненно, не желал связываться.

Поднявшись на самый верх, Грир разглядела несколько всадников:

— Конюхи?

— Должно быть, лошади вернулись, и они поехали нас искать, — прошептал Сев.

Грир кивнула:

— Они весьма обрадуются, когда найдут нас целыми и невредимыми.

Она помахала, чтобы привлечь внимание и поскорее избавиться от общества его высочества. А на досуге подумать о своем неправильном поведении в ответ на его «ухаживания» и впредь не совершать подобной ошибки. Этому действительно нужно положить конец.

— А вы не перестаете меня удивлять, мисс Хадли.

Она повернулась и наткнулась на пристальный взгляд.

— Мне казалось, вы заявляли, что начинаете узнавать меня? Теперь же я стала непредсказуемой?

— Ах, знать кого-то и уметь предсказывать его поступки — два совсем разных понятия. Я начинаю узнавать вас и уверяюсь, что вы не из тех, кого можно предсказать.

Ледяным тоном, чем втайне чуточку гордилась, Грир произнесла:

— Тогда нам не следует слишком уж долго созерцать друг друга, согласны, ваше высочество? — Грир выделила титул, позволяя ему стать между ними, как напоминание о навсегда разделившей их пропасти.

Поначалу Севастьян лишь молча смотрел, потом ответил:

— Совершенно верно, мисс Хадли.

К ним уже поднимались грумы. Самое время, а то она уже начала тревожиться.

— Мы не пострадали, — заверил Севастьян взволнованных людей, глядевших на него снизу вверх. — Благодарю, что поспешили на помощь. Всего лишь неприятное происшествие. Не беспокойтесь. Хотя для мисс Хадли тут довольно холодно. Пусть кто-нибудь немедленно проводит ее в дом. Я же смогу и пешком дойти.

Грум торопливо спешил и предложил мисс Хадли своего скакуна.

— В этом нет необходимости, — возразила Грир.

Но замолчала от взмаха руки принца. Она переводила взгляд с одного грума на другого. Те смотрели лишь на его высочество, ожидая следующего приказа. Ее слова были как об стенку горох.

Вздыхнув, Грир прикусила язык. Лучше позволить мужчинам считать ее чувствительной дамочкой, которая и носу казать на улицу не может, не отморозив себе чего-нибудь. Кроме того, не хотелось, чтобы слуги распускали сплетни, что она сварливая мегера, бой-баба. У них с папой уже были из-за этого неприятности.

Грир прищурилась на принца. Тот уверенно стоял на утреннем ветру с невозмутимым видом, словно ничего неприличного и не произошло. Севастьян не удостоил ее и взглядом, в то время как она не могла перестать пожирать его глазами. Щеки запылали, словно в огне.

Скорее всего, он лишь хочет от нее избавиться, потому и отправляет вперед. Грум помог ей залезть на лошадь, будто Грир какая-нибудь изнеженная неумеха. Через несколько секунд она еле плелась верхом, ведомая грумом, который уступил ей свое седло. Грир оглянулась через плечо на принца, прикидывая, сможет ли он догнать ее пешком, и решила, что вполне возможно.

Он смотрел прямо перед собой, сдвинув темные брови, и по его глазам ничего нельзя было прочесть. Глубоко вздохнув, Грир развернулась и на черепашьей скорости поплелась вперед, к дому, а принца, как и следовало сделать, оставила позади.

Всю дорогу до дома Сев пытался изгнать мисс Хадли из своих мыслей, но безуспешно. За эти полчаса пешей прогулки он старался убедить себя, что всего лишь отчаянно нуждается в женщине, не обязательно в мисс Хадли. Одна из хорошеньких горничных, что

жадно следили за ним глазами, должна удовлетворить его потребности.

Входя в фойе с высокими сводами, он надеялся хоть мельком увидеть мисс Хадли, и сердце упало от разочарования, которое он не мог отрицать. Есть в ней что-то — огонь, страсть, которых он не видел с довоенных времен. Она не какая-то жеманная, простодушная, испорченная мисс. У нее необычные манеры, определенное знание жизни и, что самое поразительное, она не унывала из-за этого.

Стук шагов эхом отдавался по старому мрамору, когда Сев поднимался по парадной лестнице.

Казалось, прошло много времени с тех пор, как он обнимал Грир на бьющих со всех сторон зимних ветрах. Если бы ее сладкий вкус все еще не ощущался на губах, Севастьян убедил бы себя, что той встречи и не было вовсе. Конечно, лишь во сне он мог пренебречь логикой и поступить так опрометчиво.

Что побудило его поцеловать настроенную на брак женщину, когда у него не было никаких намерений ухаживать за ней, чтобы жениться? Его цель ясна. Он отправился в Англию только по одной причине и не должен попусту тратить время, преследуя неподходящую даму.

Но за время их непродолжительного знакомства мисс Хадли изменилась в его глазах. Севастьян больше не видел несчастную, рыжую, веснушчатую особу с немодным цветом волос и жалкой родословной. Он видел сильную, притягательную женщину, которая неплохо будет смотреться в его постели. Как жаль, что она не годится на роль его супруги.

Тряхнув головой, словно так мог избавиться от подобных напрасных желаний, Сев вошел в свою комнату. Камердинер, дремавший в кресле у окна, при этом испугался:

— Ваше высочество? Уже вернулись?

Почтенный старик был еще камердинером его отца и ближайшим другом. Брат унаследовал его первым, за ним Сев. Возможность подыскать более молодого, проворного камердинера даже не обсуждалась. Так долго, как сможет, Илиан прослужит крон-принцу Малдании. С традициями было нелегко поступиться, особенно если они касались Илиана.

Почему-то мысль о традициях лишь сильнее убедила Севастьяна в полнейшей неуместности вспыхнувших чувств к мисс Хадли. Она богатая невеста и охотится на мужа. С такой не поиграешь.

— Я позвоню, чтобы вам приготовили ванну.

Скрипя суставами, Илиан обошел Сева.

Тот благодарно улыбнулся старику, бывшему для него как член семьи:

— Спасибо, Илиан.

Камердинер кивнул:

— Негоже выглядеть потрепанным, если хотите добиться расположения будущей королевы.

Улыбка Сева стала шире. Он устремился мыслями к прекрасной леди Либби, но ощутил странную пустоту, когда представил ее своей невестой.

— Нет. Негоже.

После ванны Севастьян спустился в пустой обеденный зал, но недолго пробыл там в одиночестве.

Кузен вошел в комнату, когда Сев нарезал жирную лососину. Севастьян приветствовал его кивком и изучающе посмотрел на Малкольма, когда тот двинулся к буфету и щедро принялся наполнять тарелку едой.

Усаживаясь, Малкольм одернул жакет, и Сев не мог не заметить, что за две недели, которые они провели вместе, тот стал на нем трещать. С тех пор, как принц отыскал кузена в меблированных комнатах в Севен-Дайлсе — далеко от фешенебельного жилища, в котором Сев ожидал его найти, — у него заметно отросло брюшко.

Двадцать лет назад, когда дед изгнал дядю за изнасилование дочери высокопоставленного гостя из Италии, Малкольм с матерью последовали за ним в Англию, хотя дед предлагал остаться. Тетя Нэша отказывалась верить обвинениям итальянки и не позволила мужу отбыть без нее, так что вся семья бежала в Англию. Когда они уезжали, то были далеко не бедными. Дорогой дядюшка, как выяснил Сев, спустил все в игорных домах, а позже принес семье еще больше неприятностей, погибнув на дуэли и оставив их в бедности.

Сев почувствовал к Малкольму лишь жалость, когда узнал, что они с матерью жили в благородной нищете, слишком гордые, чтобы вернуться в Малданию.

— Даже если я захочу, мама откажется, — объяснил кузен, когда Сев предложил отправить его на родину. — Ей все еще стыдно за папино изгнание... и она до сих пор злится. Она ничего не примет от бабушки.

Севастьян только однажды видел тетю: изможденный силуэт на выцветшей кушетке, в одной руке нюхательные соли, в другой — зачитанный роман, который она метнула ему в голову. Ничего похожего на благовоспитанную, вежливую тетю из его воспоминаний. Эта женщина сыпала проклятиями на его голову и в адрес бабушки, как она выразилась, лживого и бессердечного.

Сев не винил деда за изгнание дяди: судя по всему, он жестоко надругался над девушкой. Но в этом не было ни грамма вины Малкольма, так что он сразу взял кузена под крыло и стал обеспечивать из своих тающих средств.

Малкольм не виноват в грехах отца. Кроме того, кузен хоть и бедный как церковная мышь, но происхождение открывало ему доступ в свет. Малкольм всех знал. Не было ни одной хозяйки дома, которая бы души в нем не чаяла. С таким проводником Сев сэкономил драгоценное время: кузен сразу знал, на каких дебютанток ему нужно обратить внимание.

— Хорошо прокатился сутра? — спросил Малкольм, садясь за стол, и стал за обе щеки уминать свой завтрак. — Я и не думал, что ты поднимаешься так безбожно рано.

Сев не торопясь отхлебнул кофе.

— Кузен...

— Хм? — промычал Малкольм, сражаясь с лососем.

— Я хотел бы побольше узнать о мисс Хадли.

Малкольм перестал мучить рыбу.

— Разве ты уже не заявил на нее права? — фыркнул он. — Будто ты недостаточно успел ее узнать.

Севастьян еле сдержал дрожь, решительно настроившись подавить эмоции прошлого вечера, когда так собственнически отозвался на интерес кузена к Грир.

Малкольм продолжил:

— По-моему, тебе следует проводить время с пользой, а не тратить его на непригодную незаконнорожденную. Вряд ли она подойдет на роль будущей королевы.

Сев пожал плечами, притворяясь, что слова кузена его не трогают. Не хотелось явно демонстрировать свой интерес, но Малкольм был единственным, у кого он мог спросить, не вызывая пересудов.

Встав из-за стола, он сверху вниз посмотрел на младшего кузена:

— Просто узнай о ней как можно больше. Сделаешь?

Какое-то выражение промелькнуло на лице Малкольма, какого Севастьян никогда прежде не видел, и он почему-то вспомнил, что не знает своего кузена по-настоящему. Прежде чем он смог определить, что это было, выражение исчезло, сменившись обычной приветливой улыбкой.

— Конечно, Сев. Это самое малое, что я могу сделать для тебя после всего, что сделал для меня ты. Что ты хочешь узнать?

— Все.

Когда кузен вышел из столовой, Севастьян не хотел думать, почему так важно узнать побольше о женщине, чьего общества он собирался избегать как можно дольше.

Грир не переставала удивляться, сколько высоких густых папоротников смогло уместиться в одной комнате, но мысленно возблагодарила за это. Сегодня она надела изумрудно-зеленое платье, и большие зеленые листья надежно скрывали ее присутствие. Уголки губ приподнялись в улыбке. Всего-то и нужно было — надеть зеленое платье.

Сейчас Грир пряталась за одним из растений и радостно жевала пирог; в руках она держала тарелочку, на которой помимо пирога лежали кусочки засахаренного ананаса, глазированное печенье и фрукты в сахаре — сладости, которых Грир до отъезда из Уэльса никогда не пробовала. Аристократам стоило отдать должное: питаются они по-королевски.

Словно одна мысль о царственности могла призвать саму царственную особу, рядом раздался низкий гулкий голос:

— Куда вы столько положили?

Грир едва не выронила тарелку из рук. Она повернулась, прижимая ладонь к колотящемуся сердцу, и наткнулась взглядом на принца.

— Вы напугали меня.

От его близости сердце забилося сильнее. Нахлынули воспоминания о последней встрече. Хотя они никогда и не оставляли ее полностью. За всю жизнь Грир целовали всего двое мужчин, и принц был одним из них. И, несомненно, его поцелуи выжгли свой след в душе. Стоя рядом с его высочеством, Грир не могла вспомнить собственного имени.

— Я все видел. Наблюдал за вами последнюю четверть часа и готов поспорить, это уже четвертый кусок пирога.

Она открыла было рот, чтобы ответить, но голос изменил ей. Севастьян пристально смотрел на нее. В ослабевших пальцах Грир тарелка накренилась еще сильнее, и пшеничная лепешка упала на пол.

Принц перевел взгляд с лица на руку, прижатую к груди, чуть задержал его там и опустил вниз, туда, где по полу катилась упавшая лепешка, кружась все медленнее и медленнее.

— В Уэльсе нет еды? В Кэринведде?

Внимание Грир мгновенно возвратилось к Севастьяну.

— Откуда вы знаете, что я из Кэринведда?

Он вскинул темноволосую голову:

— Мне известно о вас довольно много, мисс Хадли.

— О. — Кожу Грир закололо от волнения.

Неужели ему известно все? Знает ли он, что она работала распорядителем игр? Обычно эту должность занимали мужчины. Жар опалил щеки, когда блуждающий взгляд принца остановился на ее губах и надолго задержался на них, настолько долго, что у Грир задрожали колени.

Она через силу засмеялась:

— Тогда вам, должно быть, известно, что я весьма скучная персона.

Грир была уверена, что не является настолько волнующей, утонченной и изысканной, как те леди, с которыми его высочество водит знакомство.

— Напротив. Правда ли, что вы сменили отчима на должности устроителя спортивных игр?

Принцу все известно. Грир вздрогнула, не зная, как следует ответить. Отец приложил немало усилий, чтобы скрыть эти сведения. Могла ли Клео проговориться невзначай? Нет, скорее это герцогиня что-то пронюхала и выяснила детали прошлого Грир. Хотя и не верилось, что старая леди способна на такое.

Севастьян пристально смотрел в ожидании ответа.

Грир нервно потянула за манжету платья. Ткань вдруг слишком сильно стала давить.

— Необычное занятие для женщины.

— Необходимое для выживания.

Грир затаила дыхание, она ждала, что принц осудит ее, или хотя бы продемонстрирует то же высокомерие, с каким относился к ней прежде.

Но вместо этого он чуть кивнул, мягко сияя янтарными глазами в приглушенном свете комнаты. Словно понял. И принял объяснение. Быть не может. Высокомерный тип, которого Грир встретила несколько дней назад, безусловно, не смог бы понять ее. И не смог бы смотреть с таким участием.

— Я кое-что знаю о выживании.

От удивления она моргнула, и тут же догадалась. Война. Севастьян представляет, о чем она говорит.

Грир стало неудобно, она не знала, как следует ответить, но понимала, что принц не такой, каким показался при первой встрече; она перевела взгляд с папоротника на свою тарелку.

— Кажется, всякий раз вы находите меня вот так. — Грир пыталась придать голосу беспечность.

Севастьян скрестил руки на груди и с некоторым весельем разглядывал мисс Хадли. Золотистые глаза искрились, отчего у Грир перехватило дыхание.

— Имеете в виду, сталкиваюсь с вами, когда вы прячетесь? Действительно. И отчего же так случается?

Она пожала плечами:

— Иногда я устаю поддерживать светские беседы.

— Почему бы тогда не отдать предпочтение несветским.

Грир едва заметно улыбнулась.

— Нет. Но так было бы несомненно проще. Вернее сказать, было бы легче говорить свободно, не взвешивая каждое слово.

— Держу пари, разговор выйдет занятный.

Она рассмеялась:

— Боюсь, только вы и сочтете его таковым. Остальные возмутятся.

Еще вчера она бы подумала, что и он возмутится.

— Осмелюсь предположить, что другие тоже наслаются перерывом в однообразии. Уверен, если вы дадите волю своему язычку, то очень всех развлечете.

Грир перестала смеяться и указала на собравшуюся в гостиной группу людей в ярких нарядах:

— Это всегда похоже на хорошо слаженный оркестр, где каждый играет свою партию, а я никогда не знаю, как подстроиться под общее исполнение.

Севастьян долго рассматривал ее, и вдруг Грир поняла, что принц один из них. Она такое говорила аристократу! Глупая. Он совсем не понимает, что она хочет ему сказать. Да и почему он должен понимать? Лицо лишь сильнее обожгло жаром.

Вместо того чтобы прикусить свой язык, Грир прокашлялась и продолжила:

— Разве вам не следует сейчас усердно искать будущую невесту?

«Леди Либби».

— Это не то чтобы поиски, — смущенно ответил Севастьян.

Грир поморщилась:

— Да, полагаю, с вами все иначе. Это для остальных поиски партии не столь уж простая задача.

Они действительно разговаривают? Они с принцем? И получается почти непринужденно. Так беседуют... друзья.

Сев склонил голову на бок, не отрывая от Грир цепкого взгляда.

— Не будьте столь строги к себе, уверен, вы без труда добьетесь выгодного предложения.

Грир заглянула принцу в глаза. От его слов жгучий румянец разлился по лицу. Внезапно грудь сдавило так сильно, что стало трудно дышать.

«Только не от вас».

Грир отвернулась, чтобы скрыть разочарование, которым от этой мысли наполнилось сердце. Совершенно неуместная досада. Нет резона тосковать по принцу. Все равно, что возжелать луну.

Севастьян воспользовался паузой в беседе и плавно перевел разговор, спросив:

— Когда ваш день рождения?

Взгляд Грир метнулся к нему. Негодяй. Следовало знать, что все шло слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Не начинайте снова, — резко ответила Грир, возвращаясь к холодному тону, которым она противостояла грубияну, считавшему ее старой. — Почему вы так настойчиво давите на меня, желая услышать дату моего рождения? Вам уже известен мой возраст...

— Я не знаю вашего точного возраста.

— Что вам за дело до моего точного возраста? Вы уже знаете, что мне двадцать восемь лет, как и вам.

— Вы правы. Это мелочь. Так почему бы не сказать?

— Может, вы настаиваете потому, что для вас это необычно, — не сдавалась Грир. — И вы лишь хотите узнать, старше я вас или нет.

Сев подошел так близко, что Грир пришлось отступить, и она уперлась спиной в папоротник, а взглядом — в широкую грудь принца. Такая близость мужчины очень волновал а.

— Вы стыдитесь своего возраста?

— Почему я должна его стыдиться? — фыркнула Грир. — Это смешно.

— Именно. Так скажите же мне.

Он смотрел на нее сверху вниз и улыбался. Как же ей хотелось стереть поцелуем эту раздражающую ухмылку с его красивого лица, но лишь от одной мысли об этом внутри все перевернулось и подкосились колени. Улыбка, с которой Сев смотрел на Грир, легко

прогнала из мыслей других гостей, притаившихся вблизи, лишь в шаге от них.

— Почему вас хоть сколько-нибудь заботит мой возраст? — выдохнула она.

— Просто... любопытно.

Грир облизнула пересохшие губы.

— Вам любопытно узнать, не флиртуете ли вы с женщиной старше вас?

Она увидела, как его улыбка постепенно становится шире, и поняла, что совершила роковую ошибку, заговорив на такую тему.

— Так вы думали об этом?

«Каждую минуту».

— Нет, — отрицала Грир. — Совсем нет.

— А я думал, — продолжил Севастьян, подвигаясь еще ближе. — Каждую минуту.

«Не может быть, чтобы он говорил серьезно!»

Сердце в груди Грир бешено забилося.

— Остановитесь. Не нужно! — Грир отвела от Севастьяна тревожный взгляд и оглянулась вокруг. Казалось, никто не замечал пару, стоящую за папоротником. Они были скрыты от посторонних взоров. Затерялись в собственном, принадлежащем только им мире. А положение на самом деле сложилось очень опасное.

Севастьян замотал головой.

— Боюсь, я не смогу остановиться. Всякий раз, закрывая глаза, я вижу эти темные глаза. — Принц ласково погладил Грир по щеке. — Эти веснушки. — Он нежно коснулся ее переносицы, усыпанной веснушками, которые она изо всех сил пыталась не замечать большую часть жизни. Потом он опустил ниже и провел пальцем по верхней губе. — Эти губы.

— Остановитесь, — повторила Грир, но в голосе не доставало уверенности. Возражение больше походило на выдох, слетевший с дрожащих губ.

Сев поднял взгляд и посмотрел в ее глаза:

— В самом деле, Грир. Ты действительно хочешь, чтобы я остановился? Будь честна с собой. Я решил перестать лгать. Почему бы тебе не сделать то же? Ты действительно можешь покинуть этот дом, зная, что мы больше никогда не увидимся?

Принц впервые назвал ее по имени. А как он произнес его... Грир задрожала.

Он продолжал говорить мягким, завораживающим голосом:

— Можем ли мы расстаться, зная, что тогда нам не удовлетворить того... того, что мы чувствуем?

— А, Сев, вот ты где. О, и мисс Хадли, я вас не заметил.

Часть II

Грир подпрыгнула от неожиданного появления в их мирке постороннего. Севастьян же просто отошел от нее, будто кузен вовсе не прерывал интимной беседы. Только в глазах вспыхнуло сожаление.

Сердце Грир бешено стучало, лицо пылало. Она кинулась мимо принца, уверенная, что любой, кто взглянет на нее, поймет: она пропащая женщина. Нужно уйти. Как можно

быстрее. Найти место, где можно перевести дыхание, унять колотящееся сердце и напомнить себе, почему она терпеть не может наследного принца Малдании и почему его заигрывания должны вызывать отвращение.

Он всего-навсего забавляется с ней, завоевать же собирается другую.

Для него Грир — ничего не стоящая женщина. Простолюдинка. Нельзя об этом забывать.

Никто не окликнул Грир, когда она выскользнула из гостиной; лишнее доказательство того, что важности она не представляет, и скучать по ней не станут.

— Ты выбрал не лучшее время, кузен.

— Я подумал, тебя пора спасать.

Грудь Севастьяна сдавило от резко вспыхнувшего раздражения. С большим усилием он оторвал взгляд от убегающей Грир. Свет золотил ее рыжие волосы, и у Севастьяна зудели руки от желания прикоснуться к прядям и узнать, такие ли они гладкие и теплые, какими кажутся.

— И отчего же ты так подумал? — спросил он мягким тоном, который вовсе не соответствовал чувствам.

— Ты слишком очарован ею. Признаю, это меня беспокоит. Ты же не можешь на самом деле рассматривать ее как возможную невесту...

— Конечно же, нет, — сказал Севастьян, голос его звучал легко, в отличие от тяжелых переживаний. С раннего детства его приучали прятать чувства за маской совершенной невозмутимости. Никто не должен даже догадываться о его мыслях. — Я уже говорил.

— И все же ты просишь меня разузнать о ней все, что смогу найти.

Сев пожал плечами и признал:

— Она меня привлекает.

— В качестве кого? Любовницы? Ее отец этого не одобрит. Он примет только ее мужа. Прости, кузен, но под теми юбками тебе не найти утешения.

Севастьян сжал руки в кулаки, стиснул зубы и скользнул по брату предупреждающим взглядом.

— Малкольм, до сих пор твоя помощь была полезна. Если мне нужен будет твой совет, то я спрошу тебя. И не лезь, куда не просят.

Малкольм покраснел: несомненно, подумал, что не хотел бы возвращаться в свои комнаты в трущобах раньше времени.

— Разумеется. Прости. Но любому заметно твое внимание к ней.

Севастьян резко посмотрел на кузена:

— Что значит «любому»?

— Ну, здесь, полагаю, не все это замечают, разве что самые проницательные. Как принц ты в центре внимания. И можешь считать себя счастливым, что леди Либби, кажется, ничего не знает о многочисленных взглядах, что ты обращаешь на мисс Хадли. — И лукаво добавил: — Думаю, граф тоже ни о чем не догадывается.

Сев ударил рукой по воздуху при упоминании дочери богатого дворянина. Он явно зашел слишком далеко с Грир, если рисковал потерять столь многообещающую партию. Рисковал потерять ту, что вернет его домой, на родину.

— Я добьюсь благосклонности леди Либби. — И забудет о темно карих глазах и очаровательных веснушках. — Больше медлить нельзя. — Снова преисполненный решимости, он окинул комнату взглядом в поисках девушки с золотистыми волосами. —

Дедушка будет ею доволен.

— Да-да, она ему понравится, — согласился Малкольм.

Севастьян почувствовал, что должен ослабить возникшее между ними напряжение, и произнес:

— Спасибо за совет, Малкольм. Я не продвинулся бы так далеко без тебя.

— Зачем же еще нужен брат?

Сев решительно кивнул и тихо произнес:

— Пойду, найду леди Либби и начну ухаживать как следует.

Не обращая внимания на тяжесть в груди, Севастьян обошел комнату, ища глазами золотистые кудри, даже если своим мысленным взором видел лишь рыжую шевелюру.

Грир знала, что Джек строго выговорит ей за ранний уход, но оставаться в одной комнате с принцем Севастьяном, вносящим смятение в душу, больше не могла. Чего он хотел? Неужели думал, что она проигнорирует все нормы морали и вступит в недозволенную связь во время приема?

Грир не могла больше выносить поддразниваний принца, пристальных взглядов янтарных глаз и близости. Нет, не могла, если желала сохранить здравый рассудок. Достаточно только взглянуть на это красивое лицо, как мысли переполняли воспоминания о прижимающемся к ней Севастьяне, о тех минутах, когда она из глупости забывалась рядом с ним.

Она спешно шла по коридору в компании вытянувшейся впереди тени, словно так могла убежать от неприятных мыслей.

Ковер заглушал шаги. Грир почти добралась до спальни и расслабила плечи, когда подумала о ждущей ее постели.

И тут какой-то звук нарушил могильную тишину. Легкий, как дым, кружащий в воздухе, еле слышный шепот, пронзив безмолвие, достиг ушей Грир. Она остановилась и прислушалась. Шептуны относились к тому типу, что, в действительности преуспевают в достижении противоположной своим намерениям цели.

Грир оглянулась, желая убедиться, что больше в коридоре никого нет, и двинулась туда, откуда доносились голоса. Прижавшись ухом к двери, она прислушалась.

— Слушай меня внимательно, Ханна, ты будешь молчать как можно дольше. Ты поняла меня?

— Но леди Либби, ваш папенька выпорет меня, когда откроется, что я его обманывала. Прошу вас, возьмите меня с собой.

Леди Либби? Куда это дочка графа собирается?

— Мне нужно, чтобы ты всех отвлекла, тогда мой побег обнаружится не сразу. Никому не позволяй входить в мою комнату. Скажи, что я смертельно устала.

При этих словах кто-то захныкал, вероятно, Ханна. Леди Либби расчетливо и решительно продолжила, не обращая внимания на слезы служанки.

— О, ну же, Ханна. Прекрати рыдать.

— Ах, леди. Простите меня. Я такая эгоистка, жалкое создание — вот, кто я! Мне следует думать о вас, вы такая счастливая, наконец встретили своего принца! Вы мечтали об этом с самого детства... — Остальные слова служанки потонули в рыданиях.

Своего принца. В кожу Грир словно вонзились тысячи игл. Леди Либби и Севастьян...

Грир стало нехорошо. Она схватилась рукой за живот, внезапно почувствовав тошноту, тряхнула головой и приказала себе уйти. Всем известно, что принц здесь из-за леди Либби.

Нечего так удивляться. И то, что он поцеловал ее, Грир, ничего не меняло. И не имело никакого значения.

— О, очень хорошо, — послышался из-за двери голос, выражающий недовольство. — Отправишься с нами. Полагаю, от тебя может быть и польза. Твое присутствие поможет успокоить длинные языки, когда все узнают о побеге. Во всяком случае, я могу заявить о тебе как о компаньонке, хотя должна признаться, что с нетерпением жду минуты, когда окажусь в путешествии наедине со своим любимым. А сейчас мне приходится спорить с тобой. Я очень надеюсь, что ты не станешь все время брюзжать.

Ее любимый. Грир закатила глаза. Она едва знает принца. Разве кто-нибудь вообще знает этого человека? Он держится настолько отстраненно, словно греческая статуя.

Конечно, Грир думала, что ей удалось подглядеть, кто прячется за этой видимой маской. И, несомненно, она была так же бестолкова, как и леди Либби. Девушка в самом деле полагает, что присутствие служанки сможет уменьшить слухи о побеге? Глупышка. Неужели она считает, что от этого будет прок? Да кто угодно, лишь взглянув на мужественного принца, будет уверен, что леди Либби шла к алтарю отнюдь не нетронутой.

Пока Грир стояла, прижав ухо и ладони к отполированному дереву двери, весь ужас происходящего глубоко проник в ее сознание. Леди Либби бежит, чтобы выйти замуж за принца Севастьяна.

Да он просто нахал! Теперь все перепалки с принцем стали понятны. Что-то ведь толкало его на легкомысленные беседы с женщиной низкого положения. Грир начала было думать, что у него возникли к ней какие-то искренние чувства. Но очевидно, она ему безразлична, и лишь отвлекала внимание, в то время как они с леди Либби готовились к побегу.

Грир отошла от двери и в холодной ярости сжала руки в кулаки. А принц в самом деле соблазнитель! Когда же он ухаживал за леди Либби? Грир почти не видела их вместе. Она не думала, что он разговаривает с какой-то женщиной в этом доме так же часто, как с ней.

В мыслях возник образ принца, прокрадывающегося в спальню молодой леди; вот он прогоняет поцелуями ее сомнения, очаровывает и легко снимает пеньюар, опускает девушку на большую кровать.

Сочтя себя совершенно и всецело одураченной, быстро, как только могла передвигать ноги, Грир отошла от двери. Да как он смел заигрывать с ней, целовать, в то время как собирался сбежать с другой?

Это даже больше, чем знать, что он прибыл сюда искать благосклонности леди Либби. Грир понимала: в итоге принц женится на милой девушке или какой-нибудь другой подходящей леди. Он не скрывал, что ищет невесту. Так же, как и Грир не скрывала — она здесь, чтобы найти мужа.

Но узнать, что Севастьян планировал побег в те самые часы, когда флиртовал с ней, было омерзительно. Неужели все мужчины настолько коварны? Неужели все они такие же подлые, как Тревис?

Теперь Грир еще крепче уверилась в разумности выбора брака по расчету. Безопасность и почет — вот что ей нужно от брачного союза, не больше.

И все же в ней кипело негодование, ведь Севастьян играл с ней, когда уже получил тайное согласие леди Либби. Каков подлец!

Но чем принц так обеспокоен, что должен бежать с будущей невестой? Ему что, не хватает терпения? Или же причина в другом? Неужели он боится, что граф отвергнет его

предложение?

Ну, какими бы ни были намерения, Грир не позволит его высочеству сбежать просто так. Она не избалованная и наивная особа вроде леди Либби, которая верит, что он романтический герой, принц из ее девичьих грез.

Нет, Грир знает, что он такое. Высокомерное животное, чьи поцелуи обжигают душу и могут обмануть молодую неопытную девушку, заставить ее поверить, что он герой ее фантазий.

На мгновение Грир забылась, и поддалась соблазну. Даже позволила словам Севастьяна очаровать ее, затуманить разум до такой степени, что начала сама себя спрашивать: что такого плохого в недолгой любовной связи?

Грир сама придумала весьма убедительный довод: она не неопытная юная девушка. И сердечные переживания здесь не причем. Главное — получить чувственное удовлетворение. Возможно, это правильно и даже оправданно, если учесть, что она готовилась вступить в союз, который ничего подобного не обещал.

Она шла все быстрее и быстрее, походка выдавала внутреннее возбуждение. Хватило затаенного шепота в коридоре, чтобы вернуть ее в реальность.

Успокоившись, Грир проскользнула к себе в спальню, чтобы обдумать, как можно помешать принцу сбежать под покровом ночи. Она рассудила, что человек столь высокомерный, столь лживый и аморальный не должен получить желаемое. Во всяком случае, она намеревалась высказать его королевскому высочеству свое мнение на его счет.

Севастьян может скрыться в ночи со своей богатой и удовлетворяющей всем запросам и требованиям невестой, но лишь после того, как Грир выскажет свое мнение о нем и покажет, что она не из тех, с кем можно просто поиграть, а потом легко выбросить из памяти.

Сев ушел рано. Он так и не нашел леди Либби, а особого желания баловаться картами и выпивать с джентльменами в библиотеке у него не было. Но завтра он начнет все заново, станет ухаживать за леди Либби всерьез и будет держаться как можно дальше от кое-какой женщины, которая способна завлечь его только лишь вздохом и взглядом.

Проходя мимо библиотеки, Сев обратил внимание на виконта: тот, без жакета и с закатанными по локоть рукавами, сидел за карточным столом. Сев отметил, что внук вдовы питал особое пристрастие к фараону⁴ и был готов многое поставить на кон: своего коня, экипаж для езды по городу... даже рубиновые запонки. Мимоходом Севастьян задался вопросом, знала ли мисс Хадли о склонности виконта к играм, но затем сказал себе, что это вовсе не должно его заботить. Будущее Грир Хадли его не касается. Привычки ее возможного супруга тоже не его дело.

У себя в комнате Сев легонько потряс Илиана, спящего в кресле в углу, и отпустил старика на ночь, с любовью похлопав того по согнутой спине. Сколько бы раз он ни просил Илиана не дожидаться его, старик не покидал свой пост.

Сев начал развязывать галстук, но остановился когда услышал тихий стук в балконную дверь.

Обернувшись, принц посмотрел на портьеры и закрытую стеклянную дверь, уверенный, что ослышался. Никто не мог стучать. Его спальня находится на третьем этаже, и уже почти полночь.

Стук повторился, на этот раз громче. Каждый нерв натянулся в тревоге от знакомого напряжения. Севастьян жил в таком состоянии много лет. Пережил два покушения и бесчисленные сражения за последние десять лет только потому, что научился постоянно быть настороже и бдительным. Он на цыпочках подошел к балконной двери и отдернул занавески.

Там со скрещенными руками в воинственной позе стояла мисс Грир Хадли, а вокруг нее, кружась, медленно падал снег.

Выругавшись, Сев дернул дверь.

— Что, черт побери...

— Мне нужно поговорить с вами, — холодно перебила Грир.

Сев осмотрел ее сверху вниз: к ресницам прилипли хлопья снега, мужские брюки сидели как влитые. Они полностью облегали стройные ноги. В горле вдруг пересохло, Севастьян был совершенно уверен, что никогда не видел у леди таких красивых ног.

Выйдя на балкон, он посмотрел вниз и убедился, что мисс Хадли добралась до его окна без лестницы.

— Как вы сюда попали?

Грир отмахнулась, словно проделывала подобное не раз:

— Просто перепрыгнула несколько балконов, пока не добралась до вашего.

— Вы прыгали? — Сев покачал головой. — Где находится ваша спальня?

Грир посмотрела направо.

— Через три комнаты.

Сев проследил за ее взглядом. По крайней мере два с половиной метра отделяло несколько балконов, прилежавших к каждой комнате. Сев перевел взгляд вниз на

заснеженную землю. Грир повезло, а то лежала бы внизу с переломанными ногами. Он на несколько секунд закрыл глаза, прежде чем повернуться к гостье и просверлить ее взглядом.

— Это было несложно, — пожалала плечами Грир.

— Вы что, спятили? — рявкнул Сев.

Она прижала к губам палец.

— Ш-ш-ш. Потихе. Вы хотите перебудить весь дом?

— Почему вы просто не пришли с коридора?

— Это неприлично, — фыркнула Грир. — У меня есть репутация, которую надо сохранить.

— А так, значит, прилично?

— Меня могли увидеть у двери ваших покоев. — Она, казалось, рассердилась.

Сев скривил губы и быстро осмотрел балконы по соседству. Выгнув брови, он сказал:

— Неприятно об этом говорить, но ваша репутация по-прежнему в опасности, милая.

Любой может выглянуть на балкон и увидеть вас.

Даже в тусклом свете луны принц заметил румянец на ее щеках.

— Не говорите так, — огрызнулась Грир.

— Что? Это правда. Если кто-нибудь захочет глотнуть свежего воздуха, то увидит вас...

— Я не об этом! Не называйте меня милой, — пояснила она.

— О. — Сев улыбнулся, забыв о гневе и с удовольствием наблюдая за ее замешательством. — Ну, мы не чужие больше. Мы в близких отношениях...

— В близких отношениях? Вы говорите так, будто... будто мы... — Грир замолчала и упрямо покачала головой. — Я так не думаю.

— Как бы вы назвали многократные поцелуи? И я бы ни в коем случае не описывал эти поцелуи как целомудренные. — Он буравил ее взглядом, вспоминая, каково чувствовать ее в объятиях... каков ее вкус.

— Я бы назвала их ошибкой. Временным помрачением рассудка. Позвольте мне развеять ваше заблуждение, что между нами возникла какая-то близость.

Его гнев вернулся горячей волной.

— Можете отрицать, что хотите. Это не отменяет того, что мы сделали. Или того, что вы хотите меня.

— Я хочу *вас*? — подбоченилась Грир.

— Да! — прорычал Сев.

Она откинула голову и громко рассмеялась.

— Ах вы, самонадеянная свинья. Вы бредите!

— Я говорю только правду. Все в ваших глазах... вы следите за мной по всей комнате, где бы мы ни находились. — Сев понял, что попал в точку, когда румянец залил щеки мисс Хадли. — Да, я знаю, что вы на меня поглядываете.

— Значит, вы тоже смотрели на меня, — обвинила Грир и резко ткнула его пальцем в грудь.

Сев не обратил внимания на тычок, а сосредоточился на доказательстве того, что она хотела его.

— Как я мог не смотреть? Смею напомнить, что именно вы в первый раз поцеловали меня. И весьма страстно, должен сказать.

Ее глаза просто извергали пламя. Грир трясло всем телом, и Севастьян не сомневался, что она ударит его.

— Да что вы, ваше *королевское высочество*? Когда мы были заперты в том шкафу, вы вели себя отнюдь не благородно. Считаете себя беспомощной жертвой моего нежелательного внимания? Вот уж действительно смешно.

Сев все подходил, а когда Грир отступила назад опасно близко к перилам, обвил рукой и вплотную притянул к себе.

— О, я так хочу вас. Просто сгораю!

Он на самом деле признался ей? Сев с трудом узнал свой голос. Или это жгучая потребность прорвалось через него, уговаривая взять Грир?

От такого заявления у Грир вырвался вздох, и принц тут же приковал взгляд к ее розовым губам. Стиснутая в объятьях, она изумленно на него смотрела.

Сев сжал ее талию, наслаждаясь восхитительным податливым телом под ладонями.

— Единственное, что удерживает меня от вас — мое самообладание.

Завороженное выражение исчезло с лица Грир, снова вернулось возмущение, в глазах запылал гнев, а снежинки с ресниц слетели.

— Единственное, что останавливает вас — это я! Отпустите! Как вы смеете меня трогать! Вы... вы мне отвратительны!

Оскорбления щелкали, как удар кнута, и Севастьян удивился ее суровости. Слова Грир причиняли такую острую боль, словно кто-то разрывал его на части, и он разозлился: когда его стало волновать, что она о нем думает? Какая разница, если плохого мнения?

Сев покачал головой, отказываясь верить. Ранее этим вечером мисс Хадли, казалось, приветствовала его внимание. Он прижал ее крепче.

— В самом деле? Если вдруг вам так противна моя компания, почему вы сейчас здесь?

Грир распрямила плечи и подняла подбородок — и напоминала солдата, готового к бою.

— Потому что хочу кое-что вам сказать.

— Вы сказали уже достаточно, мисс Хадли. Не могу предположить, что вы что-то пропустили.

— Это не займет много времени.

Сев посмотрел по сторонам на пустые балконы.

— Лучше не оставаться здесь, если вы заботитесь о репутации, как утверждаете. Мы и так тут задержались. Пойдемте в комнату.

Сверкнув взглядом, Грир выпрямилась и толкнула принца в грудь.

— Я не войду в комнату с вами, — яростно отказалась она. — Если вы просто позволите мне сказать свою часть и отпустите, я сразу уйду.

— Может, вы и готовы рискнуть своей репутацией, но я нет.

Он потащил сопротивляющуюся Грир в комнату. Она освободилась, развернулась и отошла подальше, с каждым шагом волосы вылезали на свободу из косы.

Сев закрыл дверь с глухим щелчком и, прислонившись к холодному окну и скрестив руки на груди, стал любоваться привлекательной фигурой Грир.

— Теперь рассказывайте. Что заставило вас рисковать жизнью, конечностями и репутацией ради разговора со мной?

Она стала перечислять по пальцам:

— Во-первых, я не рисковала своей жизнью. Знаю, вы считаете, меня довольно старой и слабой, но я могу преодолеть эти балконы даже с закрытыми глазами и во сне.

— Я никогда не говорил, что вы старая и слабая, — перебил Сев, снова разглядывая

соблазнительную фигуру в брюках. — Совсем наоборот.

Грир перебросила распустившуюся косу за плечо и посмотрела на него.

— Я знаю о ваших намерениях и просто хотела высказать, что думаю: вы подлец. Леди Либби очень не повезло влюбиться в вас.

Принц нахмурился и склонил голову набок, глядя на Грир и пытаясь растолковать ее нагромождение слов.

— Боюсь, вам придется объясниться. О каких намерениях вы говорите?

Грир метнула в него сердитый взгляд, уперев руки в бедра.

— Признавайтесь. Вам не нужно прикидываться дурачком. Я знаю, вы задумали тайно сбежать с леди Либби, хотя не могу понять, почему. Уверена, ее отец с радостью даст свое благословение. Могу предположить, что ваша жадная натура хочет предъявить права на свадебное приданое без промедления, чтобы можно было вернуться домой. Я слышала, ваш дедушка болен.

Севастьян прижал два пальца к виску, как будто пытаясь сосредоточиться.

— В ваших словах нет никакого смысла. Для начала, с чего вдруг вы предположили, будто я тайно сбегаю с леди Либби?

Глаза Грир потемнели.

— Не играйте со мной. Я подслушала, как она говорила с горничной о побеге...

— Тогда она говорила не обо мне. Как такая мысль не пришла вам в голову?

Грир моргнула:

— Вы единственный джентльмен, который ухаживал за леди Либби здесь. Она почти ни с кем не разговаривала. Кто еще мог быть, кроме вас?

— Не знаю, — проворчал Сев и воспрянул духом, когда понял, отчего она на стенку лезет. — Знаю лишь, что это не я. Жаль, — пожал он плечами. — Я приехал сюда, чтобы добиться ее руки. Выходит, потратил время впустую. Придется начинать заново.

Грир скрестила руки на груди.

— У вас очень холодное сердце. Вас даже не волнует, что женщина, за которой вы ухаживали, затеяла побег с другим?

— Меня волнует задержка. Ничего больше. У меня нет чувств к леди Либби. Думаю, вы понимаете, о чем я: между вами с виконтам тоже искры не сыплются, но ходят слухи, что он собирается сделать предложение.

— Он?

Грир моргнула так растерянно, что Сев едва не пожалел о своих словах. Почему-то от мысли, что виконт тянет к ней свои руки, он сильно сжал зубы. Не стоит все так воспринимать. Придется привыкнуть к этой мысли. Если мисс Хадли и не выйдет замуж за Толливера, так выйдет за другого.

— Джентльмены обсуждали это за игрой в карты. — Опустив руки, Сев шагнул к ней вглубь комнаты. Он жаждал докопаться до истины, до причины, по которой мисс Хадли искала его сегодня вечером. — Почему мой предполагаемый побег настолько важен, что вы проникли ко мне на балкон и выказываете недовольство?

Она задрала подбородок чуть не до потолка.

— Я не могла позволить вам уехать, не сказав, что думаю о вас.

— Вы сочли, что я мог тайно сбежать с другой женщиной? — заключил Сев.

Когда Грир резко кивнула, он лениво почесал подбородок.

— Интересно. А почему, могу любопытствовать?

Грир, не мигая, смотрела, как Сев приблизился к ней.

— Просто хотела высказаться: вы неисправимый хам... так скандально флиртовать со мной накануне бегства! Не хотелось, чтобы вы уехали, не зная, какого я о вас мнения.

— О. Хам. Вижу, как важно было сообщить мне об этом. — Сев задумчиво кивнул, радуясь сейчас жизни, как не радовался уже много лет. Не то, что на войне... когда все, на чем он был сосредоточен, это элементарное выживание, как собственное, так подчиненных. Теперь Сев наслаждался каждым разговором с мисс Хадли. Сердце забило быстрее.

Лицо Грир покраснелось.

— При вас я начинаю говорить... глупости.

— Я бы не назвал это глупостью. Скорее ревностью.

— Я не ревновала, — возразила Грир, следя за ним взглядом пойманного в ловушку зверька. Она отступила назад и охнула, когда наткнулась на шкаф.

Принц улыбнулся шире. Идти ей некуда. Грир придется посмотреть ему в лицо и сказать правду о том, что привело ее сюда. Правду о своем желании.

— А теперь вы знаете, что я не безнадежен? Что я не собирался тайно сбегать с леди Либби?

Ресницы Грир затрепетали.

— Да. Я ошиблась.

Взгляд принца упал на бешено пульсирующую жилку на ее шее.

— Мне нужно идти, — еле слышно прошептала Грир.

Сев поднял руку, обводя пустое пространство вокруг них.

— И упустить такую прекрасную возможность?

Грир пронзила его взглядом.

— Какую еще возможность?

Сев усмехнулся и упер руки по обе стороны от нее. Оказавшись в плену, Грир с шипением прижалась спиной и затылком к дорожному ореховому дереву шкафа.

Севастьян нежно поцеловал изгиб ее шеи.

— Возможность для этого, — он поцеловал выше, — для этого, — потянулся губами к ее уху и поцеловал чуть ниже нежной раковины, — и этого.

Грир вздохнула и еле слышно произнесла:

— Нет.

Он обратил внимание на другую сторону шеи. Вдохнул сладкий аромат, головокружительный и опьяняющий.

— Нет? А если здесь? — Сев поцеловал ее в шею, задев зубами цепочку.

Грир, сжав зубы, резко выдохнула.

Она уронила руки ему на плечи, чуть сжала, словно не зная, оттолкнуть его подальше или притянуть ближе.

Сев отстранился, посмотрел на нее сверху вниз и склонил голову, чтобы их лбы соприкоснулись. Он почувствовал ее теплое дыхание, такое упоительно приятное, что стало трудно держать себя в руках и бороться с потребностью обладать ею.

— Я хочу тебя, — с яростью прорычал он, прижимая ладони к шкафу, пока тот не закрипел под давлением. Горло сдавило, когда Севастьян попытался найти слова, которые убедили бы ее отбросить приличия и с охотой броситься к нему... в большую кровать под балдахином.

Грир смотрела в потемневшие глаза принца, его взгляд проникал глубоко, словно

уговаривал забытья и отдаться желанию, звенящему между ними.

— С тобой я весь пылаю, Грир. Я хочу доставить нам обоим удовольствие, — убеждал Сев. — Ты — первая женщина, которую я желаю с тех пор, как ступил на этот остров... с тех пор, как сошел с поля битвы...

Грир приоткрыла губы в безмолвном удивлении, и он воспользовался случаем, завладел ее губами — и тут же забыл обо всем в горячем слиянии губ.

Сев застонал, когда Грир открылась навстречу движениям его языка, и стал еще глубже целовать и крепче прижиматься телом к ее мягким формам.

Она провела рукой по его спутанным волосам. С рычанием он погладил ее по обтянутым брюками бедрам. Сев легко поднял Грир и обернул ее стройные ноги вокруг своей талии. Когда он почувствовал, как член натянул ткань брюк, то устроился глубже в ее манящее тепло, не желая ничего больше, чем раздеться и погрузиться в Грир. Заключив ее лицо в ладони, он задрожал.

— Ты соблазнительна в этих брюках, — пробормотал он, покусывая ее нижнюю губу.

— Дома я постоянно их носила. Раньше на мой вид никто не обращал особого внимания.

— Или окружающие были слепыми, или ты. Ни один нормальный мужчина не смог бы от увиденного не захотеть протянуть руку и прикоснуться к тебе. — Сев погладил ее попку, отчасти чтобы показать наглядно, и отчасти потому, что ничего не мог с собой поделать.

Грир вздохнула:

— Севастьян.

Сев чуть не пропал, когда услышал свое имя, слетевшее с ее губ. Он поцеловал ее глубже и пробормотал:

— Зови меня Сев.

— Сев, — застонала Грир, пока принц продолжал блуждать руками по изящному изгибу ее спины.

— Было бы намного лучше, если бы никакая одежда не мешала мне касаться тебя. Чтобы я мог чувствовать тебя всю.

Она смотрела на него несколько долгих секунд. Слишком долго. И он знал, что она боролась с мыслями и внутренними демонами.

— Ты не хочешь этого, Грир? — Сев обнял ее, укутывая теплом.

Грир закрыла глаза, словно в мучении.

— Я не могу думать, когда ты так делаешь.

Сев вздохнул. Собрав остатки воли, до этого не подозревая, что обладал оной, он отступил.

— Я не буду принуждать. Я соглашусь с твоим мнением полностью или не соглашусь совсем.

Он проигнорировал пульсирования члена, словно кричавшего, что он дурак. Еще несколько поцелуев, и Сев уложил бы Грир на спину и расположился глубоко между ее бедер, прежде чем она начала бы мыслить связно. И все же он не мог. Не этого он добивался.

Не так он ее хотел.

Сев хотел ту пламенную Грир Хадли, которая при первой встрече пролила свой напиток ему на голову. Он хотел слышать ее мольбы, хотел, чтобы она, обнаженная, извивалась под ним, отвечала с такой же страстью и жаждала его так же сильно, как и он ее. Он хотел любить ее долгие часы. Много раз. Без спешки и торопливости.

Грир смущенно заморгала:

— Т-ты хочешь, чтобы я ушла?

Он хрипло рассмеялся, хотя смешно вовсе не было.

— Я хочу женщину решительную, желающую в мою постель. К сожалению, сейчас ты таковой не кажешься.

— Я... — От удивления Грир довольно комично открыла рот.

И все же Севастьяну сейчас было не до веселья. Он страдал из-за нее. Даже отступив, он надеялся, что она позовет его обратно, бросится в его объятия и превратится в ту страстную женщину, которую он так отчаянно хотел.

Сев приподнял бровь, ожидая и надеясь.

Румянец окрасил щеки Грир. Закрыв рот, она сжала губы в жесткую линию и отрывисто кивнула.

И ушла.

Стремглав убежала из комнаты.

Сев вдохнул аромат — лесов и зимнего ветра — единственное, что осталось от Грир. Он вышел на балкон и с радостью воспринял обжигающий холод воздуха: может, ветер остудит его пыл. Посмотрев налево, он увидел, как легко она спустилась на свой балкон, и удивился, с какой смелостью она прыгает по перилам.

Но этой смелости недостаточно, чтобы прыгнуть к нему в постель.

Когда Грир обернулась, Севастьян даже в полумраке почувствовал ее взгляд, увидел блеск глаз в ночи.

Пока. Одно слово бродило в его голове, как дым стелилось, ползая и проникая глубоко в мысли. Пока. Она не упала в его постель пока.

Сев медленно улыбнулся, к нему вернулась уверенность. Упадёт. Грир Хадли слишком пылкая, слишком резко противостояла она своим естественным порывам. Он уже достаточно узнал ее. Женщина, которая забавы ради скакала на смертельно опасной скорости, не убежит от желания.

На мгновение Грир задержалась на балконе — ее тонкая фигура казалась лишь тенью, наблюдавшей за ним — и исчезла в спальне.

Они еще много дней пробудут здесь. Достаточно времени для мисс Хадли, чтобы прийти в себя и принять свою истинную натуру. Достаточно времени для него, Сева, чтобы убедить Грир в том, что она хочет его так же сильно, как и он ее.

Возвращаясь в комнату, Сев улыбался.

Глава 15

Грир упала на кровать, обхватила дрожащими руками подушку и сжала ее что было сил.

Все пошло совсем не так, как она задумывала. Грир крепко зажмурилась. И только сейчас призналась себе. Принц словно подвел ее к зеркалу и показал правду, сокрытую внутри. Грир осмелилась пойти к нему в спальню, потому что ревновала и обижалась. Потому что хотела повидаться с ним в самый последний раз.

Очевидно, это было излишне. Стыд захлестывал ее холодными волнами. Но в самый потаенный уголок сердца закралось еще одно чувство — облегчение.

Принц вовсе не подлец, как она о нем думала. Леди Либби бежала с кем-то другим. Чертова служанка, и чего ей вздумалось говорить метафорами? Ясно же, что «принц» леди Либби не настоящий.

Щеки у Грир горели из-за ошибочного предположения, побудившего ее действовать так необдуманно и бесстыдно. О чем она только думала, когда решила заявиться за объяснениями в личные покои Севастьяна?

Словно наяву она услышала голос отца: «Ах, Грир, девочка моя. Когда-нибудь твоя горячность доведет тебя до беды».

Видимо, папа был прав. Пылкая натура едва не привела ее в постель принца. Грир зарылась лицом в подушку и застонала от стыда.

Но, наверное, самым худшим было чувство глубокого разочарования. Грир почти поймала себя на мысли, что хотела поддаться соблазнам принца. Тогда прямо сейчас она лежала бы в его объятиях и каждой клеточкой наслаждалась поцелуями, вместо того чтобы лежать одной в большой и пустой кровати, томясь от страстного желания.

А вот пугающая сторона заключалась в неуверенности Грир, что так уж нужно сопротивляться ухаживаниям принца. Все в нем обещало удовольствие. Так зачем же бежать?

В ближайшее время она обретет супруга. Это будет некто солидный и предсказуемый, брак с которым избавит ее от пересудов. Союз без любви, основанный на деньгах и выгоде, а также, взаимном уважении. Так почему бы не позволить себе удовольствие всего раз?

Что такого, если она поддастся мимолетной и осторожной связи с красивым мужчиной, который будоражил ее кровь? Ей двадцать восемь — давно пора познать вкус срасти. Если не сейчас, то, когда же?

Придет время, и Грир станет верной женой. Она не предаст клятву, данную перед Богом — не в ее это характере. Но это время еще не наступило. Пока, во всяком случае.

***

— Вчера вечером ты рано ушла, — прошептал Джек на ухо Грир следующим утром, опускаясь подле нее на стул.

Грир выдавила улыбку и продолжила маленькими глоточками пить чай.

— Я устала.

Джек буравил ее своими темными глазами — он явно недоволен. Грир уже не в первый раз сбегала. И все же помимо неудовольствия она заметила что-то еще. Неужели в его глазах

затаилось беспокойство?

— Ты же не заболела, правда? — спросил он.

На мгновение она не нашлась с ответом.

— Нет. Я здорова. Благодарю.

— Сейчас ужасное время года. Каждый чем-нибудь да болен. Тебе нужно заботиться о себе.

Глупо, но у нее ком в горле застрял. С тех пор, как умер человек, которого она считала своим настоящим отцом, никто не беспокоился о ее здоровье.

— Я буду беречься. Спасибо.

В ответ Джек резко кивнул.

— Твоя сестра оставалась допоздна в компании лорда Квиббли.

Грир метнула взгляд на сестру, не скрывая удивления. Маркизу почти семьдесят лет. Не может быть, чтобы Клео могла всерьез принимать его внимание и выйти за него замуж. Ведь нет?

Клео улыбнулась почти виновато, затем отвела взгляд и взяла кусочек тоста с тарелки.

— Лорд Квиббли? — с сомнением произнесла Грир. Неужели Клео на самом деле привлек немощный, едва стоящий на ногах старик как в возможный супруг.

— Да, именно. Маркиз весьма осведомлен обо всем, что касается репы.

— Репы?

— Да, — ответила Клео. — Он ее очень любит. Как я узнала, его повар владеет несколькими рецептами приготовления блюд из нее. Вот знаешь ли ты, что репа бывает совершенно разных сортов?

Персия на другом конце стола захихикала, прикрывая рот платком.

— Очаровательно!

Мариэль неодобрительно глянула на свою подругу:

— Многие любят репу. Не только дедушка.

— Уверена, что так оно и есть. — Плечи Персии тряслись от сдерживаемого смеха, и блестящие каштановые кудри подпрыгивали.

Грир в замешательстве смотрела на единокровную сестру, пытаясь понять желание Клео связать свою жизнь с человеком, который настолько стар, что годился ей в дедушки. Его собственная внучка, Мариэль, старше Клео на год. Но, как бы там ни было, нельзя позволять кому-либо насмехаться над сестрой.

Столкнувшись с острым взглядом Грир, Персия перестала хихикать и ответила таким же взглядом, очевидно, не желая показывать страх перед кем-то, кого считала ниже себя.

Где-то в оранжерее герцогини раздалась трель экзотической птицы. Окружающая обстановка действительно была очень приятной для завтрака. Растения всевозможных цветов и размеров бросали тени на длинный стол, за которым сидели гости. В воображении Грир представила аборигена: вот он выходит из густых зарослей, красивая темная кожа вся в татуировках с изображениями непонятных символов.

Некоторые гости еще не поднялись. Лишь с полдюжины сидели за столом, уставленным различными яствами. Блюдов было больше, чем Грир когда-либо ела, особенно так рано утром. Обычно она завтракала небольшой порцией овсянки, подслащенной медом. Иногда были яйца-пашот. Сейчас же в центре стола стояло блюдо с зажаренным кабаном, которого лакей нарезал щедрыми кусками, и ее отец поглощал эти куски так быстро, как только мог. Джек являл собой малопривлекательную картину: по подбородку стекает жир от мяса, рот набит

большими дольками запеченных яблок.

Принца нигде не было видно. Но Грир не думала, что он еще оставался в постели. После вчерашней стычки она знала, что он не из тех людей, кто любит поваляться подольше. Скорее всего, он сейчас катался верхом.

Тут шум у застекленных французских дверей, ведущих в оранжерею, привлек внимание Грир. Она вздрогнула, увидев раскрасневшегося отца леди Либби, поскольку хорошо понимала, почему он в таком бешенстве.

Разъяренный лорд возник у стола, грудь — колесом, грузную тушу распирало с такой силой, что Грир переживала, как бы одна из пуговиц на его жилете не отлетела пулей прямо в кого-нибудь из компании за столом. Лорд напоминал ей быка, готового ринуться в бой при первом движении жертвы.

— Кто-нибудь видел мою дочь?

Присутствующие обменялись взглядами, забормотали, что не видели леди. Лица выражали крайнее любопытство, и сейчас все гости походили на гончих псов, почуявших запах крови.

— Где принц? — пропела Персия. Очевидно, она пришла к тому же ошибочному выводу, что и Грир прошлой ночью. — На днях они, кажется, очень сблизились.

Лорд лишь отмахнулся:

— Я уже говорил с его высочеством. Он в конюшнях, только что возвратился с верховой прогулки. — Лорд медленно переводил взгляд с одного лица на другое, впиваясь глазами в каждого, сидевшего за столом, будто пытался увидеть, не скрывает ли кто-нибудь из них правду. Вдруг кто-то из присутствующих здесь спрятал его дочь или, на худой конец, знал что-нибудь о ее местонахождении.

Грир собрала ткань на коленях в складки и попыталась придать лицу невинное выражение.

Подошла служанка, она заламывала руки и выглядела очень напуганной.

— Ее горничная тоже исчезла. Я везде посмотрела.

— И Ханна тоже?! — Голос лорда резко сорвался на крик.

— Они сбежали! Бог мой! — Персия обхватила лицо руками.

— Итак, их не похитили, — со злостью выдавил лорд. — Кто-то да должен что-нибудь знать об этом... что-то заметить!

Грир беспокойно постукивала ногами под столом. Она не намеревалась вмешиваться во все это и привлекать к себе повышенное внимание. Леди Либби не ребенок. И если она пожелала выйти замуж за кого-то еще, что ж, это ее решение.

Явился один из конюхов герцогини, как будто вызванный мыслями Грир. Он нерешительно двинулся к ним и тихонько прокашлялся:

— М-м, мой лорд...

Лорд развернулся к нему.

— Что такое? Говори! — рявкнул он. — Ты что-то знаешь о моей Либби?

— У меня есть известие, милорд, это может пролить свет...

— Говори, что ты знаешь.

Все за столом подались вперед и замерли в предвкушении.

— Ваш конюх, Джон, его нигде нет.

Лицо лорда ничего не выражало.

— Этой ночью он не ложился спать, — добавил слуга.

— Джон, — произнес лорд, в замешательстве выгнув бровь.

Грир, смутно припомнив привлекательного молодого слугу, тут же все поняла. Затаив дыхание, она ждала, когда поймет и лорд. Долго ждать не пришлось.

— Этот чертов ублюдок! — Краска снова залила его лицо.

— Держите себя в руках, сэр. За столом присутствуют дамы! — Виконт вскочил на ноги.

Лорд не обратил внимания на виконта. Ревя и извергая проклятья, он вылетел из оранжереи и потребовал подать экипаж.

Потрясенное общество сидело в молчании, пока шуршание лавандовых юбок внезапно поднявшейся из-за стола Персии не нарушило тишину. — Что ж, это было слишком волнующе для столь раннего часа. Пойду поищу герцогиню, может, с ней мне удастся успокоиться... посмотрю, захочет ли она прогуляться.

На краткий миг Персия задержала взгляд на виконте, явно ожидая, что он выйдет из-за стола и составит ей компанию.

Виконт взглянул на нее, потом посмотрел на Грир. Наверное, мысленно выбирал между тем, как ему следует поступить, и тем, как он поступить хотел. Как бы ни привлекала его Персия, за ней, по всей вероятности, не давали необходимого приданого. Виконт неуверенно улыбнулся, словно извиняясь, и снова опустился на. Значит, выбрал долг.

— Приятной прогулки, мисс Трамгуди, — выдавил он.

Грир сдержала вздох, прямо сейчас она хотела, чтобы виконт просто последовал своему желанию.

На миг Персия сморщилась — не смогла сразу скрыть душевную боль. Потом резко вздохнула, отчего всколыхнулась очаровательная грудь, скромно прикрытая корсажем утреннего платья, и быстро засеменила прочь. Очевидно, к ней возвратилось рвение рассказать последние сплетни.

На губах Грир появилась улыбка. Девушка без сомнения желала первой поделиться такой новостью с самой высокородной дамой из присутствующих в этом доме.

Следом поднялась Мариэль.

— Думаю, мне следует проведать дедушку и узнать, возможно ли вернуться домой сегодня. Накануне вечером он выглядел немного ослабевшим. Обычно от избытка деревенского воздуха у него начинается насморк. Боюсь, жизнь в деревне не подходит для такого хрупкого организма. — Она нервно потирала ладонью пухлую ручку, как будто намекая, что также не очень хорошо себя чувствует.

Грир чуть не закатила глаза. Мариэль выглядела самым воплощением пышущего здоровьем.

— Не представляю, как герцогиня может задерживаться здесь так долго. Возможно, мне удастся убедить ее вернуться в город. Я так беспокоюсь за нее. Жить в деревне зимой. В городе намного теплее.

Грир больше не могла сдерживать усмешку. Им просто не сиделось в глуши. Одна из самых богатых наследниц Лондона сбежала с конюхом отца. Такое событие! Конечно, не стоит тратить время понапрасну, сидя здесь и скрывая эту пикантную новость. Похоже, прием герцогини подошел к скорому завершению. Куда важнее оказаться среди первых, кто сообщит о произошедшем скандале обществу.

Грир с изумлением смотрела, с какой быстротой полненькая Мариэль покинула оранжерею: явно намеревалась найти герцогиню раньше Персии.

— Итак, — беззаботно произнесла Клео через минуту, — кажется, мы вернемся в город раньше, чем собирались.

Джек поднял голову от тарелки.

— Хм, почему это? — спросил он, хлопая темными глазами. — Зачем нам возвращаться раньше?

Клео придвинулась ближе и легонько коснулась его рукава.

— Думаю, прием вот-вот закончится.

— Полагаю, неважно, где мы проводим время, пока вы обе возвращаетесь в Свете, — проворчал он и вернулся к еде.

Горечь негодования разлилась в груди и подступила к горлу Грир. Щеки обожгло жаром и защипало. Джек заботился лишь о том, чтобы выдать дочерей замуж и занять свое место в обществе. В последнее время ее иногда посещали мысли, что он действительно заботится о ней. Что судьба сжалилась, подарила второй шанс и дала отца, который, несмотря на суровую наружность, на самом деле ее любил.

Грир стало душно, захотелось на свежий воздух. Она отложила ложку и поднялась.

— Прошу меня извинить.

Клео попыталась подбодрить ее улыбкой. Неизбалованной отцовской любовью сестре намного лучше удавалось выносить Джека.

Грир кивнула и, шурша юбками, быстро зашагала прочь.

Она выскользнула из дома через заднюю дверь и поспешила к конюшням по тропинке, по которой ходили слуги. Растирая руки, Грир пожалела, что не захватила плащ. Возвращаться не хотелось, так как был велик риск натолкнуться на кого-нибудь из гостей, поэтому она ускорила шаг, чтобы быстрее оказаться под крышей конюшен.

Там она остановилась на пороге и стала вдыхать успокаивающие ароматы земли, кожи, сена и лошадей. Все было знакомо и несло покой. Напоминало о доме, оставленном позади.

Грир медленно двинулась внутрь, прошла по широкому проходу между стойлами, и ей тот час же стало лучше. Тревога ушла. Красивый жеребец высунул голову над дверцей и заржал, приветствуя посетительницу, когда та проходила мимо. Она шагнула назад, чтобы погладить его черную шею. Конь тихо ржал от удовольствия, и Грир, воркуя, продолжала гладить его бархатистую шкуру.

— Ну разве ты не красавец? — шептала она. — Такой чудесный мальчик, м-м-м?

— Никогда не думал, что буду ревновать к лошади.

Грир резко обернулась.

За спиной стоял Сев. Щеки разругались от морозного зимнего воздуха, иссиня-черные волосы смешно растрепаны ветром. Принц так возвышался над Грир, что у нее в животе затрепетало.

Она снова принялась поглаживать шею коня, изо всех сил стараясь не показать, насколько взволнована внезапным появлением его высочества. А учитывая, что все мысли занимали переживания о прошлой ночи в его спальне, скрыть волнение было непросто.

— Насладились верховой прогулкой? — спросила Грир. Голос словно и не принадлежал ей — таким слабым и задыхающимся казался.

Сев не ответил, не поддержал разговор, лишь подошел ближе, не отрывая пронзительного взгляда, опасного и хищного. Молчание беспокоило гораздо сильнее, чем любые его слова.

Грир отступала к стойлу, пока не уперлась в дверь и не смогла двигаться дальше. Принц же продолжал надвигаться.

Нервно похлопав себя по боку, Грир запуталась рукой в складках юбки. Она начала отчаянно оглядываться по сторонам. Никого. Ни один конюх не притаился в многочисленных стойлах. Ни единой души. Они с Севастьяном одни. По крайней мере пока.

Внезапно она словно перенеслась в прошедший вечер. Только на этот раз собиралась не убежать, а вести себя смелее. Собиралась получить желаемое. Получить Севастьяна.

Они бросились друг к другу и слились в пылком союзе жадных рук и губ.

В яростной встрече уст Сев навалился на нее, прижимая к дереву, так что планки стойла стукнулись. Грир каждой клеточкой ощутила тепло твердых мышц, когда он прижался к ней всем телом.

Она пропустила через пальцы его волосы, наслаждаясь темными шелковистыми прядями, такими же холодными, как завывающий снаружи ветер, почти ледяными — но это никак не остудило ее пыл.

— Грир, — простонал Сев, прокладывая дорожку поцелуев к ее горлу.

Она вздохнула, подставляя шею, закрыла глаза и забыла обо всем на свете. Сейчас есть только он. Только она.

Резкий мужской голос рассек воздух, и Грир вздрогнула. Кто-то приближался.

Она легонько ударила Сева в плечо, чтобы он остановился.

Принц отстранился и, тяжело дыша, оглядел Грир нетерпеливым и голодным взглядом. Рассерженный голос приближался.

Дрожащей рукой пригладив корсаж, Грир посмотрела на Севастьяна широко раскрытыми глазами. Она затрепетала от обещания, которое прочитала на его лице, обещания, что это еще не конец. Что будет продолжение.

— Проклятье, мелюзга, ты умственно отсталый? У тебя из-под носа увели трех лошадей, а ты ничего не заметил?

— Простите, мой господин. За всю ночь я не слышал ни звука.

Граф и конюший бок о бок поспешили по проходу между стойлами. Слуга следовал за ними в нескольких шагах позади, словно хотел держаться подальше от сердитого хозяина.

Мальчишка с медными волосами, похоже, не понимал, что ему грозит. Он непрестанно

бормотал извинения, что спал всю ночь и не проснулся, когда леди Либби со своими пособниками стащила трех лошадей из конюшен вдовы.

Бушующий граф наконец потерял контроль. Он повернулся к пареньку и затрепачной свалил того на землю.

Грир придушенно вскрикнула, когда доходяга пролетел около метра и приземлился на бок. Паренек сморщил от боли лицо, свернулся в клубок и обхватил руками тощую грудь.

Грир метнулась вперед, склонилась над ним и нежно коснулась плеча.

— Сильно ушибся?

— Оставьте, — пробрюзжал граф. — Его нужно проучить. Будет знать, что случается, если относиться к своим обязанностям спустя рукава.

Грир подняла на него гневный взгляд:

— Вы подлец! Он всего лишь ребенок.

— Не суй свой нос в чужие дела, женщина, и следи за языком, когда обращаешься ко мне. Радуйся, что тебя сюда вообще пригласили.

Сев низко прорычал:

— Не грубите мисс Хадли.

Лицо мальчика вспыхнуло одновременно от боли и смущения, пока он силился встать. Он поднял подозрительно влажные глаза на своего обидчика:

— Дочка сбежала с конюхом, оттого-то вы и злитесь!

Граф выпучил глаза.

— Ты, наглый щенок! — Он бросился на мальчишку, намереваясь ударить того наотмашь.

Грир вмешалась и загородила собой паренька.

— Вы больше не причините ему вреда.

Граф потряс толстым, как сосиска, пальцем у нее перед лицом:

— Я тебя предупредил...

Прежде чем он успел закончить фразу, Сев двинулся вперед и ловким ударом кулака в лицо сбил графа с ног. В конюшне раздался хруст ломающегося носа.

Граф с глухим стуком приземлился на зад.

У Грир челюсть отвисла. Она что, только стала свидетельницей, как Сев ударил джентльмена в защиту слуги?

— Зачем вы ударили? — придушенно вскричал граф. Хоть он и зажал пострадавший нос, струйки крови просачивались между плотно сжатых пальцев.

Сев пожал плечами:

— Никогда не нравились мужчины, запугивающие детей и женщин.

— Что ж, тогда можете забыть о руке моей дочери!

Сев тихо усмехнулся.

— Даже если бы я все еще намеревался жениться на вашей дочери, она, вероятно, на пути в Гретну, чтобы выйти замуж за вашего же грума.

— Я аннулирую этот брак! — закричал граф.

Сев снова пожал плечами и взял Грир за локоть.

— Что вы будете делать, меня не волнует — разве что снова станете бить какого-нибудь слугу в моем присутствии или так неуважительно разговаривать с мисс Хадли.

У Грир закружилась голова. С чего принцу волноваться, как к ней обращаются остальные?

— Парень, ты как, поправишься? — спросил Севастьян мальчика, таращившегося на него с обожанием.

Тот закивал рыжеволосой головой.

— Благодарю вас, милорд.

Сев взъерошил парню волосы.

— А теперь дуй отсюда.

Все еще пораженная тем, что только что развернулось на ее глазах, Грир смотрела, как мальчик резво понесся на тонких как прутики ногах.

— Пойдем! — Сев схватил ее за локоть. Прикосновение было легким, но обжигающим. Через ткань платья она ощущала отпечаток каждого пальца.

Увлекаемая принцем прочь, Грир напоследок оглянулась на графа. Он все еще неуклюже лежал на земле, зажимая рукой кровоточащий нос, и в полном замешательстве смотрел им вслед.

— Почему ты вступился? — прошептала она, когда они прилично удалились от конюшни.

— Никто не должен так обращаться с другим человеком. А кто это — слуга или король, — меня не волнует. Ни у кого нет таких привилегий, чтобы просто из прихоти избивать другого.

Она скользнула по Севастьяну взглядом, изучая неподвижное, решительное выражение. Что-то ослабло в груди, и Грир по-настоящему запаниковала, когда поняла, что принц совсем не такой, каким она его считала. В эту минуту она его любила. Даже восхищалась.

Зайдя в дом, она попыталась высвободить руку. После такого открытия Грир поняла, что теперь нужно еще старательнее избегать принца.

Кровь прилила, а затем схлынула с лица.

У принца не только восхитительная, притягательная внешность и гипнотический голос. Он к тому же...

Пульс бешено забился на шее.

— Я... мне нужно идти. Сестра... ждет.

Сев отпустил ее и скрестил руки на широкой груди, глядя своим завораживающим взглядом.

Грир попятилась, в тревоге заламывая руки, туфли заскользили по мраморному полу фойе.

— Мы договорились... встретиться, — неубедительно продолжила она.

Принц по-прежнему молчал, лишь пожирал ее своими золотистыми глазами — казалось, он видел насквозь все ее хитрости.

Бормоча слова прощания, Грир подняла юбки, развернулась и застучала туфлями по ступенькам. Она даже удержалась и не оглянулась на Севастьяна еще раз.

Сев смотрел, в какой спешке Грир взбежала по лестнице — аж юбки взметнулись, — и понимал, что она спасалась от него бегством. Наблюдая за ее уходом, он хмурился.

Кое-что изменилось.

Она глядела на него чуть ли не с ужасом в глазах. Прежде в них всегда таилась насмешка, даже презрение. Ну, кроме случаев, когда он целовал ее: тогда они были затуманены желанием.

Но сейчас во взгляде Грир появилось совсем другое выражение.

Севастьян прочел лишь панику в блестящих темных омутах — словно она только что столкнулась со смертельно опасным хищником, готовым броситься на нее в любую секунду. Грир на него смотрела, словно увидела в нем угрозу.

Возможно, так и есть.

Не вызывало сомнений лишь одно: он не покинет Англию, пока не наладит отношения с Грир Хадли. Пока она не окажется в его постели.

Только тогда, считал Сев, он сможет изгнать ее из своего нутра, где она прочно обосновалась — из самой крови. Только тогда сможет заняться делом и выполнить наконец то, ради чего сюда и приехал.

— Ах, кузен. Вот ты где! А я везде тебя обыскался!

Сев повернулся к Малкольму, приклеив на лицо невозмутимую улыбку, скрывающую внутреннюю сумятицу.

— Правда?

— Похоже, прием подошел к концу. Герцогиня страстно желает вернуться в столицу, чтобы рассказать всем желающим о внезапном отъезде леди Либби.

Сев закатил глаза.

— Ну, конечно. Что может быть важнее?

Малкольма сначала рассмешил сарказм кузена, но тут же отрезвило внезапное понимание, что Сев теперь лишился главной претендентки в невесты.

— Бог ты мой. Но тогда охота на невесту начинается сначала?

Сев понял это сразу, еще рано утром, когда граф подходил с расспросами. Но почему-то совсем не расстроился, хотя и должен бы.

Он впустую потратил неделю, добиваясь дочери графа. С другой стороны, Севу необходимо удовлетворить непреодолимое желание, вызванное мисс Хадли. Может, тогда он сможет двинуться дальше — забыть Грир и вспомнить, зачем приехал в Англию.

— Похоже, завтра все разъедутся.

Слова кузена зарядили в него стрелой паники.

— Так скоро? — спросил он резче, чем намеревался.

Завтра все гости уедут.

Завтра они не будут с Грир в стенах одного дома, она уже не будет так близко.

— Сев? — Малкольм сдвинул рыжие брови. — Что-то не так?

— Нет. — Он покачал головой. — Это наш последний вечер на прекрасном деревенском воздухе. Я буду скучать по нему, когда мы вернемся в город, — солгал он.

Переполненный решимости, принц хлопнул меньшего товарища по спине.

— Давай проведем последний вечер здесь с толком.

Каждую минуту.

Грир водила щеткой по волосам, пока кожу головы не начало саднить. Большинство гостей вдовы разошлись рано, сразу после ужина. Перед долгим днем дороги — несколькими долгими днями, если точнее, — им всем нужно было отдохнуть.

Скользнув под одеяло, Грир натянула тяжелые покрывала до подбородка и устроилась в центре кровати под балдахин. Вздохнув, перевернулась и помяла подушку кулаками. Остаться в поместье герцогини не хотелось, и вовсе не из-за отвращения к столичной жизни.

Все из-за него.

Живот Грир скрутило узлом от осознания, что она никогда снова не будет так близко к принцу. Больше никаких словесных перепалок. Никаких жарких взглядов.

Не будет и поцелуев украдкой.

Она глубоко вздохнула и сказала себе, что это к лучшему. Особенно учитывая новое потрясение: влюбиться в принца! Вообще-то, Грир все еще пыталась сопротивляться. Но он не просто красавчик. Надменный лоск был показным. Щитом, за которым скрывался справедливый и великодушный человек с прекрасным чувством юмора. А как он целовался...

Грир слепо — вокруг темно хоть глаз выколи — смотрела перед собой, сложив руки на животе и пытаясь привести в порядок мысли.

Она не видела Севастьяна целый день. Принца не было и на ужине, что одновременно приносило облегчение и разочарование.

Опуская руку ниже, Грир погладила холмик живота. Ладонью ощутила мягкую ткань ночной рубашки. Вспомнила, как они с принцем были наедине в его спальне, в конюшне... как бесстыдно их губы сражались друг с другом. А что если бы она уступила? Если бы возлегла с Севом?

Мысль, что завтра она увидит его в последний раз, принесла невыносимое страдание. Она продолжит охоту на мужа, а он — поиски невесты. Тоска до боли переполнила сердце, и Грир не могла ни подавить, ни отрицать ее.

«Я буду скучать по нему», — промелькнуло в голове. Затем сразу последовал вопрос, такой же неуместный: «Почему он не мог выбрать в жены меня?»

Грир бросило в жар, стоило только задуматься о ночах с Севастьяном, о свободном времени, которое они могли посвящать друг другу. Нахмурившись, мечтательница попыталась потушить жар ушатом холодной действительности. Он принц. Ничто не может изменить это обстоятельство. Как правило, такие как она с ним вообще не пересекаются. Грир не позволит себе окончательно влюбиться. Сумеет сохранить самообладание.

Занавески на балконе поднялись от слабого дуновения ветра. Дверь с тихим скрипом открылась.

Задержав от испуга дыхание, Грир резко выпрямилась в кровати и принялась всматриваться во мрак — и широко распахнула глаза, когда разглядела очертания крупной фигуры. Сердце бешено заколотилось. Она узнала сразу же.

«Он пришел».

Больше книг на сайте - Knigolub.net

От того, что принц отважился перепрыгнуть несколько балконов, чтобы добраться до ее комнаты, голова у Грир пошла кругом.

— Сев? — Голос упал до шепота, она напрягала глаза, силясь лучше рассмотреть лицо посетителя.

Молчание. Она отбросила покрывала и спустила ноги с кровати. Босые ступни бесшумно коснулись пола. Грир направилась к халату, который бросила у изножья кровати, высматривая в темноте очертания Сева.

Откуда ни возьмись, крепкая рука схватила ее за запястье.

— Оставь. Избавляться на одну вещь придется меньше.

По коже побежали мурашки от скрытого возбуждения, вызванного дерзкими словами. Невозможно было неправильно понять их смысл или цель визита принца.

Грир открыла было рот, чтобы дать резкий отпор, ответить как следует, но слова никак не сходили с губ. Сев обрушился на ее рот, и протест умер где-то в горле.

И тут ее прорвало. Запутавшись в волосах мужчины, она притянула его голову ближе, углубляя поцелуй и отвечая на выпады языка. Севастьян теснил ее, пока не довел до кровати.

Сев прервал поцелуй. Грудь Грир вздымалась и опадала от неровного дыхания. В устремленных на нее глазах сверкали отблески слабого света в темноте.

— Что ты здесь делаешь? — Она понимала всю бессмысленность вопроса, учитывая, что он уже задрал ее сорочку до бедер.

— Думаю, ясно что. — Одним быстрым движением он стащил сорочку через голову. Ночной воздух коснулся обнаженной кожи, и Грир задрожала. — Заканчиваю начатое, — выдохнул он ей в висок, всколыхнув прядки волос.

Хоть сердце вырывалось из слишком тесной груди, Грир умудрилась что-то согласно промычать. Она желала принца каждой клеточкой. Нуждалась в нем. Кроме разделенной с ним страсти, ей ничего не останется.

Она воспользуется минутой и никогда не станет сожалеть.

Обхватив руками под ягодицы, Сев высоко поднял Грир и прижал к твердой эрекции. Погладил округлую попку, скользнул ладонью ниже, и дразнящие пальцы добрались ко входу в лоно. От такого интимного прикосновения из горла Грир вырвался стон.

Затем Сев опустил ее, накрыл своим телом и прижал к кровати. Грир по наитию раздвинула ноги шире, позволяя ему устроиться глубже. Страх не было, только желание. Уста слились в горячем, влажном единении губ и языков в крепком, долгом, глубоком, пьянящем поцелуе.

Плотину наконец прорвало, и Грир отпустила себя, перестала отказываться получать удовольствие от губ Сева, вкуса языка, рук на теле. Даже без брака, без любви Севастьяна она хотела быть с ним, обладать, пережить «это».

Непередаваемое чувство свободы, могущества нахлынуло на нее, и руки уже сами вспорхнули к брюкам принца. Следуя внутреннему зову и глубокому желанию в бушующей крови, Грир крепко обхватила ладошкой его длинное напряженное естество.

Судя по одобряющему стону, Севастьяну понравилось. Она задержала дыхание от ощущения шелковистой плоти под пальцами. По Севу волной пробежала дрожь, передавшаяся и Грир, когда она погладила его — медленно, поначалу нерешительно, затем уверенней провела по всей длине, отчего дыхание принца стало тяжелым. Ее собственное частое дыхание стало прерывистым, воздуха стало не хватать.

Грир понравилось, как Сев низко застонал, когда она провела большим пальцем по головке члена и ощутила выделившуюся капельку влаги на кончике.

— Что ты со мной делаешь? — Сев зарылся рукой в ее волосы и притянул к своему рту

для жаркого поцелуя.

В это время она продолжала работать рукой, трогая, поглаживая, лаская и изучая ту часть, что завораживала и подпитывала ее голод.

Оторвавшись от принца, Грир ладонями толкнула его в грудь. Он спиной упал на кровать. На секунду Грир нависла над ним, жалея, что не может рассмотреть великолепие его тела в темноте спальни. Придется напрячь память.

Неуклюже от волнения она стянула с Севастьяна рубашку, радуясь, что он уже избавился от остальной части своего одеяния.

Проследила бугры мышц вдоль живота, каждую черточку торса. Опустив голову, она языком проложила дорожку вниз по крепкой груди и ниже, пробуя, следуя тонкой линии волос от пупка.

Грир остановилась, неуверенно нависнув над Севом.

Шумно дыша, он поощрил ее:

— Возьми меня в рот.

Сжав член одной рукой, она запечатлела на кончике поцелуй.

— Грир, — пророкотал принц голосом, который Грир никак не ожидала от него услышать. Этот голос показал, какой Сев уязвимый. Потерянный. Полностью в ее власти. Ее это взбудоражило. Пробудило и подстегнуло, как ничто прежде не могло. Медленно, словно перед ней самый прекрасный плод, который она когда-либо пробовала, Грир облизнула вздымающуюся плоть.

Севастьян дернулся, словно от боли.

Грир убрала руки, повернулась к опирающемуся на локти Севастьяну и взглянула в устремленное к ней во мраке лицо.

— Тебе больно?

В ответ он сомкнул свои теплые ладони на ее руках. Грир и вздохнуть не успела, как уже оказалась на спине под Севом.

От ощущения их нагих тел, скольжения гладкой обнаженной кожи у нее перехватило дыхание. Воздух застрял в горле, когда она почувствовала его грудь своей. Сев опустил темноволосую голову и прошелся горячими губами вниз по ее выгнувшейся шее.

Большая ладонь накрыла грудь, и Грир откинула голову на подушку. С губ сорвался всхлип.

Она тихо взмолилась о пощаде. Чтобы он прекратил... чтобы никогда не останавливался.

Грир дернулась, когда Севастьян в первый раз прикоснулся губами к ее груди — и замерла, потрясенная ощущениями, волной прошедшими по телу, когда он втянул вершинку глубоко в рот.

Сильное желание завязалось внизу живота. Она перебирала пальцами волосы любовника, извиваясь под ним с нарастающим разочарованием, нуждаясь, желая, жаждая, стремясь к чему-то большему.

Сев просунул теплую руку к ногам Грир и умело скользнул между дрожащими бедрами.

— Я мечтал об этом, Грир. Мечтал о тебе, — прошептал он ей в грудь, поглаживая и нажимая большим пальцем на укромное местечко, о существовании которого Грир и не догадывалась. Она выгнулась, трепеща в его объятиях.

Принц приблизил свое лицо.

— Я не могу больше ждать.

Грир кивнула, онемев, слишком слабая от опустошающих тело спазмов.

И тогда он глубоко ворвался в нее до самого упора.

Она охнула от сильного давления. Должно было быть больно, возможно, и было. Крупная плоть пульсировала внутри, но эта пульсация так перекрывала собой саднящую, сжимающую боль, что Грир стало все равно. Она чувствовала себя цельной, наконец завершенной.

Сев обрушился на ее губы с поцелуем, погружаясь в ее тело так глубоко и яростно, что Грир сомневалась, что когда-нибудь станет прежней.

Он брал то, что ему нужно, безжалостно пронзая, и ей было наплевать, потому что она тоже хотела этого. Нуждалась в близости.

Нуждалась в нем.

Она подняла бедра навстречу Севу и закричала, когда он задвигался резче, вцепившись пальцами в ее бедра, словно в спасательный трос — единственное, что прочно удерживало его на земле.

Сердце переполнилось чувствами, даже когда Грир напомнила себе, что Севастьяном движет не любовь. Только похоть.

Тело взорвалось изнутри. Сев проглотил ее исступленный крик, когда глубоко вошел в последний раз и замер. Она сильно вонзила ногти в его гладкие плечи. Сев оперся на дрожащие руки по обе стороны от Грир.

Она изогнула губы в печальной улыбке. Эта ночь будет ее тайной.

Скоро они вступят в брак с кем-то другим. Скоро Сев уплывет домой. А она всю жизнь будет беречь воспоминания об этой ночи.

Грир довольствуется ими. Постарается.

Дело в чем-то большем, чем похоть.

Сев понял это в тот самый миг, когда ощутил под собой дрожь Грир, почувствовал, как она дернулась и выгнулась в оргазме.

Собственная кульминация не заставила себя ждать и была очень яркой. Он упивался ощущениями, когда изливал в нее свое семя. Даже понимая, что это безумие, что он должен выйти из ее тела и излиться на простыни. Ничто не могло оторвать его от восхитительного тела, несмотря на риск.

Только осознав случившееся, Севастьян признал, что всего одного раза ему мало.

Впервые за многие годы он захотел чего-то для себя. Ему нужна Грир.

— На что она похожа? Малдания? — спросила Грир много позже. Нежась, как кошечка на солнышке, она вытянулась на теплом теле Сева. Легонько водила пальцами по гладкой коже его крепкой груди. — Скучаешь по ней?

— Да.

Она улыбнулась, получая удовольствие от хриплого голоса, грохотавшего в груди, на которой устроилась щекой.

— Я скучаю по Уэльсу, — доверительно зашептала Грир. — Там зелено до боли в глазах Ветра другие. Воздух пахнет свежестью и молодостью. — Она хрипло усмехнулась. — Кажется, я говорю бессмыслицу.

— Я понял. Малдания подходит под твоё описание. Зеленые холмы и горы. Леса такие дремучие, что, когда едешь через них, ощущаешь себя единственным человеком на земле.

— Знакомое чувство.

Сев запустил руку ей в волосы и стал гладить, вытаскивать, а когда цеплялся за спутавшиеся пряди, начинал по новой.

— Брат научил меня рыбачить и охотиться в тех лесах.

— Расскажи о брате.

Грудь под Грир поднялась от глубокого вздоха.

— Ему предназначено было стать королем. Не мне. Я был всего лишь про запас. Это я должен был умереть. Мое отсутствие ни на ком бы не отразилось.

У Грир сердце сдавило от его слов. На ней бы отразилось. Поняв это, она пришла в ужас. Прожить жизнь и никогда не узнать Сева. Не познать той близости. Никогда не обладать им. Какие мучительные мысли.

— Не верю. Это неправда. Еще как отразилось бы...

— Ты такая милая. — Сев поцеловал ее в лоб. — Но мой брат был важен. Я — нет. Он родился для определенной роли, и ему все время прививали знание, кто он и кем должен стать. Во мне возникла необходимость только после его смерти.

— Его убили во время войны?

— Да.

— Уверена, все просто счастливы и испытывают облегчение, что у них есть ты.

— О да. — Грудь под щекой напряглась. — Уж будь уверена. Именно это они говорят мне каждый раз, как подвернется возможность.

— Они?

— Мой дед, консул, народ, когда я прохожу по улицам. Все они вздыхают с таким «облегчением» и просто очень счастливы, что у них есть их крон-принц.

Крон-принц. Не Севастьян.

И тут Грир поняла. В эту секунду все стало ослепительно ясно. Она поняла, в чем причина строгости Севастьяна, отсутствия в нем легкости. Он не мог распоряжаться собственной жизнью. Не имел права на эмоции. Он принадлежал Малдании.

Внутри Грир поселилась пустота от понимания, что Сев никогда не будет принадлежать ей... и да, в сердце уже начало закрадываться желание быть с ним. А принц не мог принадлежать ни одной женщине, поскольку принадлежал Малдании.

Грир изо всех сил пыталась найти слова, что-то обнадеживающее.

— У тебя есть цель. Это должно чего-то стоить. Ты можешь сделать много хорошего стольким людям. — Даже собственные слова вызвали лишь оцепенение внутри. У Севастьяна есть цель в жизни. А у нее нет никакой возможности быть с ним.

— Знаю, — сказал он мрачно, но не менее решительно. — Потому-то я и здесь.

— В Англии то есть? — Ну не ради нее же, конечно. Было бы глупо думать, что он имел в виду ее, Грир.

— Чтобы дать своей стране новое дыхание, я должен жениться.

Повисла неловкая тишина. Все изменилось. Нежная близость начала рушиться.

Пальцы Грир на груди Сева замерли. Если брак с богатой достойной женщиной был его замыслом, тогда что он делает здесь с ней? Тратил время...

Грир не сомневалась, что мысли принца повторяли ее собственные. Причиняли боль, но были честными. Пусть у нее есть нужное Севастьяну состояние, но она не королева, которую он ищет. Грир начала отстраняться.

Одним быстрым движением Сев повалил ее на спину. А когда скользнул мускулистыми бедрами между ее ногами, у нее перехватило дыхание.

— Что ты делаешь? — спросила она дрожащим от желания голосом.

Севастьян ответил твердым, решительным взглядом.

— Думаю, это очевидно. — Он чуть толкнулся головкой в ее шелку. — Ты пыталась ускользнуть.

— А это должно меня удержать? — Вместо голоса вышел какой-то хрип.

— Ты мне и скажи. Удержит? — Он неглубоко погрузился в нее и снова вышел.

Грир хныкнула от мучительного разочарования, подняла руки к его гладким плечам и впиалась в них пальцами.

— Пожалуйста, — молила она.

— Пожалуйста, что?

Вершинки грудей превратились в твердые горошинки, и от тяжелого дыхания Грир более чем возбуждающее терлись о грудь Сева. Он же, перенеся вес на локти, снова чуть проник в нее, лишь кончиком. Грир в агонии замотала головой на подушке.

— Возьми меня.

«Возьми меня».

Он хотел. Господи, хотел взять ее. Брать снова и снова. Вот в чем загвоздка.

— Грир, — начал он, решительно настроенный сделать так, чтобы сегодняшняя ночь не стала последней... и продлить отношения на все время, что он пробудет в Англии. Нужда снова обладать ею жгла изнутри. Сев не собирался разбираться, почему. Неважно, почему. Грир просто... нужна ему.

Он должен обладать этой женщиной снова, так часто, как сможет. При любом случае. Даже если придется самому выдумывать эти самые возможности.

— М-м-м? — Она со стоном выгнулась под ним. Даже в темноте Сев заметил горячее желание во взгляде.

— Я хочу снова встретиться с тобой. В Лондоне.

На это предложение Грир широко раскрыла глаза, и Сев понял, что завладел ее вниманием.

— Не представляю, как нам встретиться. Разве что на светских мероприятиях, которые мы оба посетим.

— Это возможно. Я могу все устроить.

Он увидел, как сверкнули белые зубы — Грир прикусила губу.

— Не знаю.

Она толкнула его в плечо, намереваясь высвободиться.

— И что из наших встреч выйдет?

Он притащил ее обратно, крепко поцеловал и отпустил, только когда они оба стали задыхаться и цепляться друг за друга.

— Это, — пророкотал Сев и, скользнув под нее ладонями, снова раздвинул бедра. Одним плавным движением он проник во влажное тепло. Она выгнулась под ним дугой, встречая вторжение одобрителем стоном. — И это.

Грир вскрикнула и распласталась на кровати, а Сев такое с ней творил: брал глубокими, неторопливыми толчками, поднимал бедра выше, пока не нашел место, от прикосновения к которому она снова достигла вершины. И снова вскрикнула, а любовник заглушил крик губами. Сжав внутренние мышцы, охватывающие член, Грир и Сева привела потрясающему освобождению.

Ослабевшие, они повалились друг на друга, не разъединяя объятий и тяжело дыша. Несколько минут оба не шевелились, слишком измотанные и переполненные.

— Оставляю заботу о следующих встречах на тебя, — наконец сказала Грир шепотом. — Знаю, мы должны покончить со всем сегодня ночью, прежде чем попадемся и по-настоящему разрушим мою репутацию, но я уже не настолько уверена, когда дело касается тебя. Так что, если ты захочешь встретиться снова... — Она замолчала, не в силах говорить дальше.

— Да, мы должны. — Севастьян крепче сжал Грир заталию, словно кто-то грозился ее украсть.

Он знал, что глупо чувствовать такое притяжение к Грир Хадли. Уйма женщин делили с ним постель прежде, и никогда он не чувствовал такое... такое желание, глубокое притяжение, такую нужду. Особенно после секса.

Секс был весельем. Физическим расслаблением. Как правило, после того, как Севастьян добивался женщины в постели, после удачного завершения охоты, интерес иссякал.

Что-то подсказывало, что в случае с Грир такого не будет. Он никогда не устанет от нее.

Ее тихий вздох пощекотал щеку.

— Теперь ты должен уйти?

— Нет. Я дождусь, когда ты уснешь. — И покинуть ее будет не так тяжело. К сожалению, эта минута так и не наступила, и Сев сомневался, что когда-нибудь наступит.

За час до рассвета он тихонько ушел, оставив Грир во власти сновидений.

***

У нее есть любовник.

Грир сидела в карете рядом с Клео, и в голове постоянно крутилась одна и та же мысль. Напротив растянулся Джек и громко храпел во сне, что очень кстати: не придется выслушивать напоминания, что по возвращении в столицу нужно возобновить поиски мужа. Грир сильно прикусила губу, чтобы боль отвлекла от тошноты, просыпающейся при мысли о

поисках мужа, о возможности пустить другого мужчину в свою постель, в свое тело. Желчь внезапно подкатила к горлу, и Грир отвернулась к плотно затянутым занавескам, словно могла разглядеть за ними что-то интересное.

Все гости вдовы разом отбыли в Лондон и при отъезде составили своего рода караван. Изредка Грир отодвигала бархатную занавеску, чтобы быстренько взглянуть наружу, притворяясь, что всего лишь любуется сельскими видами, на самом же деле искала глазами Сева верхом на жеребце. Несколько джентльменов ехали рядом с экипажами. Грир жаждала тоже сесть в седло. Еще одна причина ненавидеть рамки этикета.

— Задерни шторы, дует. — Джек разлепил глаза, только чтобы пожаловаться, и тут же повернулся на подушках и засопел.

Грир отпустила занавеску и откинулась на подушки. Мыслями она уже была на постоялом дворе, где им предстояло остановиться вечером. Сердце зачастило, когда она представила, что может увидеться с Севом снова.

Она не ждала, что им удастся урвать мгновение наедине... но просто снова увидеть... порадовать взгляд его видом, от которого в животе порхали бабочки и до боли сжималось сердце от волнения. Все пошло кувырко. Как она позволит другому джентльмену ухаживать за собой, когда только и могла думать, что о наследном принце Малдании в своей постели, занимающимся с ней чем-то греховным, бесстыдным, непристойным? Нужно положить этому конец немедленно. Такие размышления не приносили ничего, кроме душевной муки.

Садясь в экипаж утром, Грир мельком увидела Сева, но этого было достаточно: один взгляд его золотистых глаз, и лицо запылало от нахлынувших воспоминаний о прошлой ночи — завершившейся всего несколько часов назад.

При взгляде на него щеки заалели. Как следует вести себя в его присутствии, чтобы не вызвать подозрений? Клео точно заметит первая.

Прошлой ночью, поддавшись слабости, Грир согласилась на связь. Сможет ли сегодня найти в себе силы сказать ему, что это неправильно? Что по глупости поддалась страсти? Она вздохнула, пытаясь разобраться в мыслях.

— Устала? — подала голос Клео.

Грир кивнула:

— Да. Немного.

Сестра раздвинула занавески со своей стороны.

— Скоро остановимся на постоялом дворе. Уже смеркается.

Грир согласно кивнула, тугой комок застрял в горле, чего она не должна была ощущать.

Чем больше придется сталкиваться с Севом, тем больше она станет привязываться, пока окажется невозможным отдалиться, не разбив себе сердце.

Она откинулась на сиденье и запрокинула голову. Скоро они прибудут на место, и Грир найдет в себе силы сказать принцу, что ошибалась. Что они не могут продолжить роман. Их первая ночь была и последней.

***

Гости вдовы заняли все столы в гостинице. Пока посетителей размещали, Грир стояла

перед огромным камином и протягивала озябшие руки к уютному теплу, чтобы согреться.

Сама вдова сидела на стуле с твердой спинкой и жаловалась на ноющие мышцы и предстоящий долгий путь до Лондона.

— Я слишком стара и не выдержу путешествие. Это мучение.

— Никто не предлагал вам возвращаться в столицу, бабушка, — протянул герцог со своего места подле нее, одну руку заложив за спину, другой опираясь о стул. Он выглядел одновременно скучающим и высокомерным. Как Грир могла подумать, что они с принцем похожи?

— И пропустить все волнение, когда узнают, что скандал года произошел под крышей моего собственного дома? Ну уж нет.

Горничная приняла у служанки чашку шоколада и передала вдове. Она приняла чашку, награждая внука взглядом, словно тот потерял разум. Герцог закатил глаза.

Служанка с подносом дымящихся чашек пошла дальше, остановилась возле Грир и предложила ей одну. Грир взяла чашку, радуясь возможности прижать озябшие пальцы к теплой керамике. Осторожно потягивая роскошный, дымящийся напиток, она медленно переводила взгляд, пока не нашла Сева, стоящего у второго камина в нескольких метрах. Как всегда, рядом терся кузен.

Сев взглянул на Грир, словно почувствовал, что она на него смотрит. Оказавшись под его пристальным взглядом, она потянула слишком много напитка и зашипела от боли, когда обожгла язык.

Люди перемещались по комнате. В воздухе разносились обрывки разговоров, но Грир видела и замечала только Севастьяна.

В его глазах она прочитала голод и, чувствуя отголосок того же состояния у себя, задалась вопросом, сможет ли сказать ему, что между ними все кончено.

— Грир!

От неожиданного оклика Грир встрепенулась, словно ее поймали на месте преступления. Она пошарила взглядом по комнате в поисках позвавшего ее человека.

И тут увидела его.

Кружка выскользнула из пальцев и разбилась вдребезги о каменный пол. Вокруг что-то восклицали, но Грир ничего не могла ни сказать, ни объяснить. Только таращилась на мужчину, двигавшегося к ней широкими шагами. Сердце заколотилось, в голове закрутилась одна лишь мысль: что здесь делает Тревис?

— Грир, моя дорогая девочка! Я не могу в полной мере выразить свое облегчение, что наконец нашел тебя!

Грир уставилась на мальчишку, которого знала всю жизнь. Теперь он стал мужчиной — тем самым единственным, с кем она, будучи молодой и наивной, хотела вместе просыпаться. Когда прошло потрясение от встречи, она взглянула на него свежим взглядом и почувствовала... ничего.

Тревис казался меньше, чем ей помнилось. Глаза скорее напоминали бусины, хитрый взгляд бегал. Цвет? Обычный голубой оттенок. Волосы? Также обычного коричневого цвета. Сейчас бывший работодатель производил на нее впечатление чужака, как никто другой.

Наплевав на зрителей, Тревис схватил Грир за руку.

— Я тебя искал.

Ужаснувшись, она помотала головой и безуспешно попыталась вырвать руку. Огляделась. Скользнула взглядом к Севу. Тот больше не смотрел на нее: он убийственно сверлил глазами Тревиса. Грир задрожала от зловещего блеска его золотистых глаз. Никогда она не видела такого выражения у принца, и пришло стойкое ощущение, что таким он выглядел на войне — в глазах сверкала жажда битвы.

В мысли, привлекая внимание, вклинился голос Тревиса:

— Я повсюду разыскивал тебя.

Грир покачала головой.

— Зачем?

Тревис, видимо, не ожидая такого вопроса, огляделся по сторонам. Грир удалось высвободить ладонь и спрятать ее в складках юбки.

— Мисс Хадли? — оживившись от неожиданно развернувшейся драмы, требовательно позвала вдова со своего места. — Кто этот... этот человек?

— Ваша милость. — Грир указала на Тревиса, вынужденная официально его представить. — Это мистер Пауэлл. Мы... жили по соседству в Уэльсе. — Она послала Тревису предупреждающий взгляд, чтобы он не вздумал объявить себя ее бывшим работодателем.

В эту минуту вошел Джек и немедленно воззрился на околачивающегося возле Грир незнакомца. Глаза отца подозрительно вспыхнули.

— Грир, что это значит?

Джек внимательно окинул Тревиса оценивающим взглядом, несомненно, отметив прекрасные плащ и ботфорты. Грир чувствовала, что отец еле сдерживает злость и, похоже, не бросился сразу же на Тревиса только потому, что тот выглядел как джентльмен.

— Мистер Хадли. — Тревис склонил голову, приветствуя Джека с уверенностью человека, убежденного в том, что всего добьется.

«Не всегда, — подумала Грир. — Меня он не заполучил».

— Какая радость, сэр. Немало о вас наслышан.

«Наслышан? Лжец».

— Я так счастлив наконец с вами познакомиться. Надеюсь, вы не возражаете, что я так вас выследил. Я справлялся о вас в столице, и мне сказали, где вы можете быть.

— Мои служащие рассказали вам, где я? — Джек чуть нахмурился. — Похоже, мои

люди не настолько преданны, как я считал.

Тревис неловко прочистил горло. Впервые на его лице промелькнуло беспокойство. Он скользнул снова по руке Грир, словно в поисках утраченной уверенности.

Грир, выйдя из себя, вырвала руку из его хватки.

— Что ты тут делаешь? — Она не потрудилась спрятать досаду. Или недоумение.

Тревис перевел на нее внимание и, самоуверенно подмигнув, медленно растянул губы в широкой улыбке.

Грир моргнула, волнение защекотало нервы: в памяти всплыла эта улыбка и это самое подмигивание, вспомнилось, как они действовали на нее прежде. А сейчас никак не повлияли.

Она тряхнула головой, удивляясь, что когда-то была такого высокого мнения о Тревисе.

Вместо того чтобы ответить на вопрос, он обратился к ее отцу:

— Мистер Хадли, мы можем перекинуться парой слов наедине? — Он скользнул по Грир заговорщицким взглядом — и снова мерзко подмигнул.

Она нахмурилась, крайне озадаченная. Зачем он тут? О чем приехал поговорить с Джеком?

Поначалу казалось, что отец потребует объяснений здесь и сейчас, но затем он обратил внимание на наостривших уши свидетелей.

— Полагаю, да, — буркнул он. — Уверен, нам удастся найти какое-нибудь приватное место, чтобы поговорить.

Джек подозвал служанку и что-то прошептал ей. Грир лишь таращилась на Тревиса и видела, как прошлое столкнулось с настоящим.

Вдруг Джек и Тревис направились к выходу. Грир, не собираясь допускать, чтобы они покинули комнату без нее, подобрала юбки и направилась следом.

Джек не решился возразить, верно угадав ее настроение, когда она задрала подбородок и упрямо посмотрела на него, как бы сообщая, что он не будет беседовать о ней с Тревисом без ее присутствия. Она догадывалась, что затевается.

Хадли пропустил дочь впереди себя, и она пошла по пятам девушки, ведущей их в дальнюю комнатушку. Потребовались все крохи силы воли, чтобы не оглянуться мельком на Сева.

Смотрел ли он на нее? Пронзал ли Тревиса все таким же убийственным взглядом? Скорее всего, да. Благодаря мистическому появлению Тревиса, все глаза были направлены на них. Грир вздрогнула: такое внимание ей совсем нежелательно и ненужно.

Проведя в уютную гостиную, служанка оставила троицу и закрыла за собой дверь.

Грир скрестила руки и повернулась к Тревису.

— Что ты тут делаешь?

— Я здесь ради тебя, конечно.

Она уронила руки и недоверчиво уставилась на него.

— Ради чего?

Тревис выглядел неуверенным.

— Грир, — мягко начал он трогательно обиженным голосом. — Я думал, ты будешь рада увидеть меня, любимая.

Она съежилась.

— Не зови меня так.

Он надул губы, будто слова ранили его.

— С чего ты взял, что я захочу тебя видеть? Я покинула дом. Мой уход с должности не показал, что мне больше ничего от тебя не нужно?

— Кто-нибудь скажет мне, что происходит? — взорвался Джек. — Пока мы тут стоим, стынет превосходная тушенная оленина.

— Джек, это Тревис Пауэлл. Как ты мог узнать от своего человека, когда он разыскал меня, я работала в его имении распорядителем игр.

— О, Пауэлл. Точно, — хрюкнул Джек, недовольно рассматривая Тревиса. — Кажется, это имя мне знакомо.

Тревис щелкнул каблуками и вытянулся, словно находился под прицелом.

— Да, мистер Хадли. Я быстро понял свою ошибку, когда позволил вашей дочери уйти. Больше я ни за что не отпущу ее из своей жизни.

— Ты мне ничего не «позволял». — Грир сжала кулаки по бокам. — Это я, не желая оставаться твоей содержанкой, *решила* уйти. Будешь отрицать, Тревис? Жениться на мне ты побрезговал, но от более интимных отношений не отказался.

На его смуглых щеках проступили еле заметные пятна. Он нервно перевел взгляд к Джеку.

— С моей стороны это было недостойно, признаю. И приношу извинения.

Джек захрипел:

— Ты имел дерзость обратиться ко мне после подобного предложения к моей дочери? Всадить бы в тебя пулю!

Тревис сглотнул.

Грир закатила глаза от такой явной отцовской заботы... а ведь Тревис поступил ничуть не хуже, чем Джек с ее собственной матерью. И тем не менее... на душе потеплело.

Тревис молитвенно сложил ладони.

— Я собираюсь все исправить.

Она снова скрестила руки.

— Неужели? И как же?

— Женюсь на тебе, конечно.

— Женишься на мне? — опять уронила руки Грир.

Джек резко захохотал, трясая головой из стороны в сторону.

— Слишком поздно, парень. Ей предназначена рыбка покрупнее.

Тревис вспыхнул.

— Дома я считаюсь прекрасным уловом.

— Угу, дома. Сейчас же ты в другом пруду.

Он перевел гневный взгляд с Джека на Грир.

— Решение за тобой, Грир. Нам не нужно его одобрение.

Джек вмиг протрезвел, все веселье исчезло из голоса без следа.

— Вообще-то нужно, маленький ублюдок. Если думаешь, что получишь от меня хоть одну монету, то глубоко ошибаешься.

Тревис в таком изумлении захлопал глазами, что Грир все поняла. Все обрело ясный смысл. Он как-то узнал, что она внезапно обрела состояние, и явился за ней по одной-единственной причине.

Грир стала наследницей. И в этот раз оценила свое положение. Вот отчего Тревис так сердился, что аж ноздри раздувались.

— Итак, как ты нас нашел?

Тревис долгую минуту пристально смотрел на нее с недоумением. Или притворился, что не понимал.

Голос Грир снова зазвенел в воздухе:

— Давай. Правду. Как ты нас нашел?

Пауэлл распрямил плечи и посмотрел холодным взглядом. Изнывающий от любви поклонник исчез.

— Преподобный и миссис Холлингз вернулись из поездки в столицу. Кажется, они видели тебя в опере.

Грир невесело улыбнулась и кивнула, припоминая, как наткнулась на эту пару. Особенно запомнились отвисшие рты, когда чета увидела ее в прекрасных шелках.

— Ах, милые Холлингзы. Привезли обо мне сплетни? Пусть все знают, что бастард из Кэринведда стала обладательницей состояния. Как же я не догадалась. — На самом деле сложно было сказать, кто сплетничал больше — преподобный или его жена.

— Парень, она тебе не по зубам. Лучше возвращайся домой, — посоветовал Джек. — Здесь ты себе богатую наследницу не найдешь.

Тревис покраснел.

— Грир, — начал он, — а как же все, что между нами было?

— Знаешь... все уже и забылось.

— Это неправда, — отрицал он, выпятив грудь: явно не верил, что женщина могла его забыть.

Грир смерила Тревиса взглядом.

— Невероятно. Ты правда считаешь, что я с благодарностью раскину тебе объятия?

Он пожал плечами.

— Тогда ты меня хотела...

— То было тогда, Тревис. Сейчас все изменилось. — Грир пошла к двери, открыла ее и повернулась к молодому человеку, на тоску по которому потратила лучшие годы жизни, — и ничего не почувствовала. — Прощай, Тревис. Жаль, что ты зря проделал такой путь.

Лицо Тревиса пошло пятнами.

— Это твой последний шанс. Больше я просить не буду, Грир.

Она вскинула голову и сладко ему улыбнулась.

— Очень на это надеюсь.

С багровыми щеками он пронесся мимо нее и вылетел из гостиной.

Как только Тревис ушел, Грир улыбнулась и расслабила плечи. Внезапно нахлынула сильная усталость.

— Ты как? — грубовато спросил Джек.

Грир подняла на отца глаза, удивленная, что он остался и соизволил спросить, а не помчался расправляться со своим мясом.

Она кивнула.

— Все хорошо. Просто нужно несколько минут.

Джек теребил манжеты, словно ни с того ни с сего ему стало неловко.

— Я считаю, ты сможешь сделать лучшую партию, Грир. С состоянием или без.

Она резко вскинула на него взгляд, не вполне уверенная, что он сделал ей комплимент.

— Спасибо.

— Забудь о нем. Ты найдешь себе лучшего мужчину.

— Я знаю, знаю, — устало вздохнула она. — Кого-то с титулом.

— Ну да. Но, возможно, кого-то, кто также сможет оценить тебя... а не выставленное напоказ приданое. Тебе есть что еще предложить будущему мужу кроме моего состояния.

Грир заморгала, не в силах понять, с чего вдруг Джек Хадли проявляет к ней доброту... отцовскую доброту.

— Да, — согласилась она, изогнув губы в улыбке. — Ему по крайней мере хватило ума скрыть, что он хочет лишь твоих денег.

Джек еще раз кивнул, и теребя на этот раз жилет, прочистил горло:

— Вернись-ка я к столу.

— Приятного аппетита, — пробормотала Грир, и когда Джек уже вышел за порог, добавила: — И... спасибо тебе.

Он оглянулся через плечо, смущенное выражение снова отразилось на лице.

— За что?

— Ты вел себя как отец.

Вспышка чувств разбила грубую маску.

— Я... я и есть твой отец. Нравится тебе или нет.

Она улыбнулась ему и удивилась, насколько легко это вышло.

— Мне нравится.

Он переступил с ноги на ногу, явно не в своей тарелке от похвалы.

— Не задерживайся. Тебе нужно поесть.

Она пообещала скоро прийти.

Кивнув сам себе, Джек покинул комнату.

Грир проследила, как он скрылся из виду, а потом бросилась в гостиную и рухнула в мягкое кресло, уверенная, что провалится в сон и проведет ночь прямо здесь.

— Грир.

Распахнув глаза, она с колотящимся сердцем увидела, как Сев пересекает порог. Она подскочила.

— Сев.

Он остановился перед креслом и, опустившись на корточки, взял ее холодные руки в свои.

— Как ты себя чувствуешь?

Она улыбнулась дрожащей улыбкой, сердце размякло от заботы в его голосе.

— Прекрасно. — Грир опустила взгляд на большие руки, сжимавшие ее собственные. — Прекрасно, несмотря ни на что. — Она выдохнула. И даже испугалась, когда поняла, что сказала правду. Всего минута рядом с Севастьяном — и все проблемы как рукой сняло.

— Кто это был?

Она пренебрежительно отмахнулась, надеясь, что Сев не заставит рассказывать про Тревиса.

— Никто.

— Очевидно, не никто.

— Его зовут Тревис Пауэлл.

— Кто он тебе?

На лице дернулся мускул, вернулся тот темный взгляд.

— Он чересчур фамильярно прикасался к тебе, — хрипло добавил Сев.

— Он никто для меня, — настаивала она. — Давай просто оставим эту тему.

— Откуда ты его знаешь? Что он тут делал? Он по-особенному смотрел на тебя.

— После кончины отца я осталась его егерем. Сюда он приезжал, чтобы убедить меня вернуться.

Севастьян прищурил львиные глаза.

— А почему он этого хотел?

— Считал, что я захочу, — уклонилась Грир, глядя на переплетенные пальцы их рук на своих коленях. Сев сжал пальцы немного крепче, явно недовольный невнятным ответом.

— Грир, — позвал он.

Она вздохнула и продолжила, смягчая смущающую правду.

— Он узнал, что теперь я завидная наследница. Захотел моих денег — точнее, денег Джека. Так же, как любой другой мужчина, оказывающий мне малейшие знаки внимания. — Она фыркнула. — Ну, кроме тебя. Для остальных я просто толстый кошелек.

— Он сделал тебе предложение?

Грир кивнула.

— Только он не обладает необходимым титулом, чтобы подойти критериям Джека... ах да, еще я одного его вида не перевариваю. Это перебор. Тяжеловато при таких обстоятельствах принять предложение подобного человека.

— Я чувствую горечь в твоём голосе. Почему он вызывает у тебя такое отвращение? Этот Пауэлл значил что-то... для тебя?

Грир набрала в грудь воздух.

— Много лет он обещал на мне жениться.

Сев до боли сжал пальцы.

— Ты была влюблена в него?

— Нет! Боже, нет! Он негодяй. А я была неопытной. Мне потребовалось время, чтобы понять, кто он на самом деле. Когда разобралась, я покинула Уэльс. Не могла там оставаться.

— Что случилось?

— Много лет он держал меня на крючке, обещая жениться. — Грир содрогнулась, думая, какой была глупой, раз поверила. Даже когда-то *хотела* Тревиса. — Наконец он признался, что никогда не сможет выполнить обещания. Он сказал мне в лицо, что выше меня по положению и должен жениться на ком-то поприличнее. На ком-то с приданым. — Она негромко засмеялась. — Но также Тревис не хотел меня полностью разочаровывать — и любезно предложил остаться у него распорядителем, если я соглашусь стать его любовницей. Считал, что такая роль как раз для меня. — Грир подняла одно плечо. — Вот тогда я и приняла решение уехать из Уэльса. Джек объявился как нельзя вовремя.

— Ублюдок, — прорычал Сев.

Она пристально посмотрела ему в лицо.

— И почему ты так сказал? Вы не так уж отличаетесь. Ты не предложил мне ничего, кроме места в своей постели. — Грир тут же пожалела о своих словах. Знала ведь, что это неправда. У Севастьяна с Тревисом нет ничего общего. На Севе лежит слишком большая ответственность, чтобы он мог позволить себе взять ее в жены. Она знала также, что нравится ему, и если бы он мог, то рассмотрел бы ее кандидатуру в жены.

Сев заморгал и выпустил ее руки.

— Если таким я тебе представляюсь, почему ты вообще со мной разговариваешь? Почему позволяешь прикасаться к себе?

«Потому что люблю тебя».

Признание ошеломило Грир, поставило все на свои места и испугало. Но она лишь утвердилась в своем мнении, как необходимо поступить. Грир заморгала, борясь с жжением в глазах. Не стоит разрывать отношения со слезами. Нужно покончить с этой связью прежде, чем все запутается еще больше. Прежде, чем уйти станет просто невозможно.

— Хороший вопрос, — ответила она, сжав губы. Как бы ни было невыносимо больно, нужно произнести эти слова. — Нам нельзя продолжать. Ничего не получится.

Каждый миг с Севастьяном был для Грир губительным. Опасным для сердца, по-другому не скажешь. Какой бы болезненный ни предстоял разрыв, если она будет тянуть, то просто не сможет выбраться. Она и так потеряет его. Грир не хотела, чтобы они еще больше страдали. На принце лежит великая ответственность. Он повелевает тысячами людей, правит целым государством. Она не настолько эгоистична, чтобы ставить собственные чувства на первое место.

Словно прикосновение к ней жгло, Сев окончательно выпустил руки Грир и выпрямился в полный немалый рост. Она следила за ним взглядом, будто видела его в последний раз и хотела запомнить. По сути, она не ошиблась. При следующей встрече между ними ничего не будет.

Спустя мгновение на Грир смотрел прежний принц — снова невозмутимый, строгий и бесчувственный.

Она увлажнила губы.

— До свидания, Севастьян.

Долгий миг он не шевелился. Грир затаила дыхание, желая, чтобы он ушел. Желая, чтобы он остался.

Наконец он безмолвно повернулся на каблуках и твердым шагом покинул комнату.

Выдохнув, Грир осталась в кресле, не в силах шевельнуться, словно на несколько секунд окаменела. А на полке часы тиканьем отсчитывали секунды, за которые разобьется ее сердце.

Рыдание сорвалось с губ, Грир обмякла и уронила голову на дрожащие колени. Много времени не потребовалось.

Сев, отмахнувшись от кузена, который звал к столу с остывающим ужином, широким шагом направился к выходу.

Он остановился посреди не закрытого от ветра двора и подставил щеки кусачему морозу, наслаждаясь любым неудобством от холода в надежде, что так отвлечет внимание от ощущения скрученных в узел внутренностей. Может, со стороны он не выглядит сбитым с ног.

Она покончила. С их романом.

С ним.

Сев глубже завернулся в жакет и подумал, что стоило захватить длинное пальто, но не возвращаться же за ним. Сейчас совсем нет настроения с кем-то общаться. Особенно снова ее увидеть.

Принц до боли в зубах стиснул челюсти. Она ушла, когда они только-только стали наслаждаться друг другом. У них просто... начиналось. Что именно, Сев сказать не мог, но не обычная недозволенная, пошлая интрижка, а что-то большее. Впервые в жизни он был собой с другим человеком. Собой. Севастьяном. Не крон-принцем или героем войны. Рядом с Грир он чувствовал себя цельным.

А она уничтожила это парой слов.

Севастьян, помня ее шелковистую кожу, сжимал и разжимал руки по бокам. Он не сделал с ней и половины того, чего желал. Не услышал и половины слов, что хотел услышать из ее уст...

Последняя мысль покорила. С каких пор он ждет от женщины *разговора*... чтобы она излила ему душу?

Сев расцепил руки. Они не закончили. Принц оставил множество романов за плечами и уходил без сожалений и болезненных узлов в животе. Грир — другое дело. Они не все выяснили. Она жестоко ошибается, если думает, что видела его в последний раз.

В эту минуту из конюшен, натягивая перчатки и поправляя на голове шляпу, вышел мужчина. Грум подвел к нему лошадь.

Низкий рык поднялся из горла, когда Сев узнал в незнакомце человека из прошлого Грир. Мужчину, с которым она сравнила его самого. Ничего схожего в них нет. Сев никогда не поступит настолько глупо, чтобы позволить ей уйти, если правда ее хочет. А он хочет.

Она говорила, что не любит того другого, но Севу не очень верилось. Почему тогда неожиданное появление сегодня этого Пауэлла причинило ей такую боль? Поэтому Грир разорвала их с ним, Севом, отношения?

Вид Пауэлла напомнил ей о былой привязанности? Привязанности более сильной, чем любые чувства, которые она питала к Севу?

«Она отвергла предложение Пауэлла, — напомнил голосок на задворках сознания. — Она не может до сих пор желать его».

При мысли о предложении этого мужчины, о том, что он надеялся заявить на Грир права как на жену, зрение Сева заволочло небывалой яростью. Даже в гуще сражения, когда кровь стучала в голове, а мыслей не было — одни действия, — такого не случилось.

Быстро и уверенно Севастьян пересек двор. Ничего не говоря, схватил Тревиса Пауэлла за плечо и развернул.

Пауэлл не успел и слова сказать, а Сев уже всадил кулак ему в лицо. И получил удовлетворение от хруста при ударе.

Мужчина зашатался, но не упал. Прижимая к пострадавшей щеке руку, он вытаращился на Сева:

— За что, черт возьми?

— За то, что вздумал вернуться и пытался использовать ее после того, как бросил.

Замешательство постепенно покинуло взор Пауэлла.

— Ах, она и до тебя добралась? В ней определенно, что-то есть, а? Какая-то изюминка. Я всегда хотел узнать, что в ней такого, и годами пытался залезть ей под юбки. Думаю, у нее волшебный ротик. Такой запросто вызовет представления о том, в каких местах хотелось бы его почувствовать.

Сев зарычал и угрожающе шагнул к Тревису.

Пауэлл одну руку выставил вперед, словно отгораживаясь, другой баюкал щеку.

— Не нужно насилия, парень. Да еще ради отброса.

— Ублюдок! — проревел Сев. Он, как бык, кинулся на Тревиса и повалил на землю. Они покатались, мутузя друг друга кулаками куда попало. Севастьян ничего не чувствовал, не замечал боли. Каждый треск кости подпитывал его ярость, подстегивал.

Сев завладел преимуществом и, пригвоздив Пауэлла к холодной земле, стал ударять его снова и снова.

— Сев! Сев! Прекрати!

Малкольм и два груга дергали его, пытаясь оттащить от окровавленного мерзавца.

Севастьян заморгал и оглянулся. Собралась толпа. Гости вдовы смотрели, разинув рты и выдыхая пар на холодном ночном воздухе. Никто из них не волновал принца. Он выискивал взглядом только одного человека.

И нашел ее, застывшую на пороге, на этот раз белую, как молоко. С лица под коричневыми крапинками ушел весь цвет. Когда принц увидел, как ярко теперь выделяются веснушки, почувствовал, будто рядом с сердцем вонзили нож.

Грир переводила взгляд с него на Пауэлла, скрутившегося на земле, а когда снова посмотрела на принца, глаза засияли ярче от осуждения.

Сев не дрогнул, не проявил ни малейшего признака сожаления за свои действия. Он еще раз изобьет ублюдка до полусмерти, если тот будет говорить о ней гадости... причинит боль.

Грир обхватила себя руками, но Сев сомневался, что она так крепко обняла себя из-за холода. Рядом стояла сестра и поддерживала ее под руку. У них был такой вид, будто он сделал что-то неправильное.

Не сводя с Грир глаз, Сев тыльной стороной ладони вытер кровь с губы, не заботясь, что подумают о наследном принце Малдании, дерущемся в грязи у постоянного двора, как какой-то крестьянин.

Малкольм прорычал ему на ухо:

— Ты обезумел? Люди смотрят!

— Пусть смотрят. — Он шагнул было в сторону Грир, когда она резко развернулась и скрылась за порогом. Сбежала от него.

А потом Севастьян с горькой ясностью вспомнил, что она больше не хотела иметь с ним ничего общего. Он остановился и со вздохом оглядел толпу алчных наблюдателей. Только сейчас. Он позволит ей уйти только сейчас. Позволит думать, что у них все кончено. Он не рискнет ее репутацией, не погонится за ней, хотя каждая клеточка его существа призывала к

этому.

Их отношения и близко не подошли к завершению. Скоро она поймет.

Грир скрылась в крошечной гостиной, где ранее приняла Тревиса. Встав у окна, она уставилась на снег, видя его и в то же время не видя.

В эту минуту Тревису оказывали помощь и укладывали где-то в гостинице. Из-за Севастьяна. Из-за нее.

Проснувшись утром, она не могла и вообразить такое невероятное развитие событий.

Геенна огненная! Грир сильно зажмурилась и попыталась вызвать хоть капельку вины за случившееся, но получалось только изумляться, почему Севастьян так поступил.

Оставалось только догадываться, каких гадостей о ней наговорил Тревис, раз Сев набросился на него, а Грир достаточно узнала Севастьяна, чтобы понимать, что из чести он вставал на защиту угнетенного, пуская в ход слова и кулаки.

Даже помня, что Грир покончила с их романом, Сев считал себя обязанным ее защитить. Роман. Не глупость ли так это называть? Одна ночь — уже роман? И все же такое суждение казалось совершенно неправильным.

— Грир? — нерешительно позвала с порога Клео.

Грир развернулась к ней лицом.

— Тебе нездоровится? Что случилось?

Грир понятия не имела, как ответить сестре. Она глубоко вдохнула, легонько щелкнув пальцами по губам.

— Ничего. Мы едем домой, Клео. Назад в Лондон.

Клео кивнула, глядя на старшую сестру, словно боялась за ее рассудок.

— Я знаю.

— Мы возвращаемся в столицу. — Она перестала играть с губами и уронила руку. — И я собираюсь найти мужа. Больше никаких прятков за папоротником.

Клео выгнула угольно черную бровь:

— В самом деле?

— Да.

Грир продвигалась с черепашьей скоростью. Чем скорее она вступит в законный брак, тем скорее сможет забыть Севастьяна.

— Хочу услышать все подробности. Как прошел домашний прием у вдовы? — Единокровная сестра Грир Маргарит подвинулась ближе и под ритмичные нотки сопрано певицы, выступающей перед аудиторией в комнате, прошептала: — Есть наметки? Какой-нибудь красавчик уже лишил тебя покоя?

У Грир вдруг защемило в груди, но она попыталась не обращать на это внимания и перевела взгляд с нанятой вдовой на вечер итальянской оперной певицы на сестру.

— Виконт кажется сговорчивым.

Маргарит внимательно посмотрела на джентльмена, сидящего в следующем от них ряду в бальном зале вдовы. Джентльмены и леди занимали выстроенные в несколько рядов стулья и восхищенно слушали сопрано женщины, выступающей на небольшом возвышении. Роскошный бюст певицы так сильно выпирал из платья, что Грир боялась, как бы он совсем не вывалился на следующей ноте.

Улыбаясь, Маргарит прошептала:

— Уверена, виконт более чем сговорчив. Его импозантная бабушка наверняка об этом позаботилась.

Грир кивнула, живот немного свело в спазме, поскольку единственный кандидат в мужа подвернулся благодаря одной пугающей старой леди. Совсем не романтично.

С такими мыслями Грир окинула взглядом комнату, ища знакомые темные волосы своего принца. Явный признак слабости — продолжать искать его после того, как сама покончила с романом. Но за последнюю неделю, проведенную в столице, она ловила себя на том, что ищет Севастьяна всюду, куда бы ни шла.

Грир набрала полную грудь воздуха. Рано или поздно они столкнутся друг с другом, и при встрече нужно быть сильной. Такой же стойкой, как на постоялом дворе, когда она разорвала их с Севом отношения, не проронив ни единой слезинки. В его присутствии, по крайней мере.

— Кого-то ищешь? — спросила Маргарит.

— Нет. — Грир заставила себя широко улыбнуться. — Спасибо, что сопровождаешь меня сегодня вечером. Нам так редко удавалось навещать друг друга.

— Я рада, что ты пригласила меня. Эш уехал из города по делам, и я просто счастлива отвлечься. Жаль только, что Клео нездоровится.

— Она много времени проводила с лордом Квиббли.

— Лордом Квиббли? Этим древним стариком, который, только мы приехали, чуть ли не напал на нас с расспросами о Клео?

— Им самым. — Грир удобнее устроилась на стуле с жесткой спинкой и вздохнула, не понимая, почему Клео поощряет ухаживания старика. — Думаю, ей понадобилась передышка от его внимания.

— Могу понять.

Маргарит передернуло, и Грир не смогла удержаться и поддразнила:

— Не все могут выйти замуж за Адониса.

Маргарит дерзко улыбнулась и прошептала в ответ:

— Верно. С ним никто не сравнится.

Грир фыркнула:

— Хвастунишка.

— Хотя тот джентльмен, который только вошел в зал и не сводит с тебя глаз, будет на втором месте.

Грир огляделась и уперлась взглядом в Севастьяна, высокого и красивого в своем черном пиджаке. Только принц пришел не один.

Рядом стоял его вездесущий кузен, а сопровождали их две леди. Одна постарше — мать, как догадалась Грир по ее схожести с молодой светловолосой женщиной, которую Сев галантно вел к стулу.

У Грир горели глаза. А он времени даром не терял.

— Грир, ты хорошо себя чувствуешь?

Та кивнула, вперив болевшие глаза в затылок Севу, расположившемуся на два ряда впереди.

От усилий сохранить самообладание у нее руки затряслись на коленях.

Когда певица, взяв последнюю ноту, завершила выступление, комната разразилась аплодисментами.

Дрожа, Грир поднялась на ноги.

— Извини, Маргарит. Мне нужно немного воздуха.

— Хочешь, я пойду с...

— Нет. Я всего на минутку. — Если придется уступить слезам, она не хотела, чтобы сестра стала свидетелем ее слабости. Они только начинали узнавать друг друга. Грир предпочла бы, чтобы Маргарит не знала о ее чувствах к мужчине намного выше по положению, которые приведут разве что к разбитому сердцу.

Она мельком посмотрела на отца, когда убегала: тот стоял в углу с другими джентльменами, не особенно склонными оценивать музыкальное исполнение вечера. Грир проигнорировала недовольный вид Джека. Она избегала взглядов присутствующих, а тем более взгляда темноволосого, золотоглазого принца, которого вычеркнула из своей жизни. Моргая, чтобы избавиться от жжения в глазах, Грир быстрыми шагами поспешила по паркету к выходу из бального зала. Подумала, может, отпроситься с вечера и поехать домой — сказать всем, что больна чем-то, например, заразилась от Клео.

— Грир!

Грир пискнула, увидев стремительно приближавшегося Сева.

Она развернулась и ускорила шаг, давая понять, что не хочет его видеть... особенно когда глаза на мокром месте и слезы грозят вот-вот прорваться.

Севастьян так громко произнес ее имя, будто команду рявкнул. Мельком оглянувшись, Грир заметила, что Сев бежит, и по выражению лица поняла, насколько решительно он настроен ее догнать.

Она подхватила юбки и сорвалась на бег, не заботясь, как это абсурдно — убегать от принца, словно от какого-нибудь сумасшедшего убийцы.

Нырнув за угол, она ухватилась за дверную щеколду и неуклюже завозилась с ней, надеясь юркнуть за дверь и спрятаться.

Только дверь поддавалась, Сев настиг беглянку и всем крепким телом прижался сзади. Грир немедленно оказалась в объятьях. Принц больше не был воспоминанием, а вновь стал живым, настоящим мужчиной из плоти и крови. И сейчас он жарко прижимался к ней.

Сердце взмыло к горлу. Паника боролась с необъяснимой яростью в душе.

Грир резко обернулась и с оглушительным треском обрушила ладонь на лицо

Севастьяна.

Сев схватил запястье драчуни, упреждая новый удар, и толкнул ее в комнату. Там их, будто завернув в кокон, поглотила темнота, крошечная и плотная.

Началась борьба: Сев пытался схватить другую руку Грир, а сама Грир отчаянно молотила по нему в попытке снова ударить посильнее — чтобы он страдал от телесной боли, как она мучилась от боли в своем сердце.

Рыдания сдавили горло Грир. Сев подтащил ее к себе и зажал руки в ловушке между телами.

Свободной рукой принц обхватил ее лицо, не позволяя двигаться и вынуждая стоять смиренно. Губами он яростно ставил на ней клеймо желаний. Жар от прикосновения иссушал Грир, и сопротивляться не оставалось сил. Она с не меньшим рвением поцеловала Севастьяна в ответ. Они беспощадно и требовательно прижимались губами и сталкивались зубами в лихорадочной потребности друг в друге.

Пульсирующая темнота все сгущалась. Кожа кипела, когда Севастьян касался ее. Он расслабился и освободил хватку. Они словно мысли друг у друга читали: Грир потянула пальчики к брюкам и высвободила его плоть, в то время как Сев уже нырнул руками под ее юбки.

Затрещала ткань. Панталоны, поняла Грир — но ее это не волновало.

Воздух едва коснулся обнаженной кожи, как Севастьян пробрался туда и глубоко вошел.

Грир выгнулась под ним, крича, пока он продолжал доводить ее до исступления. Тела соединялись снова и снова, и в этом яростном соитии вырывались дикие звуки.

Подхватив руками под попку, Сев поднял Грир выше, чтобы глубже проникнуть в нее. Она охотно подчинилась, встречая каждое его движение, упиваясь, ликуя, взрываясь на миллион частей.

Сам воздух, казалось, дрожал вокруг, когда Грир судорожно трепетала в его руках. Но это был еще не конец. Сев поменял позу, чтобы она оседлала его. После секунды неловкости Грир, поощренная низкими, гортанными стонами удовольствия Севастьяна, нашла свой ритм.

Сев обхватил ладонями ее груди через платье и стал потирать соски через тонкий муслин, отчего Грир застонала, ускорила движения и, найдя нужное положение, продолжила скакать на принце из всех сил.

— Моя, — прошептал Сев так тихо, что она засомневалась, правильно ли расслышала слова за всем шумом от движения тел.

Когда потрясающие ощущения снова взрывными волнами нахлынули на Грир, распространяясь от лона к каждому нервному окончанию, она закричала в экстазе и обмякла. Повалившись на Сева, она с минуту не могла пошевелить даже пальцем.

Легкое прикосновение к затылку вернуло ее в сознание.

Грир отстранилась и слезла с Севастьяна, поправляя юбки.

— Что же мы натворили? Прямо посреди музыкального вечера у вдовы? Ты сошел с ума и потянул меня за собой!

— Это было неминуемо, — раздался в воздухе бесплотный голос, такой спокойный, что Грир пришла в ярость. — И снова произойдет, если мы попытаемся игнорировать друг друга.

— И что ты предлагаешь? Составить график регулярных свиданий? — спросила она, пошатываясь на неустойчивых ногах, а потом вспомнила о белокурой леди, ждущей принца в бальном зале вдовы, и к ней вернулся гнев. — Это может затруднить твои ухаживания.

Грир показалось, что она уловила в темноте блеск его львиных глаз.

— Ты ревнуешь.

— С чего мне ревновать? — фыркнула она. — Я порвала с тобой. Это тебе нужно прекратить преследовать меня.

Проведя по волосам, Грир быстро оценила ущерб, нанесенный прическе. Едва ли пряди остались на своих местах. Геенна огненная! Любой с первого же взгляда догадается, что она занималась чем-то недозволенным.

— Как я могла быть такой дурой? — Она неистово обрушилась на волосы, без особой надежды поправляя шпильки.

— Грир. — Внезапно теплая ладонь легла ей на руку. — Мы не можем дальше избегать друг друга. И я собираюсь продолжить преследовать тебя, как ты выразилась.

— Не прикасайся ко мне. — Голос дрожал, когда она попыталась высвободиться.

Последнее его прикосновение привело к тому, что они стали спариваться на полу, как дикие животные. Грир с пылающим лицом попыталась вывернуться из хватки, но Сев, вместо того чтобы отпустить, схватил ее обеими руками и прижал к себе, будто пытаясь утешить. Или успокоить. Возможно, все сразу.

Именно так их и застали: в тесных объятиях, ее волосы дико торчат во все стороны, в воздухе витает запах их страсти.

Свет затопил их, когда дверь в комнатку открылась шире.

— Грир!

Она не смогла сразу определить по тону эмоции отца. Однако дрожь в голосе выдавала явное волнение и шок. Грир крепко зажмурилась, прекрасно представляя мысли родителя: если уж дочь застали в компрометирующей ситуации, то лучше с принцем.

Маргарит стояла рядом с Джеком и глядела в точку между Севом и сестрой, всем видом выражая сожаление.

— Мне... мне жаль, Грир. Я боялась, что тебе нехорошо.

— Ваше высочество, этому не может быть никаких оправданий!

— У меня нет ни одного, — кивнул Сев.

— Джек, — взмолилась Грир, — сбавь тон. Нет нужды ставить на уши дом...

— Что такое? — раздался новый голос.

Грир вздохнула, когда в поле зрения появился виконт.

— Мисс Хадли, — удивленно пробормотал он, когда переводил взгляд с нее на Сева.

— Максими, — прорычал Джек, плохо справляясь с ролью оскорбленного отца: глаза так и сверкали от ликования. — Я требую, чтобы вы благородно поступили с моей дочерью!

— Не глупи. Ничего недостойного не произошло, — солгала Грир, радуясь, что никто не вошел пятью минутами ранее.

Все не отрывали пристальных оценивающих взглядов от ее растрепанного вида, пока она сама старалась не нервничать.

Джек фыркнул.

Виконт недоверчиво выгнул бровь:

— В самом деле.

Сев шагнул с угрожающим видом:

— Осторожнее.

Джек потряс кулаком:

— Я требую поступка честного человека...

— Так и будет, — выпалил принц.

Грир воззрилась на него:

— Нет. Ты не можешь...

— Я поступлю по чести, — категорично заявил Севастьян. — Я скомпрометировал тебя, и мы поженимся.

Грир открыла рот, мысленно вернувшись к первому вечеру, когда они познакомились и Сев объявил, что никогда не женится на ней — даже если их застанут в непристойной обстановке.

— Ты не можешь подразумевать женитьбу, — прошептала она.

— Именно ее.

Грир потрясла головой, ошеломленная, словно получила удар.

Сев спокойно обратился к ее отцу:

— Мистер Хадли, я приду к вам завтра с официальным предложением, и мы все обсудим.

Джек выглядел почти таким же ошеломленным, как чувствовала себя Грир. Она сомневалась, что отец, несмотря на все требования, действительно рассчитывал чего-то

добиться. По крайней мере, так легко.

Сев повернулся к ней, все черты лица стали жесткими — снова стоическая решимость мраморной фигуры. В голове мимолетно возник вопрос: а не так ли принц выглядел перед сражением? Не так ли рассматривал и вопрос женитьбы на ней? Как неприятную необходимость?

Севастьян ничего не выражающим взглядом смотрел сквозь Грир, будто вообще ее не видел.

— Мы поговорим завтра.

Она покачала головой:

— Сев... нет. Ты не должен делать...

— Должен, — отрезал он. — Мы оба. — Резко кивнув, принц повернулся и покинул комнату.

Смерив Грир холодным взглядом, виконт отвернулся и тоже ушел. Через несколько минут все узнают, что мисс Хадли застали в компрометирующей ситуации с крон-принцем Малдании.

Маргарит поспешила к сестре:

— Пойдем, поищем комнату, чтобы поправить тебе прическу.

— Я просто хочу домой, — пробормотала Грир. Ошеломленная и потрясенная, она не желала столкнуться с кем-то еще. Хотела только свернуться в кровати и натянуть на голову покрывало.

Сестра переплела свои пальцы с ее:

— Конечно. Пойдем.

На пороге Джек хлопнул старшую дочь по спине так сильно, что у нее зубы клацнули.

— Хорошая работа, девочка. Молодец.

Жар унижения омыл лицо. Грир чуть не ударила отца. Он думал, что она это нарочно подстроила?

Джек посмотрел на дочь и нахмурился, брови сдвинулись в выражении озабоченности.

— Что не так? Ты же не заболела?

Грир покачала головой:

— Нет.

— Тогда почему ты недовольна? Радоваться должна. Грир, однажды ты станешь королевой. Только подумай.

Он не понимал. Зато понимала она.

Грир знала, что Сев уже пожалел, и сожаление будет только расти, мучить горечью, пока он не возненавидит один ее вид.

Твердым шагом Сев направлялся в библиотеку арендованного особняка, каблуки сапог застучали по мрамору, когда он подходил к подносу с бренди. После такого вечера требуется выпивка. Не помешает успокоить нервы.

Не то чтобы Сев сожалел о своем решении. Не то чтоб когда-нибудь пожалеет. Просто ему нужно время, нужно обдумать, как представить свою новую невесту деду и не вызвать у старика припадок, который лишит его последнего вздоха.

Севастьян скривился. Старик был самым крепким в семье. Он пережил двух сыновей, жену и кучу внуков. Сев плюхнулся в роскошное вольтеровское кресло и, чувствуя унылость и печаль, уставился на тлеющие поленья в камине.

Несколько минут он не шевелился: просто смотрел на вспыхивающие угольки, ожидая, когда нахлынет вина. Или хотя бы раскаяние.

Ничего подобного.

Итак, будущая жена не обладает самой звездной родословной. Он понимал, что должен беспокоиться, но в данную минуту просто не смог вызвать на себя гнев.

Грир умная, красивая и сильная — другого от жены, которая будет стоять рядом с ним и вести Малданию в будущее, он и не хотел.

Вдалеке хлопнула дверь.

Чуть позже дверь в кабинет распахнулась.

— Ты что натворил? — завизжал как женщина Малкольм.

Сев поморщился, потому что не желал советов от кузена. Сам все прекрасно понимал.

— Я узнаю от какой-то старой ведьмы, что мой собственный кузен предложил выйти за него замуж мисс Грир Хадли, будучи пойманным с ней в дезабилье.

— Уверяю, все не столь драматично. Мы оба были одеты.

Выражение огромного облегчения пересекло черты лица Малкольма.

— Значит, ты не делал предложения?

— О, как раз сделал.

Малкольм промаршировал к Севу и встал над ним, воинственно упирая руки в бедра и сверкая глазами.

— Зачем ты сотворил такую глупость?

— Предлагая брак, я руководствовался честью.

— Вздор! Она взбудоражила твою кровь, вот и все. Ты хотел ее с первой минуты, как увидел. — Малкольм сильно потряс головой. — Ты не подумал. Скоро ты от нее устанешь. Приковать себя к ней — последнее, чего ты должен желать.

— Ничего подобного не случится.

— Послушай себя! Рассуждаешь, словно влюбился в девчонку!

Сев открыл рот, чтобы опровергнуть обвинение, но потом захлопнул его.

Ему... плевать. По какой-то причине он не желал отрицать слов кузена. Сев наклонил голову и задумчиво поскреб подбородок. Возможно, в этом была крупица правды.

Когда последовал за Грир в ту комнату, он знал, что играет с огнем. Знал, что случится, когда подойдет к ней... прикоснется. Попробует на вкус.

Севастьян жутко по ней скучал. Грир преследовала его в минуты бодрствования — черт, даже во сне. Ухаживания за другими женщинами, их глупая болтовня — все было невыносимо.

Еще более невыносимо было видеть, как за ней тоже ухаживали. Виконт или какой-то другой мужчина. То, что кто-то другой мог положить на нее руку... что другой мужчина, кроме него, мог поцеловать ее, затащить в постель. Сев не мог выносить такого мучения.

— Что скажет твой дедушка?

У Сева начался тик, и он потер глаз, надеясь унять ощущение.

— Дед будет счастлив, что я женюсь, — расплывчато ответил он.

— На такой простушке, как девица Хадли? Да еще далеко не первой молодости? — фыркнул Малкольм. — Не думаю.

Сев сжал зубы.

— Переживет. Как только Грир преподнесет ему первого правнука, старик раздобреет.

Малкольм побагровел и топнул ногой:

— Нет же! Он не будет счастлив! Не будет!

Сев нахмурился от странных слов кузена и его необычного поведения. «Он не будет счастлив». Сев не понял, говорил кузен, что думает... или чего желает. В любом случае сейчас неподходящее настроение для подобной театральности.

Принц поднялся на ноги.

— Это не обсуждается, кузен.

— Ты совершаешь ошибку, — сверкнул глазами Малкольм.

— Я так не думаю. А если и совершаю, это моя ошибка. Моя жизнь. — Он с минуту выдерживал пристальный взгляд кузена. — Больше ни слова о моей женитьбе, Малкольм. Я иду спать.

Повернувшись, он оставил кузена сверлить ему спину и вышел из комнаты. Поднимаясь по ступенькам к себе в спальню, Сев задумался над странным поведением Малкольма... о том, знал ли он кузена вообще. Да и хотел ли знать.

Сев нанес визит на следующее же утро. Клео ворвалась в спальню сестры, чтобы возвестить о приходе принца. Она беззаботно танцевала: только домашние туфли мелькали да темно-каштановые завитушки прыгали над плечами.

— Он в библиотеке с Джеком. Хочешь, я подслушаю под дверью?

Грир улыбнулась — впервые с прошлого вечера, — представив Клео за подслушиванием.

— Нет. Они наверняка обсуждают брачное соглашение и другие вопросы подобного рода.

Она отошла к окну и посмотрела на сады, не в состоянии сейчас выдерживать прямой взгляд сестры из опасения выдать все свои страхи, и без того ясно читавшиеся на лице.

Она выходит замуж за Севастьяна. Он будет принадлежать ей... мужчина, по ком последние недели ныло сердце. Такое волнительное и одновременно пугающее событие. Как следует вздохнуть не удавалось с прошлой ночи.

— Я рада за тебя, Грир. Тебя впереди ждет такое счастье!

Грир повернулась к сестре, которую только недавно начала узнавать... и поняла, что во многом Клео остается для нее незнакомкой. И в первую очередь Грир не могла взять в толк, почему та поощряла ухаживания старика.

— Ты так думаешь? — спросила она, разглядывая молодое и свежее личико Клео, и содрогнулась, представив ее привязанную к дряхлому маркизу.

Клео закивала, каштановые завитки весело запрыгали.

— Да. Ты завоевала принца! И станешь королевой, Грир. Только представь!

Грир прижала ладонь к взбунтовавшемуся животу.

— Лучше не надо.

— Ты станешь чудесной королевой. Подумай о возможностях, которые перед тобой откроются, обо всем хорошем, что сможешь сделать.

Наклонив голову, Грир впервые задумалась об этом... и вдруг перестала так бояться.

— Раньше я ни о чем подобном не размышляла.

Клео кивнула, продолжая подбадривать:

— Ты можешь стать гласом народа. Кем-то настоящим, не похожим на королевских особ, настолько возвышенных и далеких от жизни простых людей. Ты будешь одной из них, и они начнут боготворить тебя!

Грир убрала руки с живота, когда вдруг будущее стало видеться не столь мрачным. Она сможет сделать что-то... значимое.

«Да».

— Я буду по тебе скучать. Обязательно навести меня! И Маргарит пусть приедет. Даже Джек.

— Будто у тебя получится меня удержать. И уж Джек там будет, сама знаешь. — Клео сжала руку сестры. — Ты попала в свою сказку, Грир, и какой же теперь станешь счастливой!

Станет ли? Похоже, больше всего она страшилась того, будет ли Сев доволен ей как королевой. Все происходящее по-прежнему казалось невероятным. Мимолетный подъем

духа сошел на нет.

Вдруг однажды в Севастьяне пробудится отвращение к ней, сожаление о своем необдуманном решении жениться?

В дверь постучали, и вошла горничная:

— Желательно ваше присутствие в кабинете, мисс Грир.

Сердце ушло в пятки. Она резко кивнула.

— Развлекайся! — радостно бросила Клео и выпорхнула из комнаты.

Грир озадаченно оглянулась на сестру. Та считает, что она на прогулку в парк собралась?

Качая головой, Грир спустилась по лестнице, изо всех сил удерживая на лице маску и готовясь встретить первый взгляд Сева. Увидит ли она уже сейчас там холодок сожаления?

Войдя в библиотеку, она обнаружила только Сева. Отца нигде не наблюдалось.

Сев стоял у окна и смотрел на улицу. Грир замерла на пороге. Единственные звуки доносились снаружи: цоканье копыт и скрип колес.

Должно быть, она чем-то выдала свое присутствие, потому что он обернулся, по-прежнему держа руки за спиной. Принц выглядел таким строгим и неприступным, и она выпалила первое, что пришло на ум:

— Мы не должны жениться.

Он ничего не ответил. Только пристально смотрел с непреклонным выражением на лице.

Грир облизала губы и продолжила:

— Я не стану привязывать тебя к себе подобным образом. Расскажу всем, что отклонила твое предложение. Никто не станет думать о тебе хуже.

Сев спокойно направился к ней. Расстояние между ними все сокращалось, у Грир сбилось дыхание, и он прошел мимо нее.

С колотящимся сердцем она развернулась и недоуменно посмотрела ему в след широко раскрытыми, полными боли глазами.

Он уходит? Вот так? Получил желаемое?

Сев вышел из кабинета и громко закрыл двери всех комнат, ограждаясь от любопытных глаз.

— Что ты делаешь? — спросила Грир, сцепив перед собой руки.

Он повернулся к ней, сверкая золотыми глазами:

— Обеспечиваю недавно помолвленной паре несколько минут уединения.

— Сев, — помотала головой Грир. — Что мы делаем? Это безумие. Давай прекратим, пока все не зашло слишком далеко.

— Пути назад нет, Грир.

— Как ты можешь жениться на мне, Сев? — Она покачала головой и рассекла рукой воздух. — Твоей стране нужна правильная королева. Не какая-то там девица, бывшая распорядителем игр.

— Я решаю, что правильно, разве нет? Когда-нибудь я стану королем. Никто не сможет мне перечить. Чего ты так боишься? Кто посмеет возражать против тебя?

— Твой дедушка...

— У моего дедушки не найдется что сказать, когда мы вручим ему первого правнука. Он будет слишком занят, обливаясь слезами радости.

С пылающим лицом Грир опустила взгляд на свои руки, втайне упиваясь простой

мыслью родить дитя. Дитя Сева. С тяжелым сердцем она подняла глаза на принца:

— А что, если я не смогу родить? Как ты сам заявил, я уже старая. Что, если у меня не получится...

— А ты назвала меня ослом, — отрезал Сев. — И пусть лучше права будешь ты.

Она задышалась от смеха, хотя глаза горели от слез.

Он быстро подошел к Грир, схватил ее ладонь и потянул упрямыцу на канапе.

— Слишком поздно поворачивать назад, так что прекрати говорить об отказе.

— Но ты же не хочешь...

Сев прижал палец к ее губам.

— Я тебя хочу. Пока искал невесту, я не встретил женщину, которую захотел бы больше.

Грир сглотнула ком в горле и схватила его палец у своих губ.

— Но дедушка отправил тебя не за такой...

— Против твоего приданого он возразить не сможет.

— Но сможет возразить против меня.

На это Сев изогнул губы в ухмылке, от которой у Грир в животе затрепетало.

— Как ни пытайся, ты меня не отговоришь.

Она недовольно вздохнула.

— Доверься мне, — убеждал Сев. — Веришь?

Она хотела верить. Отчаянно хотела.

«Я тебя хочу». Слова убедительные, но недостаточно. Она уже слышала их прежде и знала: желания мужчин переменчивы, как ветер.

Если бы он сказал «люблю»...

Если бы дал надежду, что когда-нибудь полюбит...

Тряхнув головой, Грир приказала себе перестать капризничать. Раньше она о любви и не помышляла. Сейчас же захотела любви принца, чтобы обрести уверенность, что в один прекрасный день он не посмотрит на нее с замешательством и сожалением. Ведь когда этот день настанет, ее сердце разобьется. Сердце, полностью и безнадежно отданное Севастьяну.

На короткий миг Грир решилась обнажить перед ним душу и признаться в любви, но смелости не хватило. Или глупости. Она сама не поняла, чего именно.

И, вместо того чтобы признаться, наклеила на лицо улыбку.

— Да. Я верю тебе, — прошептала Грир, задаваясь вопросом, не совершает ли роковую ошибку. Может, собрать вещи и сбежать в Уэльс?

Сев так посмотрел на нее, что Грир подумала, не прочитал ли он ее мысли, не догадался ли о сомнениях. Следующие слова подтвердили подозрение:

— Сбежишь от меня, Грир Хадли, и я пойду за тобой. Выслежу и верну.

Легкая дрожь пробежала по спине.

— Мне не нужно сбегать. — Грир расправила плечи и дерзко подняла подбородок. — Я независимая женщина и сама делаю выбор. Если бы я не хотела тебя, то не приняла бы твое предложение. Никто не может заставить меня выйти за тебя замуж.

Сев усмехнулся и стремительно приблизился. Его теплое дыхание обдуло ее шею, посылая по всему телу дрожь, только на сей раз дрожь удовольствия.

— Если мы определились с твоим «хотением», тогда мне не придется заставлять тебя выходить за меня замуж.

Грир возмущенно заявила:

— Ну и самоуверенность!

Он посмотрел на нее довольно мрачно.

— Прямо сейчас мы оба здесь, потому что не можем справиться с желанием друг к другу.

Что правда, то правда.

Сев продолжил:

— Я не собираюсь даже притворяться, что женюсь на тебе против своего желания... и мною руководит честь.

Грир не мигая уставилась на принца. Он придвинулся ближе, их дыхание смешалось. Надежда расцвела в груди от вероятности, что, может быть, только возможно, это не колоссальная ошибка. И она, Грир, попала в сказку и нашла своего сказочного принца.

Не успел Сев коснуться ее губами, как дверь в библиотеку открылась.

— Ах, другого я и не ожидал.

Джек перекатывался на каблуках и оглядывал их с чересчур самодовольным видом.

— Пока не совершится бракосочетание, за вами лучше приглядывать.

У Грир заплыли щеки.

Сев поднялся на ноги.

— Как и договорились, я позабочусь о том, чтобы объявление о свадьбе напечатали в ближайшие дни.

— Замечательно. — Джек чуть ли не руки потирал от ликования.

Сев обратился к Грир:

— Завтра я приду с визитом, чтобы поговорить о поездке. Мы поженимся в Малдании, где на церемонии сможет присутствовать дедушка.

Желудок ухнул вниз от такого сообщения. Покинуть страну, сестер, с которыми только познакомилась, будет тяжело. Если бы только Грир чувствовала большую уверенность в предстоящем союзе, если бы тот складывался на взаимных чувствах, если бы Сев любил ее хоть чуточку... она не терзалась бы сомнениями.

— Да, — кивнул Джек. — Как и договаривались. Королевская свадьба в знаменитом соборе святого Игнатия. — Отец выразительно посмотрел на Грир. — Мне говорили, что он даже старше собора святого Павла. Великое событие, без преувеличений.

Грир затошнило, и она испугалась, не заболела ли. «Королевская свадьба». Нужно было ожидать такого размаха.

Здесь, сидя рядом с Севом в отцовской библиотеке и слушая его низкий, соблазнительный голос, так легко забыть о разнице между их мирами. О том, что у нее с принцем нет ничего общего, кроме страсти.

Страсть скоротечна. Пример тому — собственный отец. Он соблазнил мать, попользовался ею и бросил. Грир глубоко вздохнула и поморгала, чтобы успокоить жжение в глазах.

Сев склонился и коснулся теплыми пальцами ее ледяной ладони.

— До завтра.

Грир наблюдала за его уходом, дивясь, как можно чувствовать такую любовь и отчаяние одновременно.

Грир нежно прижала к груди лист бумаги, выведенные на нем слова шепотом отзывались в голове: «Я жажду встретиться с тобой наедине. Приходи, как только сможешь. Жду в карете за домом».

— Спасибо, — прошептала она служанке, доставившей послание. Радость волнами разлилась по телу. Девушка, Мэри — кажется, так ее зовут, — застенчиво склонила голову и выскользнула из комнаты.

Грир снова посмотрела на письмо, и загадочная улыбка коснулась уголков губ. На протяжении последних трех дней у них с Севастьяном не было и минуты наедине. Отец настаивал, чтобы они как можно чаще выходили в город и демонстрировали всем счастливых обрученных. И они всегда находились в чьем-то обществе. Грир убеждала себя, что все это закончится сразу после женитьбы... тогда у них будет достаточно возможностей побыть наедине.

Но все эти три дня быть постоянно с ним и в то же время не перемолвиться ни единым нежным словом, ни разу не почувствовать прикосновения Сева, не ощутить поцелуя украдкой... Сомнения вновь ожили и поглотили ее; в вихре подготовки к свадьбе и к поездке Грир стала переживать: а вдруг он уже начал сожалеть?

Ее не покидало напряженное волнение. Если Севастьян хоть чуточку сожалеет о столь поспешном предложении замужества, остается надеяться, что он немедленно остановит этот безумно мчащийся паровоз. Завтра они отправляются в Малданию. Поездка станет следующим шагом к настоящей совместной жизни. И эта жизнь может обернуться адом для них обоих, если Севастьян уже сожалеет о грядущем союзе.

Смятое письмо в руках оживило надежду, что Сев не мучается сомнениями.

— Что у тебя там? — спросила Клео, оторвав взгляд от романа и отметив пальчиком место, где остановилась.

— Ничего.

— Ничего! Ты из-за ничего улыбаешься?

Улыбка Грир стала только шире.

Клео закатила глаза:

— Наверное, любовное послание от Севастьяна?

— Что-то вроде, — уклончиво ответила Грир, поднимаясь с дивана. — Прошу меня извинить. — «Севастьян ждет».

Клео помахала ей вслед:

— Ступай. Перечитывай свое письмо в уединении, где мне не придется слышать твоих томных вздохов.

Грир поспешила из гостиной и остановилась только захватить плащ. Сердце забилося быстрее от романтического жеста Севастьяна... проснулась надежда, что его чувства настоящие и глубокие, и достаточно сильные, чтобы выдержать предстоящее разочарование его деда и не увянуть.

Проходя по лестнице мимо слуг, Грир удостоилась нескольких любопытных взглядов, но не остановилась. Она вышла из дома через заднюю дверь для прислуги и закуталась в плащ. Осмотрела узкую аллею, по которой обычно в дом доставляли товары и почту.

Экипаж стоял возле кованых ворот. Кучер, пытаясь согреться, дышал на ладони.

Грир сбежала по лестнице и быстро зашагала по тропинке, аккуратно притворила за собой калитку ворот, стараясь избежать громкого лязга. Она огляделась вокруг, желая убедиться, что поблизости никого нет. И не увидела ни одного слуги. В этот хмурый день она на улице совсем одна, и лишь несколько метров отделили ее от Сева.

Она зашагала быстрее, сердце барабанной дробью забилося в груди. До этой минуты она не осознавала, как отчаянно нуждалась во встрече с ним... как необходимо ей его утешение и заверение, что все будет хорошо.

Грир нерешительно остановилась у двери экипажа, ожидая, когда покажется Севастьян. Откроет дверь и поприветствует ее, поможет сесть в карету и, вероятно, заключит в объятия для поцелуя, и она растает в его руках. Грир скучала по его поцелуям.

— Севастьян? — позвала Грир, переводя взгляд из стороны в сторону. Вдруг она ошиблась, и эта карета вовсе не его.

Прошло несколько мгновений, прежде чем дверь наконец открылась.

Но за дверью возникло лицо вовсе не Севастьяна.

Из кареты, радушно улыбаясь, смотрел его кузен, однако улыбка не касалась глаз. Сердце Грир на миг замерло, а потом снова забилося. Что-то затаилось во взгляде Малкольма. Что-то опасное. В подобную ситуацию Грир попадала в прошлом во время охоты, когда столкнулась в горах с дикой кошкой. У Малкольма сейчас тот же осторожный взгляд, что и у загнанного животного.

Только разве кузен в таком положении?

— А, мисс Хадли, — высунулся он из кареты. — Благодарю, что пришли так быстро.

— Где Севастьян? — Она заглянула через плечо Малкольма в тускло освещенную карету, хоть совсем не ожидала увидеть внутри принца.

— Он послал меня за вами.

У Грир от удивления изогнулась бровь.

— Но письмо...

— Послание и в самом деле от него, — весело кивнул Малкольм, его рыжие волосы ярко блестели даже в тусклом свете дня. — Кузен попросил меня передать вам письмо и затем доставить к нему.

Грир нахмурилась и в раздумье склонила голову на бок.

Если Севастьян так сильно желал увидеться, как говорил в письме, почему же он отправил вместо себя кузена? Это совсем на него не похоже. Сказать по правде, ничего из происходящего не похоже на его поступки.

Малкольм протянул руку из кареты:

— Идемте. Вы же не хотите заставлять Сева ждать?

Грир медленно замотала головой и шагнула назад, уверенная, что что-то не так. Затылок тревожно покалывало.

Малкольм вздохнул, словно вся тяжесть мира лежит на его плечах, и спрыгнул на землю.

— Ну же, мисс Хадли.

Слова Малкольма хлестали подобно розгам учителя. Грир моргнула, от растущей тревоги ее охватила дрожь.

— У меня нет времени торчать здесь весь день. — Он потянулся и взял Грир за руку, но она резко выдернула ладонь из его цепких пальцев.

— Нет, благодарю вас, — резко сказала она. — Я вспомнила, у меня на сегодня есть еще

несколько дел. Лучше дождусь вечера и увижусь с Севастьяном в театре.

Она неохотно повернулась к нему спиной и собралась уйти прочь.

Но не успела сделать и шага, как Малкольм кинулся следом и схватил за руку.

Грир вскрикнула, уперлась ему в грудь свободной рукой и попыталась оттолкнуть.

— Что вы делаете?

Малкольм не обратил внимания на толчок, сжал вторую руку строптивицы и поволок к открытой двери кареты. Грир сопротивлялась, упиралась пятками в землю, но туфли на мягкой подошве легко скользили по грунту.

— Перестаньте! — закричала она. Теперь не осталось сомнений, что Севастьян к происходящему никакого отношения не имеет, но также не осталось и времени размышлять о причинах сложившейся ситуации и столь грубого обращения Малкольма.

— Прекрати сопротивляться! — Тяжело дыша, Малкольм обхватил ее и, пытаясь оторвать от земли, до боли сдавил ребра.

С этих слов Грир поняла, что ей определенно нужно сопротивляться. Он хочет причинить ей вред. Нельзя сдаваться, нужно бороться до самого последнего вздоха.

Перед глазами забегали черные пятна, зрение затуманилось. Осознав насколько близка к обмороку, Грир собрала последние силы для отпора.

Малкольм выругался и ослабил хватку, и на долю мгновения Грир вырвалась из его рук, но он вцепился пальцами ей в волосы, развернул и сильно ударил по лицу.

Голова резко запрокинулась. Грир прикусила щеку, и по зубам, наполняя рот медным привкусом, потекла теплая струйка крови.

Оглушенная ударом, Грир ослабела, силы для борьбы на время иссякли.

Малкольм поволок ее, словно тряпичную куклу, и затолкал в карету. Грир неясно осознавала, как закрылась дверь и чуть просела карета, когда он сел рядом.

Экипаж тронулся, Грир стало покачивать на подушках, и тут паника захлестнула ее и кулаком сжала сердце. Охваченная необходимостью действовать, Грир, борясь с головокружением, резко поднялась.

Она бросилась к двери и, путаясь в обвивших ее локонах, схватилась за щеколду.

— О нет, даже не думай! — Малкольм схватил мятежницу сзади за шею и так резко толкнул вперед, что та сильно ударилась головой о дверь кареты.

Голову разорвало от боли, Грир обмякла и повалилась на пол кареты, будто тело лишилось костей или они внезапно стали жидкими.

Не в силах пошевелиться, скованная собственными юбками, Грир смотрела на потолок экипажа, и темнота напозала на нее, опускаясь туманом, из которого уже не убежать. Сев. Из онемевших губ вырвалось его имя.

Но перед помутненным взором мелькало лишь лицо Малкольма.

Грир подняла руку в слабой попытке ударить его, впиться ногтями в размытые очертания, но так и не смогла до него достать. Ослабевшая рука упала рядом мертвым грузом.

И все вокруг пропало.

Вечерний свет просачивался сквозь шелковые узорчатые шторы, когда Севастьян встретился со своим будущим тестем в его хорошо обставленной библиотеке.

— Что значит, вы не можете ее найти? — требовательно спросил принц. — Она не перчатка, чтобы потеряться.

— Но ее нет, — повторил Джек, разводя руками. — Карету она не брала. Все верховые лошади в конюшне. Она пропала.

Клео, сидевшая в тени у окна, кашлянула. Изыщное пышное платье, украшенное розовыми розетками из шелка, подчеркивало готовность к походу в театр. Оно служило напоминанием о вечере, который принц не разделит с Грир.

Севастьян многозначительно посмотрел на Клео.

— Вы хотите что-то сказать? Вам известно, где Грир?

— Я не хочу сказать ничего определенного, но, если вы здесь... очевидно что-то случилось.

— Ты знаешь, где Грир? — закричал Джек. — Мы искали ее несколько часов, и ты не произнесла ни слова!

Клео проигнорировала отца и устремила взгляд на Севастьяна.

— Сегодня днем она получила письмо... от вас. Я полагала, все это время вы были вместе.

Сердце в груди замерло и снова забилось, восстанавливая ритм.

— Я не посылал ей ни строчки.

— Она поспешила уйти, как только его доставили. Грир не говорила, но я заподозрила, что вы затеяли свидание.

— Кто принес послание? — взгляд Севастьяна перескочил на Джека. — Соберите всех слуг.

Джек коротко кивнул и вышел из комнаты, громко зовя дворецкого.

Спустя мгновение Сев уже стоял на нижних ступенях парадной лестницы и оглядывал два десятка ливрейных слуг. Все настороженно смотрели на него снизу. Некоторые перешептывались между собой, пока Клео не указала на девушку, которая доставила записку Грир, тогда повисла тишина, и все взгляды обратились к ней.

— Вот она. Мэри.

После слов Клео шепот возобновился.

Севастьян спустился еще на ступень и обратился к девушке. Он говорил спокойно, пытаясь скрыть смятение, чтобы не взволновать ее еще сильнее:

— Мэри, ты сегодня приносила письмо мисс Грир?

Служанка пробормотала еле слышно что-то невнятное, широко распахнутые глаза наполнились страхом. Сев поднял голову, пытаясь лучше расслышать ее, он боролся с желанием ринуться в фойе, схватить девчонку за руки и хорошенько встряхнуть. Нервы были на пределе и побуждали к действию. Но если служанка перепугается и совсем замолчит, от нее ничего не добьешься.

— Говори же, девчонка! Отвечай! — рыкнул Джек так, что бедняжка подпрыгнула.

Севастьян метнул на него сердитый взгляд и двинулся в толпу слуг к съежившейся от страха девушке. Он наклонил голову и посмотрел прямо в ее испуганные глаза.

— Кто дал тебе письмо для мисс Хадли? — ласково спросил он.

— Он был на заднем дворе. Просто кучер. Он попросил передать письмо от своего господина. Я не видела его, хотя... джентльмен ждал в карете.

Севастьян обвел взглядом остальных слуг.

— Кто-нибудь видел мисс Хадли снаружи?

— Я видела ее в окно наверху, — отозвалась одна служанка, — она была за домом и разговаривала с джентльменом.

— С кем? — потребовал подробностей Сев.

Служанка замотала головой в чепце.

— Я никогда не видела его прежде, а то бы непременно запомнила.

— Почему? — допытывался Севастьян. Необходима хоть какая-то зацепка, любая мелочь, что угодно, что приведет его к Грир. — Почему ты бы его запомнила?

— Ну, это из-за волос. У него такие ярко-рыжие волосы, аж глазам было больно смотреть.

Рыжие волосы. Настолько яркие, что больно глазам. Сев знал одного такого. Или же скорее не знал его. Совершенно не знал, раз тот смог похитить Грир.

— Малкольм, — прошептал он. Множество чувств нахлынуло разом: предательство, замешательство. Зачем Малкольм похитил Грир? Только из-за того, что был против их брака? Причина ускользала от Севастьяна.

И как только он осознал свое поражение и неспособность понять мотивы, на него обрушилась действительность произошедшего.

Грир исчезла.

Малкольм забрал ее... он может ей навредить...

Внутри вспыхнула бессильная ярость. Сев сжал руки в кулаки, подавляя желание что-нибудь сломать. А именно уничтожить своего кузена.

— Ваш кузен? — Клео наклонила голову на бок. — Что ему нужно от Грир?

— Полагаю, он хочет помешать свадьбе. Малкольм настроен против нашего союза. Увы, только сейчас я понимаю, насколько сильно.

— Если он коснется ее хоть пальцем... — заревел Джек, лицо его от гнева пошло пунцовыми пятнами.

— Она вернется невредимой, — быстро прервал его Сев ледяным тоном. Больше он ничего не знал: ни почвы, на которой стоял, ни поедающего изнутри страха.

Он никогда даже не подозревал, что Малкольм на такое способен. Почему кузена столь сильно волнует, на ком женится Севастьян? К нему свадьба никак не относится.

— Куда он мог ее забрать? — произнесла Клео мысли принца, в ее глазах светилось ожидание, будто он должен знать ответ.

Сев помотал головой, презирая себя за незнание. Произошло ужасное событие, а он не заметил ни единого намека на его приближение.

— Ты не знаешь? — бушевал Джек.

— Нет. Он не посвятил меня в план похищения моей невесты. — Сев провел рукой по волосам. — Послушайте, — произнес он спокойным тоном, в котором не было и следа испытываемого им смятения. — Малкольм не знает, что мне известно о его причастности к похищению Грир.

Его переполняло желание действовать, обыскать весь Лондон, перевернуть весь мир, но это бессмысленно, когда не имеешь ни малейшего представления с чего начать поиски.

— И что? Чем это поможет? — рявкнул Джек.

— Он вернется. Должен вернуться, ведь ему нечего бояться. Сюда или в дом матери.

— Так мы будем ждать? — Клео растерянно тряхнула головой.

— Другого выбора у нас нет. — Севастьяну и самому претила мысль сидеть сложа руки, ведь одному богу известно, о чем думает Малкольм и что он может сделать с Грир. Но другого решения Сев не видел.

Он подождет.

И будет готов к возвращению Малкольма.

На молоденьком личике Клео вспыхнул настоящий страх.

— Пока мы ждем, ваш кузен может сделать что-нибудь...

— Мы будем ждать его возвращения, — отрезал Сев, не желая обсуждать ужасные сценарии — они уже и так крутились в мыслях — и все возможные злоключения, которые могли произойти с Грир, пока она в руках кузена.

— Думаю, Малкольм не навредит ей, — сказал он, хоть сам не был уверен в своих словах, а просто желал успокоить Клео.

— Он похитил ее. Я уверена, вы тоже не предполагали, что он решится на такое! — щеки Клео запылали.

— Нет. Признаться, не предполагал, — встревоженно ответил Сев, соглашаясь, что совсем не знает своего кузена.

— А если он убьет ее? — безжалостно вставил Джек, не заботясь ни о чьих чувствах. — Если твой кузен решит убить мою дочь, пока мы тут будем ждать, как ты предлагаешь?

Севастьян вздрогнул, когда пришлось допустить такую возможность и признать, что с Грир умрет и часть его самого. Если ее не станет, ничто уже не будет иметь для него значения: ни жизнь, ни будущее.

Все навсегда потеряет свой смысл.

Вместо ответа, принц развернулся и кивнул на пятерых с виду крепко сложенных конюхов, словно они уличные актеры, разыгрывающие грандиозное шоу.

— Вы пятеро. — Он указал направление апартаментов тети Нэши в районе Севен-Дайлс. — Ждите там на случай, если вернется мой кузен. Наблюдайте за улицей. Мне нужен он сам и его кучер. Не позволяйте кучеру уехать, вы поняли? Если мой кузен не пожелает говорить, то хорошее вознаграждение развяжет язык кучеру. Идемте, я все объясню в карете.

— И куда ты направляешься?

— В город, в свой дом. Думаю, Малкольм вернется туда, где лучшие условия жизни и прекрасная кухня. Я дождусь его и кучера. Так или иначе он попадется, и я узнаю о местонахождении Грир.

— Не думай, что тебе все легко сойдет с рук, если что-то случится с моей дочерью, Максими. Ты не сможешь так просто найти себе новую невесту, если все узнают, что ты в ответе за смерть предыдущей.

— Отец, — резко шикнула Клео с глазами, полными ужаса от последних слов отца. — Он не задумывал ничего плохого.

— Но оно случилось. И все из-за него.

Сев замер на месте, но не повернулся. Ярость, едкая и горячая, растекалась по телу, в то время как он боролся с охватывающим его страхом за Грир.

Джек Хадли совершенно прав. Севастьян сам виноват в случившемся. Он должен был увидеть, как-то понять, что кузен такой же гнилой, как и его отец.

Но Джек ошибался, считая, будто Сев попытается найти замену Грир. Она для него не просто брачный контракт. Ее нельзя заменить.

Может быть, у Грир были те же мысли, что и у Джека. Живот свело от упоминания возникшего образа. Возможно, она не знала об истине, открывшейся Севастьяну в эту минуту посреди фойе дома Джека Хадли, полного глазееющих слуг.

Он, Сев, влюблен в Грир Хадли.

Окончательно и безвозвратно влюбился в самую неподходящую женщину из своих

знакомых.

И лишь по этой причине сделал ей предложение. И если что-то случится с ней, он сломается. С потерей Грир он потеряет и себя.

Придя в себя, Грир не поняла, окончательно ли проснулась или грезит наяву в ловушке смутного состояния между сном и явью: вокруг царила темнота, воздух казался плотным и тяжелым, как ночью в густом лесу.

Грир задрожала от холода, ледяная влага пробрала до костей, и сознание пронзила мысль: это не сон.

Тут же нахлынули воспоминания. Заложница увидела лицо Малкольма, вспомнила его жестокие руки, жгучую боль на лице от удара.

Грир заморгала, пытаясь привыкнуть к темноте, и всмотрелась в окружающий мрак. Кажется, слева немного светлее. Она напряженно вслушивалась, силясь определить свое местоположение. Ничего. Могильная тишина. Значит, она не в Лондоне. Звуки городской суеты даже по ночам проникали в ее комнату, наполняя дыханием жизни все вокруг. Но в этом месте воздух был неподвижен и тих.

Содрогнувшись от пульсирующей боли в голове, Грир приподнялась на руках. Гравий и грязь оцарапали ладони. Под тяжестью тела скрипнули половицы.

Внезапно донеслись чьи-то шаги. Грир замерла, подумывая лечь обратно и притвориться спящей, но тут дверь распахнулась, и маленькую комнату залил свет. Теперь уже поздно: на пороге стоял Малкольм и смотрел на нее.

— Ты очнулась. Я уж начал было думать, что ударил тебя слишком сильно.

Грир села.

— Зачем ты это делаешь?

— Чтобы не позволить тебе выйти за Сева! — рявкнул он, пройдя в комнату.

— Почему? — Грир посмотрела ему за спину, оценивая возможность пробраться к выходу.

— Никто не может. До тех пор, пока дед не сгинет.

Грир неуверенно поднялась на ноги.

— Не понимаю.

— Разве Сев не рассказывал тебе обо мне — паршивой овце в нашей семье? По крайней мере, такой овцой был мой отец. Дед изгнал его, унизил и опозорил моих родителей, опозорил меня. — Малкольм яростно жестикулировал, расхаживая по комнате. — Старый ублюдок хочет увидеть Севастьяна женатым до того как умрет? Желает встретить свой конец, зная, что род Максими продолжается? Ну уж нет, не видать ему покоя! Я ждал годы, чтобы доставить старику страдания. И сделаю для этого что угодно!

Грир облизала пересохшие губы. Несомненно, она попала в руки безумцу. Он стремился сорвать женитьбу Сева, только чтобы расстроить деда. Нет. Едва ли он на этом остановится. Слишком уж Малкольм одержим идеей уничтожить короля. И вполне вероятно, он попытается уничтожить и Сева. Она, Грир, — только начало. Вряд ли он вообще позволит Севу вернуться в Малданию живым.

— Разве не ты поощрял Сева в его ухаживаниях за леди Либби?

— Разумеется. Я ведь знал, что они ни к чему не приведут. — Свет из комнаты освещал одну половину его лица, в то время как другая оставалась в тени. — До меня доходили слухи. Из разговоров слуг я проведал о ее тайных встречах с конюхом отца. Но не мог и предположить, что она убежит с ним так скоро.

Грир мотнула головой, но застыла, почувствовав резкую боль.

Малкольм продолжал, теперь в его голосе слышался упрек:

— Тебя я вообще не принимал в расчет.

Грир подняла голову и распрямила плечи, радуясь, что от этих движений ей не стало плохо.

— Как ты намерен поступить со мной дальше? — требовательно спросила она. — Будешь прятать, пока твой дед наконец не отправится на тот свет?

Малкольм скрестил на груди руки — точь-в-точь как капризный ребенок.

— Признаться, настолько далеко я не думал. Решил лишь помешать твоему отплытию в Малданию.

Грир кивнула и подобралась поближе к двери. То, что он еще не решил, как быть с ней дальше, не сулило ничего хорошего. Она не намеревалась оставаться здесь и ждать, пока он что-нибудь надумает.

Малкольм ничего не сказал, да и не нужно было. Страшная мысль затаилась в глубине сознания Грир: он может просто убить ее, чтобы избавиться от обузы.

Никто никогда не узнает правды. Исчезновение мисс Хадли навсегда останется загадкой. Она просто испарится.

И Сев никогда не узнает ни того, что с ней произошло, ни того, что она его любила. Живот болезненно скрутило.

Грир наблюдала за Малкольмом, и грудь все сдавливало болью. Затем смахнула с лица спутанные пряди волос и сделала бодрящий вздох.

Малкольм ходил по комнате, теребя кончики локонов, словно так мог вытянуть из своей безумной головы решение проблемы. Временами он кидал на невесту принца оценивающий взгляд и, казалось, совсем не замечал, как она осторожно подкрадывалась к двери. У пленницы дрожали пальцы, от волнения она тряслась каждой частичкой тела.

— Не могу поверить, что Сев в самом деле решил на тебе жениться! Такого не должно было произойти. — От злости негодяй рассек рукой воздух. — Он же чертов крон-принц, должно быть, у него крепко снесло крышу!

Грир не удержалась и закатила глаза, еще немного подвинувшись к двери, ведущей в освещенную комнату, из которой появился Малкольм.

— Ты его очаровала! Поймала в свои сети... как и та шлюха, которая много лет назад соблазнила моего отца, а потом рыдала, уверяла, будто ее изнасиловали, когда он лишь взял то, что она сама предложила! — В глазах похитителя горел пугающий свет далекого прошлого, и Грир сглотнула внезапную горечь во рту. — Мне следует сделать тебя своей... посмотреть, что за удивительное очарование скрывается в тебе.

Грир застыла, приготовившись к нападению, на шее лихорадочно начала пульсировать тонкая жилка, каждая мышца напряглась.

Малкольм, не глядя на пленницу, продолжал говорить, словно и не он секунду назад заявил о намерении ее изнасиловать:

— Если бы я не опасался, как бы ты и меня не очаровала, то так бы и сделал. — Губы его скривились в злобной ухмылке. — Хочется иметь что-то, что принадлежит Севастьяну... этому высокомерному ублюдку. Он не знает, как это больно, когда у тебя отняли все...

Грир воздержалась от замечания, что последние десять лет Сев провел на войне, в которой потерял своего брата, множество друзей и товарищей. Разум покинул Малкольма. Его состояние ухудшалось: в словах было все меньше смысла, он продолжал ходить туда-

сюда по комнате, шаркая сапогами по грязному деревянному полу.

Грир снова устремила взгляд к освещенной комнате. Она не знала, что ждет за стенами этого убогого жилища, куда он ее привез, но там, снаружи, определенно больше вероятность уцелеть, чем здесь, с сумасшедшим кузенком Сева.

Когда Малкольм пустился в очередную обличительную тираду о всех несправедливостях, выпавших на его участь и долю его семьи, она глубоко вдохнула и метнулась к двери.

От последовавшего крика по венам Грир заструился адреналин. Она вбежала в комнату и чуть не налетела на маленький столик, выхватив взглядом единственную дверь. Грир схватилась за засов, одним рывком распахнула дверь и выскочила наружу.

Она не стала тратить время на то, чтобы осмотреться. Крики Малкольма обжигали слух. Его голос раздавался близко, пугающе близко, но она запретила себе оглядываться.

Окрестность окутала ночь. Холодный зимний ветер пронизывал насквозь, но Грир не позволила себе обращать на него внимание и не остановилась, убегая все глубже в лес, обступавший маленький коттедж, из которого она только что сбежала.

Запах глинистой неводеланной почвы ударил в нос. Определенно, Малкольм увез ее из города.

Грир приободрила себя напоминанием, что никогда не боялась леса, и устремила в чащу.

Малкольм следовал по пятам, словно дикий кабан, яростно пробираясь сквозь ветви деревьев и заросли кустарника. Он двигался быстро — такой прыти она от него не ожидала.

Хотя, быть может, она сама стала медлительной из-за ран или тяжелых юбок, мешавших двигаться быстрее. Да и туфли на тонкой подошве не подходили для слякотной почвы. Как бы Грир ни старалась, она не могла оторваться от Малкольма и все дальше углублялась в лес, отчаянно перебирая ногами под громоздкой одеждой. Мышцы горели, но останавливаться было нельзя. Влажный подол волочился по замерзшей земле, Грир схватила юбки, пытаясь приподнять повыше края платья, пока петляла между деревьев.

Преследователь выкрикивал ее имя, эхом отдававшееся в холодном воздухе. Птицы в испуге с пронзительным криком покидали свои гнезда.

Отчаянные рыдания разрывали горло, но навалившаяся тяжесть полной и непоколебимой уверенности в том, что, если он поймает ее, — убьет, не позволяла остановиться.

Малкольм под влиянием безумия и бешенства пытался настигнуть беглянку, как гончая зайца.

Частое дыхание срывалось с губ Грир, холодные слезы бежали по щекам, ветки хлестали по лицу и цеплялись за одежду. Несмотря на боль в груди, несчастная ускорила темп, продолжая бежать наугад в лунном свете ночи. Света луны было недостаточно. Совсем не достаточно. В нем нельзя было разглядеть местность впереди.

Тут лес вдруг поредел, но Грир заметила это слишком поздно и не смогла вовремя остановиться.

Она резко застыла в тот миг, когда земля под ногами оборвалась. Пытаясь восстановить баланс, Грир взметнула руки в воздух. Мыски туфель коснулись каменистого края. Камни под ногами заскрежетали и посыпались вниз.

Грир вскрикнула, опасно зависнув на краю обрыва, и стала колотить руками по воздуху, чтобы откинуться и предотвратить падение.

Но все напрасно: она полетела вниз, и в ночи раздался крик, жуткий и нечеловеческий.

Ледяной воздух проносился мимо, пока она скатывалась по крутому склону без надежды остановиться. Остановиться прежде, чем достигнет земли.

Ветер рвал тело. Руки волочились по скалистой стене, Грир содрала кожу чуть ли не до костей, стараясь найти выступ или опору — хоть что-то, лишь бы прекратить падение.

Земля мелькала где-то внизу, готовая принять упавшую — и сломать ее тело холодной и безжалостной силой.

Сев. Грир никогда больше его не увидит. Никогда не сможет сказать о своих настоящих чувствах... сказать, как сильно хотела стать его женой. Только его. И причина не в том, что ей нужен был брак. Не в желании обрести безопасность, которую он нес, не в жажде стать уважаемой леди и не в том, что замужество считают обязательным этапом в жизни каждой женщины.

Грир любит Севастьяна, а теперь он никогда не узнает об этом. Она исчезнет. Сгинет на дне какого-то оврага, и никто ее не найдет.

С воплем отчаяния она принялась бороться сильнее, впиваясь в каменную стену ногтями и ломая их. Но лишь куски дерна и камни сопровождали стремительное падение и ничего больше. Никакой возможности спастись.

В конце концов Малкольм добился желаемого.

Часы на каминной полке пробили час ночи, когда у дома остановилась карета. Сев, затаив дыхание, ждал у окна, чтобы увидеть прибывшего. Спустя мгновение из кареты вышел Малкольм, и принц подал сигнал слугам, скрывавшимся за изгородью и вдоль боковой стены дома.

Они бросились вперед и, следуя приказу хозяина, сначала стащили с козел кучера: Сев хотел быть уверен, что тот не скроется в ночи, если вдруг Малкольм продемонстрирует свою несговорчивость.

Принц выбежал из гостиной, Джек Хадли и Клео поспешили следом, и вместе они спустились в фойе.

Малкольм пытался вырваться из рук своих захватчиков.

— Отпустите меня немедленно! Что происходит? — Взгляд его остановился на Севастьяне. — Кузен! Какого черта здесь творится? Прикажи этим негодьям меня отпустить!

Когда Сев твердым шагом стал подходить ближе, в Малкольме проснулась тревога, а от того, что он прочел по лицу брата, глаза его округлились.

— Где она? — резко спросил Сев.

— О ком ты говоришь? Где кто?

Мышцы на руках Сева напряглись. Внутри забушевала дикая ярость.

— Спрашиваю в последний раз: где Грир?

Малкольм замотал было головой, но перестал. Постоял немного молча, задумчиво склонив голову на бок, и, словно снизойдя до правды, ухмыльнулся:

— Там, где ты ее никогда не найдешь.

Сев бросился, рыча, как дикий зверь, и выдернул Малкольма из рук удерживающих его конюхов.

С грохотом они повалились на паркетный пол. Сев оседлал Малкольма и принялся бить снова и снова, пока не онемели руки, а пальцы не стали влажными от крови, да так и молотил, пока несколько слуг не вмешались и не оттащили его от брата.

— Где она? — орал Сев, ярость и отчаяние жгли грудь, так сжимали легкие, что каждый вдох доставлял боль и страдание. Та же боль терзала все тело.

Малкольм захохотал, как безумный, и пошатываясь поднялся на ноги. Он прижал ладонь к носу, из которого хлестала кровь.

— Удачи тебе в поисках.

Сев кинулся на него и схватил, готовый разорвать на части, но тот увернулся и выскочил за дверь.

Принц бросился следом.

Малкольм обернулся, все еще безумно хохоча:

— Полагаю, тебе придется снова искать невесту! Уверен, это подтвердит твое немалое мастерство, учитывая нынешнюю...

Малкольм не договорил: последние слова перешли в крик, который разлетелся в холодной ночи, когда он выбежал навстречу несущейся карете.

Негодяй упал под лошадиные ноги и вращающиеся колеса. Лошади хрипло ржали, топчя его копытами.

Через несколько метров экипаж замедлил ход, но взгляд Севастьяна остался прикован к

неподвижному изувеченному телу посреди улицы. Он первым добрался до места происшествия. Вскоре присоединились другие, привлеченные отвратительным зрелищем, словно мотыльки ярким пламенем.

Сев смотрел в пустые, невидящие глаза своего кузена и не чувствовал ничего. Ему не было жаль ублюдка, который украл у него Грир... и вполне возможно убил. Принц ничего не чувствовал.

Дрожа всем телом, он глотнул ледяной воздух и повернул обратно к дому. Из соседних домов выходили люди, толпа желающих собственными глазами увидеть мертвое тело заполнила улицу.

Вдруг Сев вспомнил о кучере и поспешил назад, не желая признавать, что Грир больше нет, что она потеряна для него и этого мира. Взлетев по лестнице, принц пробился сквозь толпу слуг и с облегчением увидел кучера на месте: ему не удалось улизнуть в неразберихе.

Сев схватил его за грудки и притянул к своему лицу.

— Где она? Куда ты их возил? — Он хорошенько потрянул слугу. — Если не хочешь, чтобы я придушил тебя на месте, ты сейчас же отвезешь меня туда.

Кучер в отчаянии кивнул, беспомощно размахивая руками.

— Хорошо. Мне не нужны неприятности. Мы ездили в коттедж, в старый охотничий дом прямо за городом.

Сев кивнул, сердце щемило от боли. Он отказывался верить, что Грир больше нет, что он ее потерял. Он должен сам ее увидеть... собственными руками прикоснуться к бездыханному телу, прежде чем отпустить.

Но и тогда... он никогда не сможет ее отпустить.

Грир пришла в себя от холода, что сковывал ее тяжелым саваном, из которого не сбежать. Держал, как худший из кошмаров. Дрожа, она разомкнула отяжелевшие веки и всмотрелась в предрассветный сумрак. Свет был неярким, но все равно пришлось зажмуриться. Острая пронизывающая боль терзала все тело. Не осталось ни единого места, свободного от этой боли.

Последним воспоминанием была темная комната и ночь... и она сама, мчащаяся навстречу собственной смерти.

От этого видения Грир приподнялась, но каждый нерв в теле закричал, протестуя. Она повалилась обратно и расцарапала щеку о грубую землю. Грир зашипела, почувствовав новый укол боли, но подумала, что должна быть рада.

Должна быть рада, ведь осталась жива и еще может что-то чувствовать.

Тяжело дыша, она осмотрелась. В воздухе клубился холодный туман, похожий на дым, и Грир ничего не увидела, за исключением бесконечного серого неба и маленькой полоски жесткой земли, на которой съежилась.

Она перекатилась на спину и посмотрела вверх, проведя взглядом по сплошной каменной стене справа.

Это оттуда она упала?

Тогда действительно чудо, что осталась жива.

Несколько минут Грир лежала, слушая завывание ветра и гомон птиц вдалеке. Набухшие животы облаков грозили пролиться дождем или просыпаться снегом.

Собравшись с силами, ритмично вдыхая и выдыхая, Грир наконец снова поднялась. Пока она усаживалась, от боли напряглась каждая мышца тела. Сквозь зубы вырывалось

шипение.

Грир осмотрела себя, оценивая полученные травмы. Когда пошевелила правой лодыжкой, то от резко ударившей боли вздрогнула и прикусила губу. Вряд ли удастся встать без посторонней помощи.

На окровавленных руках она подползла к месту, где обрывалась и исчезала земля и посмотрела на обрыв.

Далеко внизу между берегов, укрытых снегом и засохшей травой, протекал крошечный ручеек. Ей ни за что не выжить на этом выступе. Спуститься вниз тоже не выйдет, равно как и забраться наверх. Отчаяние грозило поглотить ее, но она не поддалась.

Даже столкнувшись со столь мрачным развитием событий, Грир все равно огляделась вокруг, будто ожидала найти другой способ выбраться. Что-нибудь, любую возможность сбежать из этого кошмара. Это не ее судьба. Она, Грир Хадли, не может умереть вот так.

Ветер усилился, хлестал ее, съезжившуюся на маленькой полоске земли. Если бы не этот выступ, то она бы разбилась насмерть.

Грир смахнула с лица спутавшиеся пряди волос и замотала головой, пытаясь избавиться от горячего прилива паники, готового захлестнуть ее всю.

«Ты не должна умереть. Не здесь и не так».

Но, несмотря на свои отважные мысли, Грир все же дрожала от страха. Поднеся ладони к губам, она закричала:

— Эй! Помогите, кто-нибудь!

Нет ответа.

От крика умолкли птицы. Грир звала помощь снова и снова. В конце концов она охрипла, а язык отяжелел и пересох во рту.

Казалось, ветер задул еще сильнее. Его одинокий вой усиливал страх, что никто не найдет ее здесь. Она сгниет на этом маленьком, выступающем из утеса клочке земли.

Грир подавила рыдания и сморгнула обжигающие глаза слезы. Годы спустя обнаружат лишь кости без единого намека на то, кому они принадлежали.

Она свернулась калачиком, плотнее закуталась в обрывки плаща и поклялась держаться и не позволять отчаянию овладеть ею даже сейчас, когда спасение казалось таким же недостижимым и слабым, как мерцающие звезды.

— Грир! — снова позвал Сев, пробираясь по лесу, окружавшему маленький охотничий домик, куда его привез кучер. Конечно же, внутри было пусто, дверь настежь распахнута, словно последние постояльцы покидали его в спешке.

Севастьян не один выкрикивал ее имя. Его крик эхом разносился между деревьев, обвивался вокруг темных узловатых ветвей и в вихрях ветра уносился прочь. Больше тридцати слуг, его и Джека, разбрелись по густому лесу в поисках пленницы.

Сев продвигался быстро, напряженным взглядом он всматривался в каждый куст, каждую ветку, ища ее следы — мельчайшие свидетельства того, что она проходила в этом месте. Если Грир здесь была, он ее найдет.

Рядом тяжело шагала Клео, одетая в простое шерстяное платье и тяжелые ботинки, она часто дышала, но держалась превосходно. Голос звучал хрипло, когда она выкрикивала имя сестры.

— Смотрите! Сюда! — закричал Джек недалеко от них.

Сев бросился вперед и внимательно осмотрел лоскут ткани, который Джек снял с

колючего куста.

Сбоку подошла Клео и взяла обрывок материи, чтобы изучить.

— Похоже на клочок от плаща Грир.

Как гончая на запах, Сев устремился вперед, он почти бежал сквозь деревья, зовя Грир. Внезапно он остановился, подойдя к тому самому месту, где земля неожиданно обрывалась. Сердце в груди замерло, когда носок сапога коснулся края обрыва.

Вскоре подошли другие. Как и Сев, они смотрели то вправо, то влево. Но перед ними простирались лишь пустота и воздух. Отсюда не было пути вперед. Можно было только вернуться назад или же... упасть вниз.

— О, Грир, — прошептала Клео.

Джек выругался.

Сев тут же представил Грир, ее яркие веснушки, выделяющиеся на испуганном лице, когда она бежала в ночи, преследуемая Малкольмом. В темноте она ничего не видела перед собой. У нее не было времени остановиться...

Запрокинув голову к небу, Севастьян закричал. Птицы в испуге разлетелись с безмолвных деревьев. Никто вокруг не издал ни звука.

Клео положила руку ему на плечо, Сев вздрогнул, борясь с яростным порывом стряхнуть ее и самому броситься с утеса, чтобы не чувствовать этой боли. Этого раздирающего на куски горя.

— Эй!

Он замер и повернул голову на слабый голос.

Вот он послышался снова, далекий... и знакомый, пронизанный страхом, похожим на тот, что мгновение назад целиком охватил Сева.

— Эй! Помогите! Помогите мне!

Севастьян упал на колени и посмотрел через край, вцепившись пальцами в грубую землю.

— Грир! Ты там?!

— Сев! Сев! — Его имя прозвучало искаженно и неясно от ее рыданий. — Я здесь, внизу! На выступе.

Он заметил ее в добрых тридцати пяти метрах внизу, перепачканную и оборванную, но живую. Она лежала на узкой полоске земли, выступающей из утеса. Внутри все перевернулось от того, каким ненадежным было ее положение. Выступ мог не выдержать и обвалиться в любое время, приведя любимую к смерти.

— Не шевелись! Замри и не двигайся! Понимаешь меня?

Не дожидаясь ответа, принц повернулся и крикнул собравшимся слугам, чтобы принесли веревку. Несколько мужчин развернулись и побежали обратно в лес к домику.

Время тянулось бесконечно долго, пока Сев ждал их возвращения.

— Грир! Ты ранена? — крикнул Сев.

— Я повредила лодыжку! Не могу встать.

Сев мрачно кивнул. Лодыжку можно вылечить. Нужно только поднять Грир на твердую землю, тогда он сможет согреть ее в своих объятьях, сможет вечно защищать.

Мужчины вернулись с веревкой. Севастьян обвязал ее вокруг талии так крепко, как только мог.

— Ваше высочество, может быть, я полезу? — вызвался конюх.

Сев резко мотнул головой:

— Нет, пойду я. — Он не доверит судьбу Грир никому другому.

— Слушаюсь, ваше высочество, — кивнул конюх.

Сев встал на краю утеса.

Расставив ноги для опоры, он, полностью согласный рискнуть своей жизнью, если это спасет Грир, крепко держался за веревку, пока его опускали вниз.

Грир смотрела, как Сев приближается прямо к ней, и не могла вдохнуть, пока он благополучно не опустился рядом.

Бедняжка придушенно вскрикнула, когда он сгреб ее в объятия и стиснул изо всех сил. Слезы хлынули потоком. Рыдания сотрясали тело в кольце сильных, таких надежных и утешающих рук.

— Я думала, меня никто никогда не найдет.

Сев зарылся руками в спутанный клубок ее волос.

— Я не переставал бы искать. Пошли. Давай вытащим тебя отсюда. — Поглаживая теплой ладонью Грир по щеке, он отстранился, чтобы посмотреть ей в лицо. — Сможешь сесть мне на спину?

Грир кивнула.

Сев изучающе оглядел ее.

— Точно? Сил хватит? Ты слишком слабая, а держаться нужно будет крепко.

Грир улыбнулась дрожащими губами.

— Я удержусь. Просто вытащи нас отсюда.

Ловкими пальцами Сев быстро проверил, надежно ли закреплена веревка, и, удовлетворенный, присел перед Грир, чтобы она смогла его оседлать.

— Мы готовы! — крикнул он вверх.

Их стали поднимать. Сев работал ногами, упираясь ботинками в скалу, помогая, и вскоре их вытянули несколько пар рук.

Грир изо всех сил вцепилась в него, стараясь правда не задушить. Подъем длился всего несколько минут, а казалось, будто прошла целая вечность.

Они с Севом рухнули в тесном переплетении друг с другом. Он, тяжело дыша, потянулся к любимой и соединил их пальцы.

— Грир! — Клео опустилась рядом с сестрой и прижала горячую ладонь к ее перепачканному лицу. — О, дорогая, ты холодна как лед.

Словно только одного этого напоминания, что она провела ночь раненая и беззащитная перед стихиями, недоставало Севу, он вскочил на ноги и подхватил страдалицу на руки.

Она положила щеку на его теплую широкую грудь, пока он шел по тому самому лесу, по которому она мчалась прошлой ночью, преследуемая настоящим дьяволом, намеревавшимся помешать ей выйти замуж за Сева — даже ценой ее жизни.

Грир облизала пересохшие губы.

— Твой кузен...

— Он мертв.

Она подняла голову и посмотрела на суровый профиль Севастьяна.

— Ты его?..

— Он выбежал перед экипажем. Сомневаюсь, что он страдал. — На челюсти дернулся мускул. — Не так, как должен был. Не так, как я заставил бы его страдать. — Сев вцепился в нее яростным взглядом. — За то, что он с тобой сделал... что хотел сделать, он заслужил много хуже, чем быструю кончину.

Дрожа от силы его выражений, Грир опустила голову назад на грудь Сева и позволила

размеренному качанию от шагов убаюкать себя.

Довольная, убежденная, что будет невредима и в безопасности в руках своего спасителя, она сдалась и провалилась в сон.

Теплое сияние света приветствовало Грир, когда ее веки затрепетали. Сначала она дернулась, немедленно откинувшись назад от края скалы, пойманная в ловушку смерти.

Проглотив хныканье, Грир огляделась и, когда поняла, что находится в собственной постели, с мягкими простынями натянутыми до груди, напряжение ее покинуло. Здесь тепло и безопасно.

Знакомая темноволосая голова покоилась рядом: Сев сидел, уткнувшись лицом руки.

Грир легонько коснулась шелковых прядей, пробежалась пальцами по роскошной гриве. Сев поднял голову, бормоча ее имя, и выпрямился в кресле возле кровати. Сонно моргая, он потянулся рукой к лицу невесты.

— Ты проснулась.

— А ты, похоже, нет. Почему не нашел себе кровать?

— Я нашел. — Его блестящие золотые глаза удерживали ее. — Твоей достаточно.

— Севастьян. — Она погладила его по щеке. — Ты, должно быть, сильно устал.

Он схватил ее за руку и задержал у своего лица.

— Это ничто по сравнению с тем, что мне пришлось вынести, когда я думал, будто потерял тебя. Грир, я не смогу пережить подобное снова.

Грир облизала губы, вспоминая время, проведенное в ловушке на выступе. Даже раньше: она вспомнила, как очнулась на полу в хижине и поняла, что Малкольм никогда не позволит ей вернуться к Севу. Как сожалела, что не призналась ему в своих чувствах — а ведь он значил для нее все. Зато могла открыться сейчас.

— Сев, — начала она хриплым голосом, но он не позволил ей продолжить.

— Сразу, как ты отдохнешь и полностью справишься, мы поедем в Малданию...

— Севастьян, — резко перебила она, решившись обнажить перед ним свое сердце, раскрыться, чего поклялась никогда не делать. Теперь уже не страшно.

Он посмотрел с любопытством.

Она могла лишь таращиться на него в ответ, передавая глазами слова, что висели на кончике языка.

Сев медленно растянул губы в улыбке.

— Я люблю тебя, Грир. — Его улыбка стала шире. — Это ты пытаешься сказать?

Грир задохнулась. Вместе с воздухом из груди она выдохнула слово:

— Нет.

Сев посерьезнел.

— Я собиралась сказать... — Она привстала на локтях. — Я люблю тебя... *Севастьян.*

Он снова повеселел.

— Вот проказница! — Сев склонился, коснулся ее губ своими раз, другой, затем и третий.

Этот последний поцелуй затянулся, стал неторопливым и глубоким, словно Сев не мог остановиться. Грир задыхалась, вцепившись мертвой хваткой в плечи любимого, и он наконец оторвался от нее.

— Так ты меня любишь? — самодовольно улыбаясь спросил он.

Грир улыбнулась в ответ, голова шла кругом.

— Хмм-мм. А ты любишь меня?

— Люблю. — К нему вернулось лукавое выражение лица. — Достаточно, чтобы узнать, когда у тебя день рождения.

— Тебе это все еще не дает покоя! — то ли засмеялась, то ли фыркнула Грир. — Хорошая попытка. Но придется стараться лучше. Возможно, потребуется любить меня годы, чтобы выпытать.

Севастьян снова приблизил к ней свои губы.

— Любить тебя много лет — звучит довольно просто. Могу довольствоваться тем, что рано или поздно я узнаю правду.

Грир закинула руки ему на шею, восторженно думая о грядущих долгих годах, которые они разделят вместе. Это превосходило все надежды... о таком она не смела и мечтать.

Восемь месяцев спустя...

Солнечный свет проникал сквозь окна со средниками в роскошную опочивальню. Грир скрестила руки и с завистью смотрела на лучи.

— Когда я смогу встать с кровати? Это абсурд, ты знаешь.

— Как только доктор заверит, что вставать неопасно, — сообщил муж, откинувшись на кровати. В отличие от нее, он был одет в дневную одежду и уже успел насладиться утренней верховой прогулкой. До Грир доходил от него свежий осенний воздух.

Она ударила кулаком по кровати между ними, показывая, что сердится.

— Адское пекло! Я беременна, а вовсе не умираю. Женщины проходят через подобное каждый день.

Сев отложил свою газету и обратил на жену все внимание.

— Может и так, но ты не просто какая-то женщина. Не для дедушки и особенно не для меня.

— Не говори мне, что согласен со всем этим баловством. Правда. Я хорошо себя чувствую. Легкое недомогание по утрам, ничего более. Я в хорошей форме и здорова. Доктор скажет все, что захочет твой дедушка. Он боится старого козла.

Губы Сева дернулись.

— Как и большинство людей.

Грир задрала подбородок:

— Я не боюсь. — Теперь, по крайней мере. Когда прошел первый испуг после прибытия во дворец, она быстро смекнула: король больше лает, чем кусает. Он не собирался говорить внуку, которого так очевидно любил, что разочарован в нем или тот совершил ошибку, женившись на Грир. Хотя король поначалу и смотрел на нее с прищуром, язык держал при себе. Даже изменился за последние месяцы, наблюдая за Грир и Севом вместе. А пристальный сощуренный взгляд исчез совсем, когда она объявила, что в тягости. Теперь она не волновалась: в глазах старика плясала новообетенная жизнь.

— Своим бесстрашием ты его безмерно впечатляешь. О, а также столь скорой беременностью.

На сей раз усмехнулась Грир. Она погладила Сева по руке.

— Это не только мое достижение. Видишь ли, я счастливо замужем за очень плодовитым мужчиной, который бесконечно донимает меня своими неумными аппетитами.

Он хихикнул:

— А с твоей стороны такого желания не было, да?

Сев целовал ее, пока они оба не запыхали и не стали задыхаться, цепляясь друг за друга: она — в ночной рубашке, он — в жакете и брюках. Грир скользнула руками под жакет, через рубашку прижала ладонь к крепкой груди.

— Я знаю для себя прекрасное лекарство.

— Правда? — хрипло спросил он ей прямо в губы.

Она обхватила его мужское естество.

— Можешь считать это подарком заранее.

— Подарком, — пробормотал он ей в шею, — к чему?

— О, к завтрашнему дню.

Муж отстранился и посмотрел на нее со странным выражением на лице.

— А что завтра?

Грир застенчиво улыбнулась.

— Полагаю, можно рассказать. — Она двинула руку к его крепкому животу, наслаждаясь ощущением, как мышцы чуть сократились под ее пальцами. — Завтра мой день рождения. И теперь ты знаешь, что женился на женщине старше себя.

Сев широко растянул губы в улыбке.

— Не совсем.

Грир вскинула голову.

Сев продолжил:

— Видишь ли... завтра и мой день рождения тоже.

Она замерла.

— Да ты шутишь.

Он засмеялся, вибрация смеха передалась на нее.

— Вот забавно! У нас день рождения один на двоих.

— Мы одного возраста? — Грир пораженно покачала головой.

Посмеиваясь, он снова поцеловал ее, покусывая нижнюю губу.

— Встает вопрос...

— М-м-м? — пробормотала она, затем застонала от удовольствия, когда Сев нашел ее чувствительную грудь.

— В который час ты родилась?

Она не ответила. Вместо этого опрокинула его на кровать и оседлала. Опустив голову, прошептала в губы:

— Тебе придется хорошенько потрудиться, чтобы заполучить эту информацию.

Что он и сделал.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

---

notes

Сезон — Балы и всевозможные мероприятия, где европейская аристократия выбирала женихов и невест.

Неф (франц. nef от лат. navis — "корабль") — главное помещение христианского храма, которое имеет продольную, вытянутую форму.

Анна Радклиф, урожденная мисс Уорд, английская писательница, одна из основательниц готического романа.

Фараон, банк или стос — карточная игра, которая пользовалась огромной популярностью в конце XVIII и начале XIX веков. Другие названия: «фаро», «шгосе» «любишь — не любишь», «подрезать». Фараон породил целое семейство банковых игр. Состояла игра в основных чертах в следующем. Один из двух игроков держал (и метал) банк; он назывался банкометом. Другой игрок (понтер, понтировщик) делал ставку («куш»). Понтёры из своих колод выбирают карту, на которую делают ставку, и банкомет начинает прометывать свою колоду направо и налево. Если карта понтера легла налево от банкомета, то выиграл понтер, если направо — то банкомет.